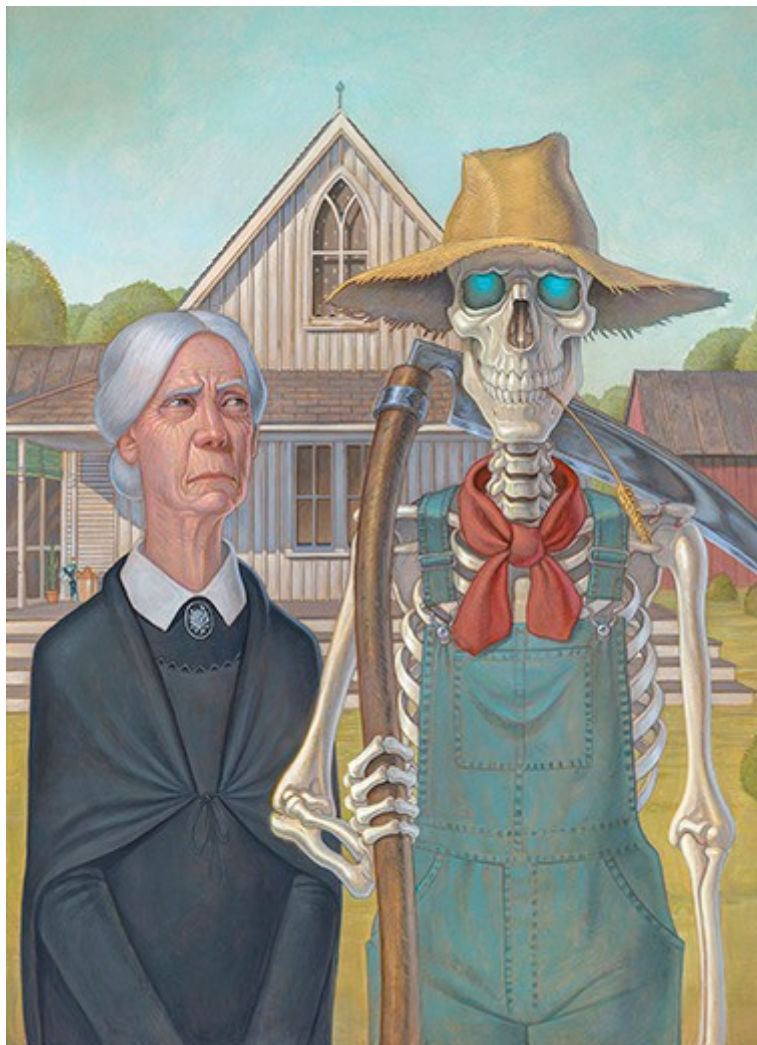

Терри Пратчетт

Человек с косой

"Плоский Мир" №11

пер. Степан М. Печкиң, 2004-2023

Степаниздат
Цур-Адасса, 2023

The Reaper Man, © 1991 by Terry Pratchett
Translation © Stepan M. Pechkin, 2022-2023
(p) Pechkin Production Initiatives, est. 1989

редакция от Stepan Pechkin (rev. 91)

(p) 1991 by [Victor Gollancz](#), London
ISBN 0-575-04979-0

Всякое коммерческое использование текста или какой-либо части текста без согласования с владельцами авторских прав оригинального издания запрещено соответствующими законодательными актами. Текст перевода публикуется исключительно с ознакомительными, образовательными и эстетическими целями. Издание не преследует никакой иной выгоды, кроме общего блага всех живых существ.

Танец моррис известен во всех обитаемых мирах Вселенной.

Его танцуют под голубыми небесами, празднуя пробуждение земли. Его танцуют и под черным небом, полным ослепительных звезд, потому что приходит весна, и, если повезет, то, может быть, углекислота снова начнет таять. Этот позыв ощущают и обитатель океанского дна, никогда не видевший солнца, и офисный служащий, чье единственное соприкосновение с природными циклами произошло, когда его “вольво” сбил овцу.

Бесшабашно танцуют моррис дикобородые молодые математики под аккордеон, пробирающийся с грехом пополам через пьесу “У миссис Виджери новый жилец”. Беспощадно танцуют его моррис-ниндзя из Нью-Анка, обученные делать поразительные и ужасные вещи при помощи простого платка и колокольчика.

Но никто и нигде не танцует моррис правильно – кроме как в Плоском Мире, который имеет форму плоского диска и покоится на спинах четырех слонов, плывущих через космос на спине Великого А-Туина, мировой черепахи.

И даже там лишь в одном месте умеют танцевать его так, как надо: в одной деревушке высоко в Овцепиках, где эта великая и простая тайна передается из поколения в поколение.

Там в первый день весны мужчины танцуют этот танец, подпрыгивая, сходясь и расходясь, звеня привязанными к лодыжкам колокольчиками и хлопая рукавами белых рубашек. Посмотреть на танцоров собирается народ. Потом жарят быка. День считается благоприятным для семейных пикников на природе.

Но это все не тайна.

Тайна – это другой танец.

А до него ещё далеко.

Тик-так. Тик-так. Что-то тикает, словно часы. И действительно: в небе висят часы, отщелкивающие новенькие блестящие секунды.

Они, конечно, похожи на часы. Но на самом деле это нечто совершенно им противоположное: самая большая стрелка совершает один-единственный поворот.

Под расплывчатым небом раскинулась равнина, покрытая мягкими волнистыми складками. Если бы вы смотрели на нее достаточно издалека, складки этой равнины сложились бы в картину, которая напомнила бы вам нечто совсем другое – и тогда вы порадовались бы, что смотрите на нее достаточно издалека.

В воздухе висели три серых призрака. Что они такое на самом деле, невозможно описать доступным нам языком. Иные могли бы назвать их херувимами, хотя ничего от розовощеких крепышей-младенцев в них не было. Их следует причислять к тем силам, которые следят, чтобы не ослабевала сила тяжести, а время не путалось с пространством. Мы назовем их Инспекцией. Инспекцией действительности.

Они общались, но без слов. Слова им были не нужны. Они просто приводили окружающую реальность в соответствие со своим высказываниями.

До сих пор такого не случалось, сказал один. Такое вообще возможно?

Не просто возможно, но даже неизбежно, сказал один. Это же индивидуальность. Всякая индивидуальность имеет конец. Вечны лишь принципы, добавил он не без самодовольства.

К тому же, вставил один, возникли нарушения. Где появляется индивидуальность – жди нарушений. Это уж всем известно.

То есть, спросил один, он не справляется с обязанностями?

Нет, ответил один. Тут к нему не подкопаешься.

Да вот же в чем проблема, воскликнул один. "К нему", "он"! Индивидуальность – вот что само по себе неправильно. Мы обязаны положить этому конец. Завтра у нас гравитация выработает себе индивидуальность. Решит, что она симпатизирует людям.

Или наоборот, положит на них, предположил один, да?

Голосом, который был бы еще холоднее, если бы уже не имел температуру абсолютного нуля, один отрезал: Нет.

Простите. Я пошутил, извинился один.

И наконец, продолжил один, он начинает задумываться о своей работе. Такие размышления просто опасны.

С этим никто не спорит, согласился один.

Значит, подытожил один, решено?

Один, задумавшись о чем-то, вдруг спросил: Минуточку! Это не вы сейчас произнесли личное местоимение единственного числа “я”? Выработываем индивидуальность, а?

Кто? Мы? вскинулся один.

Где индивидуальность, там разлад, изрек один.

Да, да. Очень верно, согласился один.

То-то, сказал один и пригрозил: Смотрите нам.

Так значит, решено? повторил один.

Трое посмотрели на Азраила, смотревшего на них с неба. Собственно, Азраил и был небом.

Азраил медленно кивнул.

Ну вот и хорошо, сказал один. Где это?

Плоский Мир, ответил один. Плывет по космосу на спине гигантской черепахи.

А, сказал один. Из этих. Терпеть их не могу.

Ну вот, опять! воскликнул один. Вы сказали “я”.

Неправда! возразил один. Не говорил! Я сказал только... Ой!..

Призрак вспыхнул и исчез, как облачко пара, быстро и бесследно. Почти тотчас же вместо него появился другой призрак, выглядевший совершенно так же, как предыдущий.

Пусть это послужит уроком, промолвил один. Индивидуальность губительна. А теперь нам пора.

Азраил проводил их долгим взглядом.

Нелегко представить себе, о чем думает существо настолько большое, что в нашем

пространстве его размеры можно измерять лишь световыми годами. Но все его исполинское тело повернулось, и глаза, в которых потонули бы звездные системы, принялись выискивать среди мириадом миров один-единственный – плоский.

Покоящийся на спине черепахи. Плоский мир – мир и зеркало других миров.

Это звучало занятно. А Азраил заскучал в своем миллиардолетнем заточении.

А вот место, где будущее пересыпается в прошлое через узкое горлышко настоящего.

Стены уставлены часами. Но это не простые песочные часы, хотя и выглядят похоже. Это не кухонные часы для варки яиц из тех, что покупают на память, — на дощечке с названием вашего любимого курорта, которое размашисто выгравировал кто-то, наделенный художественным вкусом дешевого пирожка с повидлом.

Пересыпается в них совсем не песок. Это секунды, бесконечным потоком превращающие “может быть” в “было”.

И на каждых часах – имя.

А зал полон еле слышным шорохом человеческих жизней.

Представьте себе эту картину.

А теперь добавьте в нее стук кости о кость. И он приближается.

Черный силуэт появляется в поле нашего зрения и движется вдоль бесконечных стеллажей шуршащего стекла. Щелк-щелк. Вот часы, верхняя колба которых почти пуста. Костяные пальцы тянутся и вынимают их. Потом следующие. Следующие. И еще.

Это повторяется изо дня в день – так можно было бы сказать, если бы здесь существовали дни.

Щелк-щелк. Пальцы вперед – пальцы назад. Черный силуэт медленно и терпеливо продвигается вдоль стеллажей.

И вдруг останавливается.

Потому что на полке стоят маленькие золотые часы не больше наручных.

Вчера их здесь не было. Точнее, не было бы, если бы здесь было вчера.

Костяные пальцы смыкаются на них и подносят к свету. На часах написано имя – маленькими прописными буквами.

Это имя – СМЕРТЬ.

Смерть поставил часы обратно на полку, но тут же взял снова. За это время просыпалось несколько песчинок. Смерть перевернул часы – просто так, на всякий случай. Песчинки продолжали пересыпаться, только теперь снизу вверх. Ну да, другого он и не ожидал.

Это означало, что, даже если бы здесь могло быть завтра, теперь его у него не будет.

Воздух за его спиной чуть поколебался. Смерть обернулся и спросил у призрака, едва различимого в полумраке:

– КАК ЭТО?

Призрак объяснил.

– Но это же... Это неправильно!

Нет, сказал призрак, это правильно.

На лице Смерти не дрогнул ни один мускул – их там не было.

– Я буду жаловаться!

Жалобы не принимаются, сказал призрак. Вам это известно. Жалобы не принимаются. Никогда. Никакие.

Смерть помолчал и сказал:

– Я ВСЕГДА ИСПОЛНЯЛ СВОЙ ДОЛГ. ТАК, КАК СЧИТАЛ НУЖНЫМ..

Призрак подплыл ближе. Он отдаленно напоминал монаха в серой рясе с капюшоном.

Мы знаем, сказал он. Поэтому мы разрешаем оставить лошадь.

Солнце клонилось к закату.

Самые недолговечные существа в Плоском Мире – мотыльки-поденки, чей возраст редко превышает сутки. Два пожилых мотылька роились над ручьем и рассказывали о старых добрых временах молодым поденкам вечернего выхлода.

– Солнце теперь уже не то, что раньше, – говорил один.

– Вот что правда, то правда. В былые-то часы солнце было, что надо. Желтое. Не эта ваша красная ерунда.

– Да и стояло оно гораздо выше.

– И то верно.

– И личинки тогда были гораздо воспитаннее.

– Да уж! – с чувством подтвердил второй мотылек.

– А я знаешь что думаю? Если бы нынешние поденки вели себя как следует, может быть, и солнце у нас было бы, как в былые часы!

Молодые поденки вежливо слушали.

– Я помню, как здесь были одни луга, – сказал самый старый мотылек. – Сплошные луга, насколько глаз хватит.

Молодые поденки оглянулись.

– Там и сейчас луга, – осторожно заметила одна из них, выдержав почтительную паузу.

– Это разве луга! – закатил глаза старый мотылек. – Вот раньше были луга!..

– Что верно, то верно, – согласился собеседник. – А корова! Помнишь корову?

– Точно! Помню корову! Была! Вон там стояла. Минут сорок, а то и все пятьдесят. Бурая она была, я точно помню.

– Верно. Таких коров нынче уже не найдешь.

– Да какие уж теперь коровы!

– А что такое корова? – спросил один из свежевывлупившихся.

– Ну! Ты это слышал? – воскликнул торжествующе старый мотылек. – Вот он тебе, нынешний мотылек!

Старики погрузились в мрачные раздумья.

– Погоди-ка. Что мы делали до того, как речь зашла о солнце? – спросил наконец один.

– Роились над ручьем? – попал пальцем в небо молодой мотылек.

– Нет, еще до того!

– А! Вы нам рассказывали о Великой Рыбе!

– Ну, да, вот именно! Так вот, Рыба... Суть в том, что если ты будешь хорошим мотыльком, будешь роиться над водой честно и праведно...

– Слушаться старших и уважать мудрых!

– ...Слушаться старших и уважать мудрых, то в конце концов Великая Рыба...

Хап. Хап.

– То Великая Рыба что? – спросил маленький и нетерпеливый юный мотылек.

Ответа не было.

– Что Великая Рыба? – повторила другая поденка встревоженно.

Молодые мотыльки глядели на расширяющиеся круги на воде.

– Знамение! Святое знамение! – завопила поденка. – Я помню, они рассказывали! Великие Круги на воде! Сие есть знамение Великой Рыбы!

Самый старший из молодых мотыльков молча глядел на воду. Он как раз вспомнил, что почетное право роиться над водой ниже всех теперь принадлежит ему.

– Говорят, – сказала поденка на самом верху роя, – что когда к тебе приходит Великая Рыба, она забирает тебя в страну, текущую... текущую... – Взрослые поденки не питаются, поэтому вышла заминка. – Ну... текущую. Водой, – проямлила она наконец.

– Вон оно как... – хмыкнул самый старший мотылек.

– Ах, как же хорошо там, наверно! – мечтательно промолвила маленькая поденка.

– Это почему же?

– Да ведь никто оттуда не возвращается!

А самые долговечные существа в Плоском Мире – знаменитые счетные сосны, растущие на самой границе вечных снегов высоко в Овцепикских горах.

Счетные сосны – один из немногих известных нам примеров импорта эволюции.

Обычные существа эволюционируют самостоятельно и постепенно. Таков закон Природы. Это очень естественно, очень органично и созвучно таинственным гармониям Космоса, уверенного, что лишь после миллионов лет безнадежных проб и ошибок тот или иной вид существ может заслужить облегчение своей участи при помощи альтруистической морали или, скажем, позвоночника.

С точки зрения вида это, может быть, даже верно, но у каждой конкретной особи это-

го вида может возникнуть ощущение, что природа подложила ей порядочную свинью. Или, по крайней мере, небольшого розового динозавра-желудеда, потомок которого когда-нибудь станет порядочной свиньей.

Так вот, счетные сосны разделались с этой проблемой, предоставив другим растениям эволюционировать за них. Семечко такой сосны, приземлившись в каком-нибудь уголке Плоского мира, первым делом при помощи морфического резонанса¹ подхватывает самые удачные гены вокруг себя, а затем из него вырастает то, что наилучшим образом соответствует почве и климату. Эти деревья, как правило, устраиваются намного лучше, чем аборигены – от которых они обыкновенно вскорости избавляются.

Но самое интересное в счетных соснах – это то, что они считают.

Заметив как-то, что люди научились определять возраст дерева, считая годовые кольца на спиле его ствола, счетные сосны решили, что именно для этого люди и валят деревья. К утру каждая счетная сосна изменила свой генетический код таким образом, чтобы на стволе, примерно на высоте человеческого роста, красовался ее точный возраст, выписанный четкими светлыми цифрами.

Не прошло и года, как почти все счетные сосны Плоского Мира срубили изготовители декоративных табличек с номерами домов. Уцелели лишь считанные деревья в самых труднодоступных местах.

Шесть считанных счетных сосен росли кружком и слушали самую старую, на корявом стволе которой значилось число тридцать одна тысяча семьсот тридцать четыре. Беседа длилась семнадцать лет, но здесь мы ее ускорим.

– Я помню, как никаких лугов здесь не было.

Сосны поглядели на раскинувшиеся перед ними тысячи миль пейзажей. Небо мигало, как в дешевом фантастическом фильме, когда изображают путешествие во времени. Выпал снег, полежал немного и растаял.

– А что ж тогда было? – спросила близстоящая сосна.

– Известно, что. Лед был. Конечно, не такой, как у вас сейчас. Тогда у нас были ледники что надо. Не то, что теперь – то он есть, то его нет. В наше время лед уж если лежал, то лежал – веками!

– А куда же он тогда делся?

– Куда-куда. Сошел, вот куда.

– Куда сошел?

– Куда-куда. Куда все сходит. Куда все сойдем...

– Бр-р! Как пробрало!

– Ты это о чем?

– Да вот зима налетела – аж дух захватило.

– Это разве зима? Вот когда я была еще в подлесе, зимы были такие, что...

И тут дерево вдруг исчезло.

¹ Морфический резонанс – это не выдумка сэра Терри. Эта идея принадлежит совсем [другому волшебнику](#). (Прим. перев.)

Недоуменно поморгав пару лет, одна из сосен в кругу воскликнула:

– Ну, надо же! Вот только что тут стояла, разговаривали, и вдруг на тебе!..

Если бы деревья были людьми, они пожали бы плечами.

– Так уж жизнь устроена, – сказала одно из них вежливо. – Ей там² лучше, чем здесь, это уж наверняка. Хорошей сосной была покойница, светлая ей память.

Молодое деревце, насчитывавшее всего пять тысяч сто одиннадцать лет, спросило:

– А что там? Там, где она теперь?

– Кто его знает, – ответила одна из сосен круга, отряхнувшись после недели дождей. – Из компоста мы вышли и в компост возвратимся.

Поскольку сосны попросту не способны заметить события, длящиеся меньше дня, стука топоров они никогда не слышали.

Вертраму Пуму, старейшему волшебнику во всем Развидимом Университете – вотчины магии, волшебства и комплексных обедов – тоже пришла пора помирать.

Он знал это, сухим и нетвердым старческим знанием.

Конечно же, размышлял он, толкая свое кресло-каталку по каменным плитам террасы в сторону своего кабинета, так или иначе каждый знает что когда-нибудь умрет – и мудрец, и невежда. Где он был до рождения, этого не знает никто, но каждый, кто родился, довольно скоро обнаруживает, что прибыл сюда с уже прокомпостированным билетом в обратную сторону.

Только волшебник знает об этом по-настоящему. Разумеется, это не относится к насильственной смерти; но о смерти, наступающей по причине окончания жизни – о ней волшебник знает. Волшебник получает заблаговременные предупреждения – чтобы успеть вернуть книги в библиотеку, отдать в чистку свой лучший костюм и занять побольше денег у своих друзей.

Вертраму было сто тридцать лет. Ему подумалось, что большую часть жизни он прожил стариком. Как-то это, воля ваша, нечестно.

И никому нет никакого дела до этого! Он обмолвился про это на прошлой неделе в парафессорской, и никто не уловил намека. А сегодня за обедом на него почти не обращали внимания, совсем. Даже его старые, с позволения сказать, друзья отводят глаза и стараются не замечать его, а ведь он даже ещё не начал занимать у них деньги.

Это как если бы все забыли твой день рожденья. Только хуже.

Умирать придется в одиночку, и никому до этого нет дела.

Вертрам толкнул колесом кресла дверь кабинета и принялся искать на столе возле двери своё огниво.

Вот, кстати, тоже. Огнива нынче ни у кого не найдешь. Все накупили у алхимиков этих длинных вонючих желтых спичек. Вертрам этого не одобрял. Огонь – это же огонь. Куда это годится, если каждый может зажечь его одним щелчком пальца. Никакого уваже-

² На стенах домов №№ 31, 7 и 34 по улице Вязов в городе Анк-Морпорк.

Внимательные читатели давно заметили, что если беседа сосен длилась 17 лет, то новенькая табличка должна была украсить дом №51, а не №34. (Прим. перев.)

ния. Вот они, нынешние. Вечно они спешат. Да и огонь этот нынешний... Такого огня, как раньше, теперь не делают. Нынешний огонь греет только, если усесться прямо на него задницей. Должно быть, что-то с дровами. Дрова нынче уже не те, что раньше...

Да все нынче какое-то не то. Все стало каким-то тонким. Жидким. Мутным. Все какое-то ненастоящее. Настоящей жизни нет ни в чем. Дни стали короче. Да уж. Таких дней, как раньше, теперь не бывает. Теперь каждый день тянется целую вечность, и в то же время, странное дело, друг за другом дни несутся, как табун бешеных скакунов.

К стотридцатилетнему волшебнику обращались по какой-нибудь надобности не часто, поэтому Вертрам давно уже приезжал к обеденному столу часа за два до трапезы, просто от нечего делать.

Значит, бесконечно длинные дни, которые проносятся стрелой... Бессмыслица же. Да и то, какой сейчас смысл? Где теперь найдешь такой смысл, как раньше...

А университетом заправляют юнцы. Раньше у кормила стояли настоящие волшебники, гиганты, люди-корабли – волшебники, на которых поневоле приходилось смотреть снизу вверх. Потом они куда-то исчезли, и теперь Вертрама покровительственно хлопали по плечу какие-то мальчишки, у которых еще зубы не выпали. Как этот салажонок Навернулли. Вертрам хорошо его помнил. Лопухий, прыщавый, с вечно текущим носом. Первую ночь в спальне общежития он плакал и звал маму. Вечно одни шалости на уме. И теперь они ему говорят, что Навернулли стал архканцлером. Как же! Видно, решили, что Вертрам Пум совсем выжил из ума.

Да где же чертово огниво? Никак не нащупать. Эх, вот раньше у людей были пальцы...

И тут кто-то сдернул покрывало с лампы. Еще кто-то подставил под шарящую по столу руку Вертраму кубок.

– Сюрприз-из!

В главном зале чертогов Смерти висят часы. Их маятник сделан в виде косы, но стрелок у них нет, потому что в чертогах Смерти нет смены времен, а есть лишь настоящее время. (Разумеется, перед нынешним настоящим было другое настоящее, но оно тоже было настоящее, только на мгновение старше.)

Маятник этих часов сделан в виде острой косы, и, увидев его, Эдгар Аллан По махнул бы рукой и нанялся клоуном в цирк шапито. Острый нож маятника качается с чуть слышным низким присвистом, нарезая тонкими до прозрачности ломтями ветчину вечности.

Мимо часов прошел Смерть и скрылся во мраке своего кабинета. Альберт, его слуга, ждал его там с полотенцем и бархатной тряпочкой.

– Доброе утро, хозяин!

Смерть молча сидел в своем просторном кресле. Альберт расправил полотенце на его острых покатых плечах.

– Денек сегодня славный. Не хуже, чем вчера, – попробовал он еще раз.

Смерть ничего не сказал.

Альберт встряхнул тряпочку и взялся за капюшон хозяйского балахона.

– АЛЬБЕРТ, – Смерть вынул маленькие золотые песочные часы. – ВЗГЛЯНИ.

– Ага, сэр. Какие симпатичные. Что-то я раньше их не видел. Это чьи?

– Мои.

Альберт покосился: на письменном столе Смерти в углу стояли большие песочные часы в черной оправе. Песка в них не было.

– Я, признаться, думал, что вот это ваши, – пробормотал Альберт.

– БЫЛИ ЭТИ. А ТЕПЕРЬ ВОТ ЭТИ. ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК. ОТ САМОГО АЗРАИЛА.

Альберт заворуженно глядел на ладонь Смерти.

– Там же песок... того... сыплется!..

– ВЕРНО.

– Но это же значит... это означает, что...

– ЭТО ОЗНАЧАЕТ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ ОН ПЕРЕСЫПЛЕТСЯ ВЕСЬ, АЛЬБЕРТ.

– Я понимаю, сэр... Но разве вы не... Я как-то думал, что время – это не для вас. Ведь вы... Причем тут вы, хозяин? – под конец голос Альберта зазвучал совсем жалобно.

Смерть снял с себя полотенце и поднялся с кресла.

– ИДЕМ СО МНОЙ.

– Хозяин! Но ведь вы же и есть Смерть! – причитал Альберт, на плохо слушающихся ногах поспевая за высоким силуэтом через зал, прихожую и по дорожке, ведущей к конюшне. – Что это, шутка такая? – добавил он с надеждой в голосе.

– ШУТНИКОМ МЕНЯ ЕЩЕ НИКТО НЕ НАЗЫВАЛ.

– Ну, конечно, конечно, нет. Я ничего такого не имел в виду. Но, послушайте, вы же не можете умереть! Вы же и есть Смерть! Вы не можете сами себя... Это же будет, как та змея, которая кусает свой собственный хвост...

– КАК БЫ ТО НИ БЫЛО, МНЕ ПРИДЕТСЯ УМЕРЕТЬ. ЖАЛОБЫ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ.

– А что же тогда будет со мной? – спросил Альберт, и страх тускло поблескивал в его словах, как металлическая стружка на лезвие ножа.

– СМЕРТЬ НЕ ИСЧЕЗНЕТ. ПОЯВИТСЯ КТО-ТО НОВЫЙ.

Альберт выпрямился:

– Не думаю, что я смогу служить другому хозяину, – сказал он.

– ТОГДА ВОЗВРАЩАЙСЯ В МИР. Я ДАМ ТЕБЕ ДЕНЕГ. ТЫ БЫЛ ХОРОШИМ СЛУГОЙ, АЛЬБЕРТ.

– Но, если я вернусь...

– ВЕРНО. ТЕБЕ ПРИДЕТСЯ УМЕРЕТЬ.

В теплом и дышащем полумраке яслей белый конь Смерти поднял голову от кормушки с овсом и поприветствовал хозяина негромким ржанием. Коня звали Бинки, и он был настоящий живой конь. Смерть пробовал и огненных коней, и костяных, и нашел их всех неудобными в работе – особенно огненных, которые постоянно поджигали собственную

подстилку и ясли и стояли потом посреди пожара с глупым видом.

Смерть снял с крюка на стене седло и поглядел на Альберта, переживающего экзистенциальный кризис.

Несколько тысяч лет назад Альберт, чтобы не умереть, нанялся к Смерти в слуги. Бессмертным он на самом деле не был – просто времени не было хода во владениях Смерти. Здесь стоял лишь один бесконечно меняющийся миг, но длился он очень долго. Жизни же Альберта оставалось не больше двух месяцев. Он берег свои дни, как золотые слитки.

– А я вот как-то... – вымолвил он. – Ну, как-то я вот...

– Ты боишься умирать?

– Не то, чтобы я был против... Я ведь всегда, вы знаете... Просто жизнь – это такая крепкая привычка, что... ну...

Смерть смотрел на него с любопытством. Так смотрят на жука, который неудачно приземлился тебе на ладонь и не может перевернуться на ноги.

Альберт помялся еще немного и умолк.

– ПОНИМАЮ, – сказал Смерть и снял с крюка уздечку Бинки.

– А вы вот, похоже, вовсе не взволнованы. Но ведь – что же, вы в самом деле умрете?

– ДА. ЭТО БУДЕТ СЛАВНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ.

– И вы прямо ни капельки не боитесь?

– Я НЕ УМЕЮ БОЯТЬСЯ.

– Эх, я бы мог вам показать, если хотите, – не удержался Альберт.

– НЕ НАДО. Я ХОЧУ НАУЧИТЬСЯ САМ. НАКОНЕЦ-ТО Я МОГУ ЧЕМУ-ТО НАУЧИТЬСЯ.

Помолчав, Альберт спросил:

– Хозяин! Если вы... уйдете, то будет...

– ЖИВЫЕ ВЫДУМАЮТ СЕБЕ СМЕРТЬ, АЛЬБЕРТ.

– Ну да. – У Альберта, похоже, затеплилась надежда. – И вы, случайно, не знаете, кто это будет?

– НЕ ЗНАЮ.

– Знаете, я, наверно, пойду... Приберусь тут по дому, приведу в порядок хозяйство – ну, все такое?

– ЭТО ОТЛИЧНАЯ МЫСЛЬ, АЛЬБЕРТ. – Смерть постарался по возможности придать своему голосу теплоты. – КОГДА Я ВСТРЕЧУ СМЕРТЬ, ЧТО ПРИДЕТ МНЕ НА СМЕНУ, Я НЕПРЕМЕННО ПЕРЕДАМ МОИ ЛУЧШИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ.

– А вы точно встретите смерть?

– НЕПРЕМЕННО. А ТЕПЕРЬ МНЕ ПОРА.

– Как? Уже?

– КОНЕЧНО. ВРЕМЯ НЕ ЖДЕТ.

Смерть пристегнул седло, выпрямился и торжественно поднес маленькие песочные

часы к лицу Альберта:

– СМОТРИ! ВРЕМЯ! НАКОНЕЦ-ТО У МЕНЯ ЕСТЬ ВРЕМЯ.

Альберт отшатнулся.

– И теперь, когда оно у вас есть, что вы собираетесь делать?

Смерть вскочил в седло.

– Я СОБИРАЮСЬ ЕГО ПОТРАТИТЬ.

Праздник был в самом разгаре. Полотнище с надписью “Прощай Въртрамъ! 130 незабываемыхъ лѣтъ” слегка колыхалось от духоты. Веселье дошло до той стадии, когда из выпивки остался только пунш, а из еды только невыясненного происхождения желтый соус и крайне сомнительные крекеры, и это уже никого не огорчало. Волшебники общались друг с другом с несколько натянутым оживлением людей, которые проводят вместе день за днем, а сегодня вынуждены провести вместе и весь вечер.

Во главе застолья сидел Вертрам Пум с большим стаканом рома и праздничным колпаком на голове. Он не скрывал слез.

– Настоящий День Схождения! – лепетал он. – Такого я не видел с тех пор, как Сошел старик Каракуль Запяткинс... А он Сошел, – заглавная буква далась ему не без труда, – в год... э-э... Внушительного, э-э... Дельфина, что ли. Я думал, в наше время никто уже и не помнит, как это делается...

– Библиотекарь нашел и нам рассказал, – объяснил казначей, кивая на крупного орангутанга, который силился дунуть в тещин язык. – Кстати, банановый соус – тоже его работа. Надеюсь, кто-нибудь прикончит этот соус поскорее.

Казначей наклонился:

– Вам положить еще оливье? – спросил он громко и членораздельно, как разговаривают с идиотами и стариками.

Вертрам приставил к уху дрожащую ладонь.

– Что? Что такое?

– Еще! Оливье? Вертрам?

– Нет-нет, спасибо!

– Может, колбаски?

– Что?

– Кол-бас-ки!

– Не стоит. Меня от нее всю ночь будет пучить, – ответил Вертрам и, поразмыслив, положил себе пять ломтей.

– А кстати, – проревел казначей, – вы не знаете случайно, в котором часу...

– Ась?

– В котором! Часу!

– В девять тридцать, – дал Вертрам точный, пускай и не вполне членораздельный от-

вет.

– Это хорошо, – одобрил казначей. – Детское время. Практически весь вечер свободен...

Вертрам принялся копаться в закромах своего кресла на колесиках – могильного кургана из древних подушек, книжек с обтерханymi углами страниц и недососанных леденцов. Наконец он извлек книжечку в зеленом переплете и сунул ее Казначею. Тот перевернул ее к себе. На обложке были коряво выписаны слова: “Вѣртрамъ Поумъ. Ежѣднѣвнѣкъ”. Страница сегодняшнего дня была заложена шкуркой от бекона.

В графе “Дела” неверным старческим почерком было написано: “Умереть”.

Казначей не удержался и заглянул на следующую страницу. Так и есть. “Дела” на завтра: “Родиться”.

Казначей невольно покосился на маленький столик у стены. Хотя в зале толпилось немало народу, вокруг этого столика было свободно, словно никому не хотелось вторгаться в его личное пространство.

В ритуале празднования Дня Схождения этому столику отводилось особое место. Его накрывали черной скатертью, на которой было вышито несколько магических знаков. На ней стояло блюдо с отборными сладостями, а также стакан вина. После продолжительных прений волшебники положили рядом с прибором праздничный бумажный колпачок.

Лица у всех были выжидающие.

Казначей вынул из кармана часы и откинул крышку.

Это были новомодные карманные часы со стрелками. Стрелки показывали четверть десятого. Под цифрой 12 распахнулось маленькое окошечко, и крошечный бес высунул голову из него и пропищал:

– Зачем звал, начальник? Работа работаем, педаля крутим, все путем!

Казначей захлопнул крышку часов и беспомощно огляделся. Никто не выказывал желания сменить его на посту рядом с Вертрамом Пумом. Казначей понял, что продолжать учтивую беседу придется ему. Он поискал тему для разговора. Все, что приходило ему в голову, годилось для этого случая не вполне.

Вертрам Пум сам пришел ему на помощь.

– Знаете, я собираюсь переродиться женщиной, – произнес он.

Казначей несколько раз открывал рот и закрывал его в нерешительности.

– Прямо не могу дождаться, – продолжил Пум. – Мне кажется, это будет очень забавно.

Казначей судорожно перелистнул свой мысленный разговорник на тему “женщины”. Он наклонился к волосатому уху Вертрама.

– Но это же сколько стирки! – выдавил он из себя. – Все это постельное белье, нижнее белье, верхнее... А готовка? Думаете, вы справитесь?

– В той жизни, которую я себе, э-э, планирую, этого не будет, – решительно ответил Вертрам.

Казначей умолк. Но тут архканцлер постучал ложкой по столу.

– Коллеги! – начал он, когда в воздухе начало образовываться что-то, напоминающее затишье. Его зачин вызвал бурный и нестройный хор приветственных возгласов. – Как все вы знаете, мы собрались сегодня, чтобы проводить в... – послышался чей-то нервный смешок, – чтобы проводить на покой нашего старинного друга и собрата по ремеслу Вертрама Пума. Вы знаете, я вот смотрю на старину Вертрама, что сидит здесь с нами, и мне невольно вспоминается – не знаю уж, отчего – история о корове с тремя деревянными ногами. Дело в том, что жила-была однажды корова, и...

Казначей позволил себе погрузиться в раздумья. Эту историю он знал. Архканцлер под конец непременно забудет, в чем заключалась самая соль, да и задуматься, вообще говоря, было о чем.

Взгляд казначея то и дело возвращался к маленькому столику у стены.

Казначей был незлобивый, тихий, хотя и малость нервозный малый. Должность свою он, пожалуй, любил. Как минимум, ни один волшебник не стремился ее занять. Стать архканцлером или, к примеру, ректором одного из восьми факультетов магии хотели многие волшебники, а вот сидеть все свое время в кабинете, перебирая накладные и подбивая дебет и кредит, не хотелось практически никому. Вся бумажная волокита в Университете проходила через кабинет казначея, и каждую ночь он падал на кровать еле живой от усталости. Но, по крайней мере, спал он крепко и не должен был перед сном со всей тщательностью проверять свою ночную рубашку на предмет скорпионов и других сюрпризов. Устранение волшебника вышестоящего ранга – принятый способ продвижения по служебной лестнице. Но покуситься на должность казначея мог только тот, кто разделял бы его тихую любовь к цифрам, аккуратно выстроенным в столбцы и таблицы, а такие люди редко идут на душегубство.³

Казначею вспомнилось его далекое детство в Овцепикских горах. Они с сестрой непременно оставляли на столе рюмку вина и кекс каждую страшдественскую ночь – для Деда-Пороса. Тогда все было по-другому. Он был тогда совсем молод, и многие премудрости еще не принесли ему многие печали.

К примеру, он знать не знал тогда, что когда-нибудь станет волшебником и однажды вместе с другими волшебниками выставит рюмку вина, кекс, тарелку с малоаппетитным куриным волованом и бумажный колпачок для...

...Ни для кого иного, как для...

В детстве у казначея, разумеется, тоже были посиделки на Страшество. Все они происходили по одному и тому же сценарию. Когда детей уже начинало мутить от восторга и возбуждения, кто-нибудь из взрослых вдруг произносил: “Кажется, к нам гость! Да не обычный!” И – о, чудо! – за окном внезапно слышался звон кабаньих колокольчиков, дверь распахивалась, и входил...

...Вот в эту дверь...

Казначей помотал головой. Ну, кто? Конечно, чей-нибудь дедушка с ватной бородой. Какой-нибудь дядька в шубе и с мешком игрушек, отряхивая снег с валенок. Он приносил подарки.

А вот сегодня...

³ Пока в один прекрасный день такой человек не хватает нож для бумаг и не прокладывает им себе путь из бухгалтерии в справочники по судебно-медицинской экспертизе.

Наверно старый Вертрам видит это иначе. На сто тридцать первом году жизни смерть, должно быть, становится по-своему привлекательна. Может быть, появляется любопытство – что же будет дальше?

Хитрозавернутый анекдот архканцлера, запинаясь и пошатываясь, дотащился до своего конца. Присутствующие волшебники отсмеялись и принялись выяснять, в чем же заключались юмор и мораль.

Казначей бросил взгляд на часы. Они показывали двадцать минут десятого.

Вертрам Пум выступил с ответной речью. Она была длинной, путаной и сбивчивой. В ней Вертрам много распространялся о старых добрых временах и, кажется, принимал большинство присутствующих за людей, скончавшихся добрых полвека назад, но никто этого не заметил, потому что старого Вертрама уже давно привыкли слушать в пол-уха.

Казначей не мог отвести глаз от циферблата. Изнутри доносился еле слышный скрип шестеренок – бес, терпеливо крутя педали, ехал себе в вечность.

Двадцать пять минут.

Как же это будет, думал казначей. Что это? Вы слышали? Кажется, к нам гость. Да не обычный. И – топот копыт за дверью?

Кстати, открывает ли он, дверь или проходит сквозь нее? Да ну, вот глупый вопрос. Он же славится умением проникать в закрытые места. Даже в герметически закрытые. Даже, если вдуматься, особенно в герметически закрытые. Закройся где-нибудь, заткни все щели – и дальнейшее лишь вопрос времени.

Казначей все же надеялся, что Он использует дверь по назначению. Нервы у него и так уже были на пределе.

Веселье как-то увядало. Не один волшебник, заметил казначей, то и дело поглядывает на дверь.

Вертрам оказался в центре деликатно расширяющегося круга. Никто не отходил от него нарочно, но какое-то броуновское движение само отодвигало волшебников подальше от его кресла.

Волшебники могут видеть Смерть. И когда волшебник умирает, Смерть является собственной персоной, чтобы забрать его с собой. Казначей никогда не понимал, почему это считается привилегией.

– А на что это вы все уставились? – спросил Вертрам со смешком.

Казначей раскрыл часы. Окошечко под цифрой 12 распахнулось.

– Начальник, можно больше не надо вот это туда, сюда? Со счета сбивает, шайтанам! – пропищал бес.

– Извини, – шепнул казначей. На часах было двадцать девять минут.

Архканцлер встал.

– Итак... Прощайте, дорогой Вертрам, – пробасил он, тряся желтую и сухую руку старика. – Нам будет вас очень не хватать.

– Просто не знаю, как мы без вас тут будем... – с благодарностью подхватил казначей.

– Удачи в следующей жизни, – добавил декан. – Если окажетесь в наших краях и,

мало ли, вспомните что-нибудь – непременно загляните к нам!

– Да, почувствуйте себя, как дома, – подтвердил архканцлер.

Вертрам Пум доброжелательно кивал. Что ему говорили, он не слышал, и кивал от общего благодушия.

Все волшебники, как один, повернули лица к двери.

Окошко под цифрой 12 снова открылось:

– Дилинь-дилинь, – объявил бес. – Бим-бом. Динь-дон, начальник.

– А? Что? – вздрогнул казначей.

– Пол-десятого, начальник, – пояснил бес.

Волшебники повернулись к Вертраму Пуму. На лицах их недоумение начало сменяться разочарованием.

– Что вы все на меня смотрите? – спросил Вертрам.

Секундная стрелка на часах с едва слышным скрипом двинулась дальше.

– Ну, как мы себя чувствуем? – громко спросил декан.

– Лучше всех, – ответил Вертрам. – А что, еще немного этого, как его, рома у нас найдется?

Волшебники проводили взглядами струйку, которую Вертрам направил в свою кружку.

– Вам это не полезно, – заботливо предупредил декан.

– Ваше здоровье! – отрезал Вертрам Пум.

Архканцлер побарабанил пальцами по столу.

– Пум, дорогой, – спросил он, – вы уверены?..

Вертрама было не остановить.

– У нас еще остались эти, как их, вскрикеры? По мне, конечно, это не еда – ну, что это такое, обмакивать куски картона в разноцветную слизь? Что бы я съел сейчас, так это знаменитую кулебяку мистера Грызли!..

И тут он умер.

Архканцлер оглядел коллег-волшебников. Затем на цыпочках он подошел к креслу-каталке и взялся за опутанное синими венами запястье. Подержав его некоторое время, он покачал головой.

– Эх, хотел бы я себе такой смерти, – промолвил декан.

– Чтобы с кулебякой? – уточнил казначей.

– Да нет! Чтобы в таком возрасте.

– Стоп-стоп-стоп! – запротестовал архканцлер. – Это непорядок, знаете ли. Согласно традиции, Смерть приходит за волшебником собственноручно...

– Может быть, Он слишком занят? – торопливо предположил казначей.

– В самом деле, – подхватил декан. – Я слышал, в Щеботане серьезная эпидемия грип-

па.

– К тому же, какой шторм был давешней ночью! – добавил профессор новейшей древности. – Масса кораблекрушений, я так думаю.

– И потом, весна же – лавины сходят в горах.

– А чума! Чуму забыли?

Архканцлер задумчиво погладил бороду.

– Н-да... – протянул он.

Тролли – единственные существа в мире, которые считают, что все живое движется по времени задом наперед. Если прошлое нам видно, а будущее от нас скрыто, говорят они, то это означает лишь, что мы повернуты лицом не в ту сторону. Все живое идет по жизни спиной вперед.

И это очень интересная мысль, особенно если вспомнить, что принадлежит она существам, которые большую часть своей жизни проводят, лупя друг друга булыжниками по голове.

Так или иначе, но время – это то, что есть у живых.

Смерть галопом скакал вниз, покидая черные горы грозовых туч.

Теперь у него тоже было время.

Время жизни.

Вертрам Пум вглядывался во мрак.

– Эй! Есть тут кто-нибудь? – спросил он. – Ау-у!

Что-то тихо и печально вздохнуло вдалеке, словно ветерок на выходе из туннеля.

– Давай, выходи уже, где ты там, – позвал Вертрам голосом, дрожащим от волнения. – Не стесняйся. Я тебя уж заждался, признаться.

И он потерял свои призрачные ладошки с не совсем искренним воодушевлением.

– Ну же? Тут некоторых новая жизнь ждет!

Мрак оставался неподвижным. В нем не было ни звуков, ни форм. Он был безвиден и пуст. И дух Вертрама Пума носился над мраком.

Дух покачал головой.

– Что за чушь! – пробормотал он. – Ерунда какая...

Поносившись некоторое время и не найдя, чем бы еще заняться, дух направился обратно, в единственное место, которое считал своим домом.

В этом доме он провел сто тридцать лет. Дом не ждал его обратно и сопротивлялся изо всех сил. Чтобы преодолеть такое сопротивление, нужны немалые силы или немалое отчаяние. Но Вертрам Пум был волшебник с почти вековым стажем. К тому же, это было, как взламывать свое собственное жилище, в котором живешь долгие годы и которое знаешь, как свои пять пальцев. Ты просто помнишь, где находится, образно выражаясь, то окно, которое давно уже перестало закрываться на задвижку.

Коротко говоря, Вертрам Пум вернулся.

Волшебники не верят в богов потому же, почему обычные люди не испытывают потребности верить, скажем, в табуретки. Волшебники знают, что боги существуют. Они согласны, что в их существовании есть смысл. Многие из них считают, что боги – это нормально, что в правильно выстроенной вселенной найдется место и для богов. Но никому из них не придет в голову думать или ходить по улицам и твердить “Не покинь меня, о великая Табуретка, ибо без тебя я – ничтожество и прах земной!”

В самом деле: существуют ли боги независимо от того, веришь ты в них или нет, или же они существуют как производное от веры – и в том, и в другом случае совершенно допустимо не забивать себе голову этими заботами и спокойно заниматься своими делами.

Несмотря на все это, в главном корпусе Университета имеется маленькая часовня. Хотя в целом волшебники придерживаются философии, изложенной выше, успешным волшебником не станет тот, кто слишком часто щелкает богов по носу – пусть этот нос и существует в астральном или вовсе в переносном смысле. Пускай волшебники и не верят в богов – им прекрасно известно, что сами-то боги в себя очень даже верят.

В этой часовне сейчас лежало тело Вертрама Пума.

Устав Университета предписывал двадцать четыре часа на прощание с усопшим – после памятной ещё многим выходки покойного Ложнощера Проказни по прозвищу Балаганчик лет тридцать тому назад.

Тело Вертрама Пума открыло глаза. Две монеты со звоном покатались по каменному полу.

Руки, сложенные на груди, пошевелили пальцами.

Вертрам приподнял голову. Какой-то кретин воткнул мне в штаны лилию. Что за люди!

Он покосил глазами налево и направо. По обе стороны от его головы горели массивные свечи.

Вертрам приподнял голову еще чуть-чуть. В ногах стояли еще две горящие свечи.

Спасибо тебе, старина Проказни, подумал Вертрам. Не то любоваться бы мне сейчас на крышку недорогого соснового гроба. Изнутри.

Однако, подумал он затем, я мыслю. Определенно. Следовательно....

Вертрам выпрямился снова, ощущая, как дух разливается по его телу, точно расплавленный металл по форме. Огненные мысли текли по темным коридорам его мозга, включая и разгоняя сонные нейроны.

При жизни я таким не был.

Но я же и не мертв.

Не живой и не покойник...

Неупокойник...

Или, иначе говоря, нежить.

Вот те на...

Вертрам сел в гробу. Мускулы, не работавшие, как следует, последние семьдесят, а то и восемьдесят лет, беспрекословно подчинились. Впервые за всю жизнь – Вертрам поправил себя: точнее, пожалуй, будет сказать “за все существование”? – тело Вертрама Пума было полностью подвластно Вертраму Пуму. Потому что дух Вертрама Пума не собирался больше прислушиваться к жалобам каких-то там мышечных тканей.

Тело встало. Суставы попытались возопить, но противостоять натиску воли они могли не больше, чем комар-дистрофик – паяльной лампе.

Дверь в часовню была закрыта. Но Вертрам обнаружил, что даже легкого нажима достаточно, чтобы вырвать засов из двери с мясом и оставить отпечатки пальцев на бронзе дверной ручки.

– Однако! – промолвил он.

Вертрам вывел свое тело в коридор. Отдаленный звон посуды и гул голосов сообщили ему, что одна из четырех ежедневных университетских трапез шла полным ходом.

Вертрам задумался, полагается ли обед покойнику. Наверяд ли, решил он. Да и сможет ли он отобедать? Нет, дело не в том, что он не голоден. Дело в том, что... То есть, Вертрам мог мыслить. Для ходьбы и других движений оказалось достаточно сокращать некоторое число довольно очевидных мускулов. Но как на самом деле работает желудок?

Вертрам начинал осознавать, что человеческое тело отнюдь не управляется мозгом, что бы сам мозг ни думал по этому поводу. Управляется оно не менее, чем дюжиной сложнейших механизмов, каждый из которых работает так тихо и тонко, что о нем и не подозреваешь, пока он не сломается.

С капитанского мостика черепа Вертрам осмотрел свой корпус. Он оглядел беззвучный химкомбинат печени с отчаянием, которое строитель байдарок мог бы испытать, глядя на консоль управления супертанкера. Таинственные почки ждали своего нефроманта. А что такое, собственно говоря, вот эта ваша селезенка? Как, собственно говоря, ею пользоваться?

У Вертрама сжалось сердце. То есть, наоборот, не сжалось.

– Что за напасть! – пробормотал Вертрам, прислонясь к стене. А эта-то штука как работает? Он подергал за несколько нервов, показавшихся подходящими. Как же это было? Систола – диастола, систола – диастола?.. Кто же об этом задумывается!

А потом ведь есть еще легкие...

Как циркач, жонглирующий одновременно восемнадцатью вращающимися тарелочками, или как отец семейства, пытающийся запрограммировать видеомagniтофон по инструкции, которую переводил с японского на голландский язык школьник из корейской глубинки – или как человек, который начал понимать, что значит в полном смысле слова держать себя в руках, – Вертрам Пум повлек себя вперед.

Волшебники Развидимого Университета полагали чрезвычайную важность в обильном питании. Невозможно, считали они, ожидать от волшебника сколько-нибудь серьезного волшебства без супа, рыбы, дичи, нескольких солидного размера мясных блюд, пары-тройки кулебяк, вот этой дрожащей штуки со взбитыми сливками, маленьких пикантных штучек на кусочках хлеба, фруктов, орехов, мятных конфет размером с кирпич и кофе. Все это придает волшебнику, как бы это сказать, форму. Важно также, чтобы пища подавалась регулярно, в одно и то же время. Это придает форму и смысл течению времени, говорят волшебники.

Не разделял их мнения только казначей. Он почти ничего не ел, а энергию получал от нервов. Он считал себя дистрофиком, но всякий раз, глядясь в зеркало, он видел в нем толстяка: это был архканцлер, который за что-нибудь его сердито отчитывал.

Конечно же, именно казначею не посчастливилось сидеть напротив дверей, когда Вертрам Пум высадил их – потому что это было проще, чем возиться непослушными пальцами с дверными ручками.

Казначей перекусил свою ложку.

Волшебники, сидевшие на скамье напротив, разом обернулись.

Вертрам Пум постоял немного, пошатываясь, овладел голосовыми связками, гортанью и языком, и тогда сказал:

– Кажется, у меня получится усваивать алкоголь.

Архканцлер пришел в себя первым:

– Вертрам! А мы думали, ты умер...

Архканцлер тут же понял, что реплика его не очень-то умна. Если у кого-то заболит голова, и он решит прилечь на полчаса в тишине, его обычно не кладут на стол со свечами и лилиями.

Вертрам проделал несколько шагов вперед. Волшебники, оказавшиеся в опасной близости к нему, отчаянными прыжками поспешили убраться с его дороги.

– Разумеется, умер, – проговорил Вертрам. – Что я, по-вашему, всегда так выгляжу? Эх вы, недоросли! – Вертрам обвел повстававших из-за стола волшебников тяжелым взглядом. – Кто-нибудь из вас знает, что делают с селезенкой?

Приблизившись к столу, Вертрам ухитрился сесть на скамью.

– Это должно быть как-то связано с пищеварением, – продолжал он. – Вот интересно: всю жизнь эта штука внутри тебя тикает – или что она там делает, булькает? – а ты и понятия не имеешь, за каким рожном она тебе нужна. Или вот, допустим, лежишь ты ночью в кровати, и вдруг в животе такое бр-р-р-р-бл. И для тебя это просто, ну, булькнуло что-то, а ведь кто знает, какой удивительный сложный химический процесс там происходит. Обмен веществ...

– Ты стал нежитью? – выговорил наконец казначей это жуткое слово.

– Я не собирался, – ответил покойный Вертрам Пум, огорченно глядя на еду и силясь понять, как бы превратить ее в Вертрама Пума. – Я вернулся, потому что больше некуда было деваться. По-вашему, мне здесь нравится?

– Но, погоди-ка, – вмешался архканцлер, – а как же... ну, знаете, этот? Скелет с косой?

– Не видел, – емко ответил Вертрам, разглядывая ближайšie к нему тарелки. – Какая, однако, утомительная штука эта ваша не́жизнь. Сколько сил забирает.

Волшебники за его спиной отчаянно жестикулировали друг другу. Вертрам обернулся и строго посмотрел на них:

– И хватит отчаянно жестикулировать у меня за спиной! Я все вижу!

Только тут он с изумлением понял, что это правда. Глаза, которые последние шестьдесят лет видели все сквозь туман и дымку, сейчас работали, как точнейшие оптические при-

боры.

Умы волшебников Развидимого Университета сейчас занимали две мысли.

Волшебники думали такие мысли: “Ужас какой. Это и вправду старина Вертрам. А был такой славный старикашка. Как же теперь от него избавиться?”

Как теперь от него избавиться?

Сам Вертрам Пум на гудящем и мигающем всеми лампочками мостике своего корабля думал следующее: “Приехали. Значит, есть-таки жизнь после смерти. И она точь-в-точь, как та, что до. Н-да. Не с моим счастьем...”

– Ну-с, – сказал он наконец, – какие будут соображения?

Минут пять спустя самые старшие волшебники, числом около полудюжины, поспешили по полному сквозняков коридору за архканцлером, чья мантия развевалась и хлопала, как крылья.

За спиной его слышались такие речи:

– Да точно это Вертрам! Даже пришепetyвает, как он!

– Нет! Это не наш старина Вертрам. Наш старина Вертрам был куда старше!

– Старше? Старше кого, простите?

– ... говорит, в свою комнату, ну, где он жил, ну, при жизни – а мне что же, на улицу теперь со всем барахлом?..

– А глаза его, глаза! Вы заметили? Прямо сверла!

– Как вы сказали? Свёрла? Это тот гном из бакалейной лавки, что на Канатной?

– Да нет! Взгляд у него, я имею в виду – прямо вот так тебя и сверлит!

– ... там и окна в сад, и вещи я уже перенес, и вообще, такого закона нет, чтобы...

– А когда-нибудь такое уже случилось?

– А как же! Старина Ложнощей...

– Но он же тогда не умер по-настоящему! Он просто намазался белилами и зеленкой, а потом как выскочит из гроба и закричит “За испуг – саечка!”

– Только зомби нам здесь не хватало!

– А вы думаете, он теперь – зомби?

– Я думаю – да.

– И что, он теперь будет играть на барабанах и танцевать нагишом по ночам?

– А зомби – они по этой части? Вот ужас-то!

– Я не думаю. На старину Вертрама это не похоже. Он и при жизни танцы не жаловал...

– Вообще, я всегда говорил, не нравится мне это ваше вуду. Что это за бог, который все время в цилиндре и скалит зубы?! Вот мое какое мнение.

– Черта с два я отдам зомби свою комнату! Не для того я столько лет ждал!..

– Вот как? Интересное ваше мнение...

Вертрам Пум мерил мысленными шагами пространство своего черепа.

Занятно. Стоило ему умереть... То есть, перестать жить... То есть... Не важно. Как бы там ни было, ум его сейчас стал намного яснее, чем раньше.

Владеть собой тоже становилось все легче. Весь процесс дыхания уже почти получался сам собой. Селезенка вроде бы тоже работала, так или иначе. Органы чувств функционировали на полную мощность. В области пищеварения, правда, еще оставались отдельные неясности...

Вертрам посмотрел на свое отражение в серебряном блюде.

Выглядит он все-таки мертвяк мертвяком. Бледная кожа, круги под глазами. Труп, ни дать, ни взять. Оживший, но все-таки труп.

И это честно? Это – справедливо? Это награда за 130 лет непоколебимой веры в переселение душ – живой труп?

Теперь понятно, почему оживших мертвецов изображают такими злобными.

Нечто прекрасное вот-вот должно было случиться – в долгосрочной перспективе.

В краткосрочной, да и в средней перспективе, вот-вот должно было случиться нечто ужасное.

Ведь одно дело любоваться прекрасной звездой, вспыхнувшей на зимнем небосклоне, и совсем другое – оказаться в непосредственной близости к сверхновой. Или одно дело разглядывать капельки утренней росы, сверкающие на паутине, когда ты – человек, и совсем другое дело – когда ты муха.

Этого могло бы не случиться тысячи и тысячи лет.

Но это вот-вот должно было случиться.

Это должно было случиться на верхней полке буфета, заваленного всевозможной рухлядью в одном подвале в Потемках, самом старинном и самом нехорошем районе Анк-Морпорка.

Кап!

Звук был тихий, как будто в пыль упала капля дождя – первая за сотни лет.

– Помнится, если черная кошка пройдет по гробу...

– Да он же не в гробу! – взвизгнул казначей, который давно уже с трудом балансировал на грани истерики.

– Ну, так давайте скинемся, купим ему красивый новый гроб, а потом прогоним по нему черную кошку..

– Да что за глупости! Надо его через воду пустить.

– Как вы сказали? Пустить воду?

– Вот именно! Покойники этого не могут.

Волшебники, заполнившие весь кабинет архканцлера и говорившие одновременно, недоуменно примолкли..

– Вы в этом уверены? – спросил декан.

– Общеизвестный факт, – подтвердил профессор новейшей древности.

– При жизни он порой пускал воду, – припомнил декан.

– Так пусть попробует сейчас!

– Хм. В этом что-то есть.

– Да вы не так поняли! Пустить через текущую воду, – уточнил профессор новейшей древности. – Они не могут перейти через текущую воду.

– Ну, так и я тоже не могу, – вставил декан.

– Нежить! Нежить! – Казначей был совсем плох.

– Право, зачем вы с ним так? – укоризненно упрекнул Профессор декана, успокаивающе похлопав дрожащего крупной дрожью казначея по спине.

– Да не могу я! – настаивал декан. – Я утону.

– Нежить не может перейти текущую воду. Даже по мосту.

– А я тут вот что подумал: это только он один, или у нас тут будет целое нашествие? – Архканцлер побарабанил пальцами по столу. – Мертвецы, разгуливающие по университету – это негигиенично, – изрек он.

Воцарилось молчание. Никто из них не додумался посмотреть на проблему с этой точки зрения. Для этого нужен был архканцлер Хваттам Навернулли.

Хваттама Навернулли одни считали наихудшим, другие же – наилучшим архканцлером Развидимого университета за последние сто лет.

Для начала, его было очень много. И не потому, что он был так уж толст. Он просто занимал собой все доступное ему место. За ужином он мог набраться до положения риз – что, впрочем, было вполне нормально и допустимо для волшебника. Но потом он возвращался к себе и всю ночь метал дротики, а в пять утра отправлялся охотиться на уток. Он много шумел и жестикулировал – это был его способ взбодрить собеседника. Кстати, что касается риз: обязательную мантию волшебника архканцлер почти не надевал. Он сумел уговорить миссис Герпес, грозную университетскую домоправительницу, сшить ему что-то вроде костюма из мешковатых штанов и куртки жутких кричащих оттенков красного и синего, и дважды в день волшебники застывали в изумлении, глядя, как их предводитель с серьезным видом бегаёт трусцой между строений университета, подвязав остроконечную шляпу волшебника под подбородком при помощи тесемки. Завидев их, архканцлер громко и задорно звал их присоединиться, потому что неотъемлемой частью образа жизни таких людей, как Хваттам Навернулли, является неколебимая уверенность в том, что этот образ жизни понравится любому, кто только попробует.

– Помрет ведь! – не без надежды говорили волшебники друг другу, глядя, как архканцлер пытается пробить корку на реке Анк, чтобы соорудить себе прорубь для утренних водных процедур. – Вся эта погоня за здоровьем не доведет его до добра.

По Университету о нем ходили легенды и мифы. Архканцлер продержался два раунда

в кулачном бою против Детрита, огромного подсобного тролля из “Штопанного барабана”. Архканцлер на пари мерялся силой рук локоть к локтю с библиотекарем, и вышел из поединка если не с победой, то во всяком случае с рукой. Архканцлер потребовал, чтобы Университет выставил свою футбольную команду на большой городской турнир к Страшдеству.

Из ментальных особенностей Навернулли помогали ему сохранять свое положение две. Во-первых, он никогда и ни по какому поводу не менял своего мнения. Во-вторых, ему требовалось несколько минут, чтобы осознать любую новую идею. Это бесценное качество для руководителя: ведь то, что вам пытаются объяснить дольше, чем пара минут, должно быть что-то серьезное и важное, а иначе – это какая-то чушь, с которой не стоило к вам и подходить.

Казалось, Хваттама Навернулли всегда больше, чем может вместиться в одном теле.

Кап. Кап.

В темном шкафу глубоко в подвале уже начинало капать с полки.

А вот Вертрама Пума было ровно столько, сколько могло поместиться в его теле, и это тело он сейчас аккуратно вел по коридорам университета.

Такого вот конца он никак не ожидал. Он его не заслужил. Это какая-то ошибка.

Вертрам ощутил на лице свежесть и прохладу и понял, что он выбрался на открытое место. Перед ним возвышались университетские ворота, запертые на засов.

Вертрама внезапно охватила острая клаустрофобия.

Столько лет он ждал смерти – и теперь заперт! В этой гробнице, полной старых ма-разматиков, где ему предстоит провести остаток своей жизни – то есть, теперь уже вечность! Нет уж. Первым делом – выбраться отсюда и покончить с собой. А там...

– Вечер добрый, мистер Пум.

Медленно обернувшись, Вертрам увидел Модо, университетского гнома-садовника, который сумерничал на завалинке, покуривая трубку.

– А, это ты. Здравствуй, Модо.

– Я слышал, вы того... Преставились, мистер Пум?

– Можно так сказать.

– Дак я вижу, вы того... поправились?

Пум кивнул. Он мрачно посмотрел на стены. Ворота университета запирались каждый вечер на закате. Студентам и педсоставу оставалось только перелезть через стену. Вертрам не был уверен, удастся ли ему этот трюк сейчас.

Вертрам сжал кулаки и разжал их. Значит, вот как...

– Модо! У нас здесь есть какой-нибудь другой проход наружу?

– Нету, мистер Пум.

– Где будем делать?

– Чего, мистер Пум?

Когда грохот стих и улеглась пыль, из проема в стене, приблизительно очерчивавшего фигуру Пума, протянулась рука и подняла с кучи битого кирпича остроконечную шляпу.

Модо заново раскурил свою трубку. Чего только не насмотришься на этой работе, подумал он.

В темном переулке, где затихли шаги последнего прохожего, мертвец по имени Редж Башмачкинс поглядел в одну сторону, в другую, достал кисточку с краской и размашисто написал на стене:

УМИРАЕМ, НО НЕ СДАЕМСЯ!

Закончив, он побежал прочь – или, точнее, приволакивая ноги, потащился прочь на большой скорости.

Архканцлер открыл окно в ночную тьму.

– Слушайте, – велел он.

Волшебники прислушались.

Залаяла собака. Свистнул сообщнику и спрыгнул с крыши вор. Где-то вдалеке поспорились какие-то люди, и жители соседних улиц, распахивая окна, присоединялись к их перепалке с советами и пожеланиями. Все это были украшения и вариации к лейтмотиву неумолчного шума ночного города. Анк-Морпорк урчал в ночи, пробираясь к рассвету, как огромное животное – хотя, разумеется, это был не более, чем образ.

– И что? – спросил капитан знатоков.⁴ – Не слышу ничего особенного!

– Вот и я о чем, – назидательно поднял палец архканцлер. – В Анк-Морпорке каждый день умирают десятки людей. Если бы все они вдруг начали оживать, как старина Вертрам – мне кажется, мы бы об этом узнали. Поднялся бы страшный тарарам. То есть, более страшный, чем обычно.

– Есть нежить, которая всегда с нами, – заметил декан. – Вампиры, зомби, банши там разные...

– Есть. Но это нежить, так сказать, естественная, – ответил архканцлер. – Нежить природная. От рождения. И эта нежить живет себе спокойно...

– Нежить жить не может! – запротестовал капитан знатоков.

– Я хочу сказать, это нежить нормальная, – пояснил архканцлер. – Традиционная. Там, откуда я родом, водятся вампиры. Вполне приличные люди, между прочим. В некоторых семьях не одну сотню лет...

– Простите, но они же пьют кровь! – возмутился капитан знатоков. – Что в этом приличного?

– Я где-то читал, что на самом деле им не нужна кровь, – поспешил на выручку декан.

⁴ Должность капитана знатоков – не совсем обычная должность, как не совсем обычно и ее название (*Senior Wrangler* – Прим. перев.). В одних средоточиях учености этим термином называют ведущего философа; в других так называется человек, который приглядывает за лошадьми. Капитаном знатоков Развидимого университета был в то время философ, похожий на лошадь – удачно объединяя в себе, таким образом, оба варианта.

– Им нужно что-то, что содержится в крови. Гемоглобины – кажется, так это называется.

Волшебники повернули головы к нему. Декан, защищаясь, пожал плечами:

– За что купил, за то и продаю, – сказал он. – Гемоглобины. Так там было написано. Это как-то связано с железом. В крови у людей.

– Что касается меня, то у нас в крови никаких железных гоблинов отродясь не было! – заявил капитан знатоков.

– Во всяком случае, уж лучше вампиры, чем зомби, – продолжил декан. – Это совсем другой уровень. Эти не станут шататься без дела где попало.

– А знаете, можно делать зомби из обычных людей, – сообщил доверительно профессор новейшей древности. – Даже никакого волшебства не нужно. Печень какой-то редкой рыбы и вытяжка из какого-то особого корешка. Одна чайная ложка, и готово: проснулся – уже зомби.

– Это что за рыба такая? – спросил капитан знатоков.

– Я понятия не имею.

– Интересно, кто же имеет? – ядовито спросил капитан знатоков. – По-вашему, живет себе человек, и в один прекрасный день вдруг решает: а не превратить ли мне кого-нибудь в зомби? Всего-то и надо, что печень редкой рыбы и корешок. Осталось только найти подходящие. Ну, да желающих-то полным-полно, очередь от забора и до обеда! Значит, № 94 – печень хворюшки и маньячий корень. Гм, не сработало. Ладно. № 95 – печень благуна продувного и корень дерева тум-тум. Черт, опять не то. Ладно, № 96...

– Вы это к чему клоните? – строго спросил архканцлер.

– Я всего лишь хотел подчеркнуть принципиальную невероятность того...

– Довольно, – отрезал архканцлер. – Я вот тут подумал... Подумал я... Послушайте, ведь смерть исчезнуть не может, верно? Смерть обязательно есть – это же смысл всей жизни, можно сказать. Жив, пока живешь, и мертв, когда умрешь. Никуда не денешься..

– Вертраму вот удалось, – заметил декан.

– Смерть пропасть не может, – повторил Навернулли, проигнорировав эту реплику с места. – Все живое на земле постоянно умирает. Почти всё. Даже овощи.

– Представляю себе, как Смерть приходит за картошкой, – промолвил с сомнением декан.

– Смерть приходит за всеми, – отчеканил архканцлер.

Волшебники понимающе покивали.

Капитан знатоков нарушил молчание:

– А знаете, я прочитал однажды, что каждый атом нашего тела заменяется каждые семь лет. Новые встраиваются, а старые высвобождаются. Все время. Чудеса, да и только.

Капитан знатоков умел оживить любую беседу не хуже, чем густая патока – шестеренки секундомера.

– Это куда это они высвобождаются? – невольно заинтересовался Навернулли.

– Кто его знает. Я так думаю, летают себе в воздухе, пока не попадут в кого-нибудь другого.

Архканцлер нахмурился:

– Что же, и в волшебника могут?

– А как же. В любого. В этом и состоит чудо природы.

– Тоже мне чудо. По-моему, это негигиенично, – сказал архканцлер. – И что, предотвратить это никак нельзя?

– Я бы сказал, что никак, – ответил капитан знатоков, поразмыслив. – Не думаю, что можно предотвратить чудо природы.

– Но тогда ведь получается, что все на свете состоит из чего-то другого! – воскликнул Навернулли.

– Да, это так. Удивительно, правда?

– Удивительно? Отвратительно это, вот что! – Навернулли помолчал. – Ну, да ладно, речь не о том. Речь о том, что... что... – Вспомнить удалось не без труда. – О том, что смерть отменить нельзя, вот о чем. Смерть умереть не может. Это как заставить скорпиона ужалить самого себя.

– Кстати, – встрял капитан знатоков, у которого всегда наготове было сообщение из рубрики “знаете ли вы, что?” – скорпиона вполне можно заста...

– Довольно, – заткнул его архканцлер.

– Но мы не можем позволить мертвому волшебнику разгуливать, где вздумается! – вступил декан. – Кто знает, что взбрдет ему в голову. Его нужно срочно... остановить. Для его же пользы!

– Вот это верно, – согласился Навернулли. – Для его же пользы. Вряд ли это так уж трудно. Существуют сотни способов отвадить нежить.

– Чеснок, – вставил капитан знатоков. – Нежить не любит чеснок.

– Не удивляюсь. Я и сам терпеть его не могу, – заметил декан.

– Нежить! Нежить! – снова взвыл казначей, воздев указующий перст. Никто даже не посмотрел в его сторону.

– А также священные реликвии, – продолжал капитан знатоков. – Рядовая нежить рассыпается в пыль от одного взгляда на них. Еще они не любят солнечный свет. Ну, а если уж ничего не помогает, то надо зарыть его на перекрестке. Это верный способ. И вбить ему кол под ребра.

– И натереть чесноком! – потребовал казначей.

– Да, почему бы и нет, – согласился капитан знатоков, подумав. – Можно натереть чесноком.

– Да кто же ребра натирает чесноком! – возмутился декан. – Обычный маринад – масло, мед и всё.

– Перец красный молотый хорошо пойдет, – с готовностью подхватил профессор новейшей древности.

– Довольно, – закончил архканцлер.

Кап!

Петли дверец буфета наконец не выдержали, и содержимое его хлынуло на пол подвала.

Сержант Анк-Морпоркской городской Стражи Отточий находился на дежурстве. Он охранял Медный Мост, связующий воедино Анк и Морпорк. Чтобы не украли.

В вопросах профилактики преступности, считал сержант Отточий, мыслить нужно масштабно.

Существует мнение, что для того, чтобы заслужить признание, зоркому стражу порядка в Анк-Морпорке следует патрулировать улицы и переулки, разведывать и разносить, задерживать подозреваемых, преследовать и расследовать. Сержант Отточий не придерживался этого мнения. И не потому, поспешно объяснил бы он, что понизить уровень преступности в Анк-Морпорке все равно, что понизить уровень соли в море; и не потому, что единственное признание, которое может получить такой зоркий страж порядка, в протоколе правильно называть не признанием, а опознанием. А потому, что современный, прогрессивный, думающий служитель закона должен опережать современного преступника по меньшей мере на шаг. В один прекрасный день кому-нибудь вздумается украсть Медный Мост – но тут-то его и встретит сержант Отточий!

А пока что этот пост предоставлял уютное местечко, защищенное от ветра, где можно было постоять, покурить, отдохнуть и, скорее всего, не увидеть ничего, что нарушило бы его душевное спокойствие.

Сержант облокотился о парапет моста, погруженный в общие размышления о жизни.

Из тумана выплыла фигура. Отточий разглядел знакомую остроконечную шляпу волшебника.

– Добрый вечер, сержант, – хрипло проговорил носитель шляпы.

– Доброе утро, вашество.

– Не поможете ли мне перелезть через перила?

Сержант Отточий замешкался. Но, с другой стороны, это же волшебник. Не помочь волшебнику – напроситься на неприятности.

– Пробуем новое волшебство, вашество? – поинтересовался Отточий, подсаживая того, но отчего-то необыкновенно тяжелого волшебника на выщербленный гранит парапета.

– Нет.

Вертрам Пум шагнул с моста. Послышался всплеск.⁵

Сержант Отточий поглядел на неохотно сомкнувшиеся воды Анка. Волшебники, что с них взять. Сержант продолжил глядеть на реку.

Через несколько минут заколыхались тина и мусор у основания одного из быков моста, где к воде спускались скользкие замшелые ступени каменной лестницы.

Из воды показалась остроконечная шляпа.

⁵ Нежить действительно не может пересекать бегущую воду. Но в случае Анка, реки, собирающей ил со всех равнин и вбирающей в себя нечистоты гигантского мегаполиса (население – 1 000 000 человек!), считать ее воду бегущей – да и, собственно, водой – не совсем верно.

Сержант услышал, как волшебник, тихо ругаясь, тяжело взбирается по ступеням.

Вертрам Пум выбрался на мост. Вода текла с него ручьями.

– Вам бы теперь пойти переодеться, – предложил сержант Отточий. – Если так стоять тут на ветру, окочуриться можно!

– Как же!

– Я бы на вашем месте сейчас – к камину. Без теплых носков вам конец!

– Конечно!

Вертрам Пум стоял в своей собственной персональной луже, а сержант смотрел на него.

– Это вы сейчас пробовали специальную подводную магию, вашество? – спросил он.

– Нет, сержант. Не то, чтобы.

– Я вот часто думаю – как оно там, под водой? – заговорил сержант, чтобы поддержать беседу. – Тайны глубин... Чудища всякие... Мама мне в детстве рассказывала сказку про мальчика, который превратился в русалку... то есть, в русала, да?... и что с ним там было на дне мор...

Сержант запнулся, поймав жуткий взгляд Вертрама Пума.

– Доброй ночи, – сказал Вертрам. Он повернулся и зашагал в туман. – Тоска! Какая замогильная тоска!..

Отточий остался в одиночестве. Дрожащими руками он раскурил новую папиросу и скорым шагом двинулся в сторону казарм Стражи.

– Ну и видок, – говорил он себе. – А глаза! Точно как у этого... как его... ну, гнома из бакалейной лавки на Канатной...

– Гражданин начальник!

Отточий вздрогнул и глянул себе под ноги. Опомившись, он разглядел внизу знакомые черты своего старого знакомого Режут-Без-Ножа Грызли, живого подтверждения принятой в некоторых местах Плоского мира теории, что человек произошел от грызунов.

Р.-Б.-Н. Грызли называл себя предпринимателем по торговой части. Прочие знали его как коробейника, чьи финансовые схемы неизбежно рушились из-за какой-нибудь досадной мелочи – например, попытки продать то, что не работает, или то, чего у него не было – а порою и то, чего не было вовсе. Эльфийское золото, как известно всем, исчезает наутро – но оно представляет собой весомый и надежный актив по сравнению с некоторыми товарами в ассортименте Без-Ножа.

Грызли стоял в самом низу ступенек, что вели в один из бесчисленных анк-морпоркских подвалов.

– Здоров, Без-Ножа!

– Фред, ты бы не спустился со мной сюда на минутку? Мне нужна юридическая консультация.

– Что такое, Режут? У тебя проблемы с законом?

Грызли почесал нос.

– Понимаешь, Фред... Вот скажи, это преступление, если тебе что-то дарят?⁶ Только без твоего ведома?

– Режут, тебе кто-то что-то подарил?

Режут кивнул:

– Даже и не знаю. Ты же в курсе, что я тут держу товар?

– А как же.

– Ну, и вот. Захожу это я в свой лабаз пополнить запасы, а тут... – Грызли развел руками. – Да сам посмотри!

Он открыл дверь подвала.

В темноте что-то капало.

Вертрам Пум бесцельно шагал по темному переулку где-то в Потемках, вытянув перед собой руки ладонями книзу. Почему так – он не знал. Отчего-то ему казалось правильным шагать вот так.

Спрыгнуть с крыши? Нет, это наверняка не сработает. Ходить достаточно непросто и так, а сломанные ноги будут совсем некстати. Яд? Он представил себе, какие рези поднимутся в животе. Петля? Болтаться в ней будет, пожалуй, еще скучнее, чем сидеть на дне реки.

Пум вышел в замызганный сквер, где сходились несколько переулков. Крысы бросились от него врассыпную. Мявкнул и заторопился прочь по крышам кот.

Стоя и пытаясь понять, куда он попал, зачем, и что делать дальше, Пум вдруг почувствовал лезвие ножа, упершееся в его позвоночник.

– Ну, что, дед? – промолвил кто-то сзади. – Кошелек или жизнь?

Невидимый во мраке рот Вертрама Пума скривился в жуткую ухмылку.

– Я не шучу, дед! – добавил кто-то.

– Гильдия Воров? – спросил Вертрам, не оборачиваясь.

– Нет. Мы эти... Кустари-одиночки. Ну, давай, доставай свои денежки.

– Денег у меня нет, – сказал Вертрам и обернулся. За его спиной стояли двое.

– Ё-моё, ты посмотри на буркалы его! – воскликнул один из них.

Вертрам поднял руки над головой.

– У-у-у-у! – завыл он.

Громили попятились. К несчастью, за ними была стена. Они пытались вжаться в нее.

⁶ Согласно основополагающему принципу, всякой вещи во Вселенной должна найтись ее противоположность, и поэтому действительно существует – хотя и не очень часто встречается в Плоском мире – такое явление, как антипреступление.

Просто всучить кому-нибудь что-нибудь – еще не значит совершить антикражу: для этого еще нужно разозлить и/или расстроить жертву. Так, существует уборка квартир со взломом, оскорбление ценным подарком (случается обычно при проводах на пенсию) и жатнаш – шантаж наоборот, когда доброумьшленник угрожает, например, главарю мафии опубликовать информацию о его пожертвованиях на благотворительность.

Антипреступления, так или иначе, не получили широкого распространения.

– У-у-у-у-у! О-о-о-о! Оставьте меня в поко-о-о-о-е!

Вертрам не заметил, что единственный путь к бегству для них проходил через него. Он закатил глаза для вящего эффекта.

Обезумев от ужаса, незадачливые грабители поднырнули под его руки, но один из них успел вбить по самую ручку свой кинжал в грудную клетку Вертрама.

Пум поглядел на ручку кинжала.

– Ах ты ж! – воскликнул он. – Моя лучшая мантия! На похороны берёг, а теперь – вы посмотрите только! Да вы знаете, как трудно штопать шелк? Нет, вы посмотрите, посмотрите! На самом видном месте!..

Вертрам прислушался. Ни звука. Только где-то вдалеке стихал отчаянный топот ног.

Вертрам Пум вынул кинжал.

– Так же убить можно, – пробормотал он, роняя его на мостовую.

Выйдя на середину подвала, сержант Отточий поднял один из предметов, кучами лежавших на полу и поднес к глазам.

– Их тут тыщи, – просипел Режут за его спиной. – И хотел бы я знать, кто их сюда на-тащил.

Сержант рассматривал предмет так и сяк.

– Никогда такого не видел, – сказал он. Он потряс предмет. – Симпатичная штучка, скажи?

– Дверь была закрыта на замок, все чин по чину, – не унимался Режут. – Гильдии Воров заплачено в срок, как положено.

Отточий снова потряс штучку.

– Симпатично... – повторил он.

– Фред! Ну, Фред!

Сержант зачарованно глядел, как кружатся малюсенькие блестящие снежинки в стеклянном шарике.

– Чего?

– Фред! Что делать? Что мне делать?

– Даже не знаю... Короче, Режут, по-моему, это все теперь твое. Не могу себе представить, кто это вдруг решил от них избавиться?

Сержант повернулся к выходу. Режут загородил ему путь.

– Тогда с тебя двенадцать пенсов, – сказал он елейным голосом.

– Это еще за что?

– За ту, которую ты положил в карман, Фред.

Отточий выудил шарик из кармана:

– Да ты чего! Ты же их нашел! Тебе же они ни пенни не стоили!

– Ну, нашел. Но ты же учти расходы! Хранение, упаковка, инвентаризация...

– Два пенса, – отрезал Отточий.

– Десять!

– Три.

– Семь пенсов, и ты меня без ножа режешь!

– По рукам, – сдался сержант. Он потряс шарик еще раз. – Красота какая, а?

– Вещь! – подтвердил Грызли. Он потер руки, заметно повеселев. – Будут разлетаться, как пирожки горячие! – воскликнул он и сунул в свой короб пригоршню шариков.

Выйдя на улицу, Режут закрыл дверь подвала.

В темноте что-то капнуло.

Анк-Морпорк испокон веков радушно принимал независимо от расы, цвета кожи и телосложения любого, кто может предъявить деньги и обратный билет.

В изданной Гильдией Купцов популярной брошюре “Посѣтите Анкѣ-Морпоркѣ, Городѣ тысяча и одной нѣожиданности” можно прочесть: “Дорогому гостю будутъ неизмѣнно рады въ безчисленныхъ увѣселительныхъ завѣденияхъ нашего дрѣвнего города, каковыя почтутъ за чѣсть угодить самому взыскательному вкусу обитатѣлей дальнихъ странъ. Будь вы Человекъ, Тролль, Гнумъ или Гоблинъ, Анкѣ-Морпоркѣ пьютъ ваше здоровіе и восклицаетъ, «За дорогихъ гостей! За дружбу! За вашъ счетъ!»”

Вертрам Пум не знал, где увеселяется нежить. Но одно он знал точно: если где-нибудь на свете есть увеселительное заведение для нежити, то оно наверняка найдется в Анк-Морпорке.

Осторожные, выверенные шаги вели его дальше и дальше в Потемки. И с каждым шагом они делались все менее выверенными и осторожными.

Сто с лишним лет Вертрам Пум прожил в стенах Развидимого университета. Годами он был стар, но о некоторых сторонах жизни знал не больше, чем тринадцатилетний подросток. Сейчас он видел, слышал и обонял такое, какого ему не доводилось ни видеть, ни слышать, ни нюхать прежде.

Потемками называлась самая старая часть города. Если бы кому-нибудь вздумалось начертить карту распределения порока, преступления и огульной безнравственности в виде гравитационного поля в окрестностях черной дыры – то даже посреди Анк-Морпорка Потемки выглядели бы глубокой ямой. В сущности, Потемки имели много общего с этим астрономическим объектом: они неудержимо влекли к себе, оттуда не вырывалось ни лучика света, и оттуда тоже можно было попасть в другой мир – в загробный.

Потемки казались городом внутри города.

Улицы были полны народом. Невнятные личности шныряли по своим невнятным делам. Из подвалов по провалившимся ступенькам выползала порой дикая музыка. Или резкие и манящие запахи.

Пум миновал гоблинские бакалеи и гномские пивные, из которых доносились песни и звуки драки – гномы по обыкновению сопровождали одно другим. Попадались ему и тролли, рассекавшие толпу, как... скажем осторожно, как великаны среди карликов. И они вовсе не

выглядели неуклюжими недотепами. До сих пор Вертрам встречал троллей в более приличных⁷ частях города, где они ходили с преувеличенной осторожностью, изо всех сил стараясь не задеть кого-нибудь нечаянно дубиной насмерть и не сожрать с потрохами. В Потемках тролли были свободны от комплексов и держали голову так высоко, что она едва ли не выступала над плечами.

Вертрам Пум слонялся по Потемкам, как бильярдный шар, пущенный по столу. То взрыв прокуренного гогота из бара заставлял его развернуться, то притягивала магнитом не приметная дверь, обещающая необыкновенные и недозволенные наслаждения. Жизнь Вертрама Пума была небогата и обыкновенными, дозволенными наслаждениями. Он даже не очень знал, в чем они, собственно, состоят. Рисунки возле одной из таких, освещенных багровым манящим светом, дверей оставили его в полном недоумении, но исполнили решимости непременно разобраться в этом вопросе до конца.

Вертрам шел все дальше и дальше в изумлении и восторге. Что за место! Всего в десяти минутах ходьбы – четверть часа ходом покойника – от университета, а он даже не подозревал о его существовании! Что за люди! Что за звуки! Что за жизнь!

Время от времени его останавливали мужчины разных видов и родов. Некоторые даже порывались что-то спросить, но осекались и ретировались со всей поспешностью..

Ну и zenки! – думали они при этом. – Сверла, чисто сверла!

Потом голос из темноты позвал его:

– Эй, красавчик! Хочешь позабавиться?

– Да! – воскликнул Вертрам Пум, теряя голос от волнения. – Да, очень!

Он повернулся на зов.

– Ох ты, пропасть! – и удаляющийся по переулку топот.

У Вертрама вытянулось лицо.

Судя по всему, жизнь предназначена только для живых. Наверно, вообще все это восстание из гроба было одной большой ошибкой. Да, глупо было с его стороны на что-то рассчитывать. Как глупо!

Пум развернулся и, забывая поддерживать сердцебиение, направился обратно к Университету.

Вертрам шагал по дворику в Главный зал.

Архканцлер поможет. Обязательно поможет. Архканцлер...

– Это он!

– Вот он!

– Держи его!

Вертрам сбился с мысли. Он оглядел пять раскрасневшихся, перепуганных, но до боли знакомых физиономий.

– А, декан, доброе утро, – поздоровался Вертрам без энтузиазма. – А это вы, капитан знатоков? О, да тут и архканцлер, вот уж воис...

⁷ То есть, всех остальных.

- Хватайте его за руку!
- В глаза, в глаза ему не заглядывайте!
- Другую руку держите!
- Это для твоей же пользы, Вертрам!
- Какой это Вертрам! Это исчадие мрака!
- Да я вас уверяю...
- Ноги, ноги держите?
- Держите ему ноги!
- Другую ногу держите, да что ж вы...
- Все под контролем? – прогремел архканцлер.

Волшебники, пыхтя, кивнули.

Хваттам Навернулли пошарил по просторным закромам своей мантии.

– Ну, демон, принявший человеческое обличье, – провозгласил он, – что ты скажешь на это, а?

Вертрам покосился на маленький предмет, который архканцлер торжествующе сунул ему под нос.

– Это? Ну... – промолвил он, – это, я бы сказал... да, пожалуй... запах ни с чем не спутаешь. Это ведь... да, определенно. Аллиум сативум, чеснок обыкновенный домашний. Верно?

Волшебники смотрели на него. Потом на маленький белый зубчик. Потом опять на Вертрама.

– Я ведь угадал? – спросил Вертрам и попробовал улыбнуться.

– Гм... Да, верно. – архканцлер огляделся в замешательстве. – Bravo.

– Спасибо, – поблагодарил Вертрам. – Ценю ваше доверие.

С этими словами он сделал шаг. Волшебники с тем же успехом могли бы удерживать снежную лавину.

– Я, пожалуй, пойду прилягу, – продолжил Вертрам. – День выдался длинный.

Он прошагал в корпус и по скрипучим коридорам дошагал до своей комнаты. Кто-то уже занес туда свои вещи, но Вертрам решительно собрал все в кучу, обхватил ее и выкинул за дверь.

После чего он лег в кровать.

Спать... Да уж, устал он порядком. Тут ничего. Но – уснуть означает расслабиться. Вертрам же не был до конца уверен в том, что все его бортовые системы могут работать на автопилоте.

Вообще, если вдуматься – нужно ли ему теперь спать? Он ведь, строго говоря, мертв. А это, считай, все равно, как сон, только глубже. Не зря же говорят – “усопший”. Тот же сон, только спящий норовит разлечься, а усопший – разложиться.

Ну, допустим – но что нужно делать, когда спишь? Уснуть и видеть сны – прекрасно.

И как это сделать? Кажется, это когда в мозгу всплывают воспоминания и впечатления? С чего же начать?

Пум смотрел в потолок.

– Кто бы мог подумать, что не жить – это так утомительно, – сказал он вслух.

Прошло немного времени, и Вертрам услышал тонкий, но настойчивый скрип. Он повернул голову на звук.

Над каминной полкой к стене был привинчен декоративный подсвечник. Вертрам так привык к нему, что навряд ли заметил его хоть раз за последние лет пятьдесят.

Теперь он вывинчивался из подставки. Он медленно вращался, поскрипывая в одном месте. Совершив с десятков оборотов, он выпал и жалобно звякнул об пол.

Необъяснимые явления не были редкостью в Плоском мире.⁸ Но обычно они бывали более содержательны. Или, по крайней мере, выглядели более экстравагантно.

Остальная утварь вроде бы шевелиться не собиралась. Вертрам успокоился и снова принялся разбирать свои воспоминания. Среди них оказалось много такого, о чем он совершенно забыл.

Потом за дверью пошептались, и дверь распахнулась.

– Ноги! Держите ему ноги!

– Руки лучше держите!

Вертрам сел в постели.

– Доброе утро, друзья, – сказал он. – Что случилось?

Архканцлер, встав в ногах кровати, выудил из мешка что-то большое и тяжелое. Он поднял его над головой.

– Ага! – воскликнул он. Вертрам поглядел на него.

– Я слушаю, – участливо сказал он.

– Ага! – повторил архканцлер, уже без прежнего энтузиазма.

– Это двухручный топор, священный символ Слепого Ио, – сказал Вертрам.

Архканцлер тупо посмотрел на Вертрама и вымолвил:

– Ну, да. Верно.

Он швырнул топор себе за спину, едва не лишив декана уха, и снова порылся в своем мешке.

– Ага!

– Это Таинственный Зуб Оффлера, Бога-Крокодила, – узнал Вертрам. – Кстати, отличный экземпляр.

– Ага!?

– Это... Это... ну-ка... Точно, это набор священных Летящих Уток Ордопора Бессмыс-

⁸ К примеру, в совершенно сухопутной деревушке под названием Сосновый Борд, дожди из рыбы выпадают так регулярно, что местные жители живут исключительно копчением, вялением и консервированием лососевых. А в Сюрритских горах можно вечером оставить овцу на пастбище, а утром она будет смотреть в другую сторону – и при этом вокруг ни души!

ленного. Продолжайте, мне нравится!

– Ага?

– Это... Не подсказывайте, не подсказывайте! Это священный линглон непристойного культа богини Сутьи, правильно?

– Ага?..

– Это, по-моему, трехголовая рыба культа Трехголовой Рыбы из Очудноземья, – угадал Вертрам.

– Это, в конце концов, просто смешно, – пробормотал архканцлер, отшвырнув рыбу.

Волшебники вздохнули. Похоже, святыни оказались не таким уж верным средством от нежити.

– Вы знаете, мне самому неудобно. Я доставляю вам столько хлопот, – промолвил Вертрам.

Декана внезапно осенило.

– Солнечный свет! – воскликнул он. – Вот что нас спасет!

– Занавеску! Хватайте занавеску!

– Другую!

– Раз! Два! Три! Взяли!

Вертрам зажмурился от хлынувших в комнату солнечных лучей. Волшебники затаили дыхание.

– Извините, – сказал Вертрам. – Кажется, это тоже не действует.

Волшебники вздохнули снова.

– Ничего не чувствуешь? – спросил Навернулли.

– Нету вот этого ощущения, будто ты рассыпаешься в прах и уносишься ветерком? – добавил с надеждой капитан знатоков.

– От солнца у меня нос обгорает и шелушится, – сказал Вертрам. – Не знаю, чем это вам поможет.

Он виновато улыбнулся.

Волшебники поглядели друг на друга и пожали плечами.

– Пошли, – скомандовал архканцлер. Волшебники вышли. В дверях архканцлер остановился и погрозил Вертраму пальцем.

– Это безответственное поведение не приведет ни к чему хорошему, Вертрам! – и хлопнул дверью.

Едва дверь захлопнулась, четыре винта, державшие дверную ручку, медленно выкрутились из двери. Они взлетели к потолку, покружились там немного и брякнулись на пол.

Вертрам задумался.

Воспоминания... Их у него было изрядно. Сто тридцать лет воспоминаний. При жизни он не мог вспомнить и сотой части всего, что знал, но теперь он умер, и ум его не занимало ничего, кроме одной-единственной сверкающей нити мыслей. Теперь он видел все. Все,

когда-либо прочитанное, все, когда-либо виденное, все, когда-либо слышанное. Все раскинулось теперь перед ним, отсортированное и расставленное по порядку. Ничто не забылось. Все на своих местах.

Три необъяснимых явления за один день. Четыре, если считать его собственное продолжающееся существование. Это было, прямо скажем, необъяснимо.

Это требовало объяснения.

Впрочем, теперь это не его проблема. Все на свете теперь – не его проблема.

Волшебники сгрудились возле двери комнаты Вертрама Пума.

– Всё взяли? – спросил Навернулли.

– И все-таки, почему нельзя было послать прислугу? – пробормотал капитан знатоков.
– Нам это, ей-боги, не по чину.

– Именно потому, что я хочу сделать все чин по чину! – отрезал архканцлер. – Если нужно похоронить волшебника на перекрестке двух дорог и забить ему кол под ребра, то сделать это должны волшебники. И вообще – он наш коллега.

– Допустим. А вот это что за штука? – спросил декан, рассматривая приспособление, которое держал в руках.

– Это называется лопата, – ответил капитан знатоков. – Я видел такие у садовников. Заостренный конец втыкается в почву, и ... остальное – дело техники.

Навернулли сощурился и глянул в замочную скважину.

– Снова лег, – сообщил он. Затем он поднялся, отряхнув колени, и взялся за дверную ручку. – Даю отчет. Раз! Два!..

Садовник Модо катил тачку с обрезками к костру, который он развел за новым корпусом факультета Магии высоких энергий, когда компания волшебников обогнала его очень скорым для волшебника шагом. Над собой они несли Вертрама Пума. До Модо донеслись его слова:

– Архканцлер, но вы уверены, что на этот раз получится?

– О тебе печемся, Вертрам! – отвечал Навернулли. – Добра тебе желаем!

– Я не сомневаюсь, но все-таки...

– Потерпите еще немного, и станете, каким были, – дружелюбно сказал казначей.

– Вы что! – прошипел декан. – Наоборот! В этом-то и дело!

– Потерпите немного, и наоборот станете, каким не были, в этом-то и дело, – поправился казначей, и вся компания скрылась за углом.

Модо снова взялся за ручки тачки и задумчиво порулил в свой уголок, где он завел себе кострище, компостную яму, кучу прелой листвы и сарайчик, в котором можно было переждать дождь.

Когда-то он работал помощником садовника при дворце, но нынешняя должность была куда интереснее. Тут можно было повидать жизнь.

Жизнь Анк-Морпорка происходила на улице. Здесь постоянно случалось что-нибудь занятное. Вот, например, сейчас возница двуконной фуры, груженной фруктами, держал декана за ворот мантии на высоте пол-локтя над землей и грозился свернуть ему нос на затылок.

– Понимаешь, дорогой, это персик, да? – гремел он. – Если персик залежится, что с ним будет, знаешь, да? Вмятина будет, понимаешь? Сейчас тебе, дорогой, такой вмятина будет, мамой клянусь!

– Вообще-то должен предупредить, что я волшебник, – хрипел декан, болтая в воздухе загнутыми туфлями, – и если бы устав не запрещал использовать магию исключительно для пропорциональной самозащиты, у вас уже было бы немало серьезных проблем.

– Какой такой проблем, да? – поинтересовался возница, немного опуская декана, чтобы заглянуть за его спину.

– Эй, чо там за дела? – спросил другой возница, пытаясь удержать упряжку, тянущую воз с бревнами. – Тут не всем почасовую платят, между прочим!

– Проезжай давай там!

– Алё! Чего встал? Ехай уже!

Водитель упряжки встал на облучке, развернулся и крикнул длинной чередой телег, выстроившейся за ним:

– Куда я тебе поеду! Тут какие-то волшебники улицу перекопали, в богов их мать!

Перепаханная землей физиономия архканцлера вынырнула из ямы:

– Декан, ради богов! – воскликнул он. – Я же вас попросил устранить!

– Я как раз уговаривал этого джентльмена развернуться и проехать другой дорогой, – объяснил декан, начиная уже задыхаться.

Зеленщик развернул его на четверть оборота, чтобы тот увидел запруженную улицу:

– Дорогой! Ты когда-нибудь пробовал шестьдесят телега развернуть? – спросил он. – Трудный задач, да? Никто никуда не может ехать, потому что ты, дорогой, такой сделал, что каждому телега вперед никак, назад никак, потому что вперед телега, назад телега, некуда ехать совсем, понимаешь, да?

Декан попытался кивнуть. Он с самого начала не был уверен в том, что копать яму на перекрестке улицы Разных Богов и Большой Дороги, двух самых загруженных магистралей Анк-Морпорка, было мудрым решением. Конечно, это решение было не лишено смысла. Даже самому настырному мертвецу было бы нелегко восстать из-под такого оживленного движения. Беда только, что никто не подумал, с какими трудностями будет сопряжено вскрытие перекрестка двух главных улиц города в самый час пик.

– Так, что у нас тут происходит?

Зрители расступились, пропустив грузную фигуру сержанта городской Стражи Оттоchia. Он надвигался неудержимо, прокладывая себе дорогу животом. Увидев посреди перекрестка яму, а в ней зарывшихся по пояс волшебников, он просиял багровым лицом.

– Смотрите, кто к нам пожаловал! – воскликнул он. – Транснациональная мафия похитителей перекрестков!

Он был вне себя от радости. Его стратегия наконец-то принесла плоды!

Архканцлер выгрузил лопату анк-морпоркской грязи на его сапоги.

– Сержант, не городите чушь, – сказал он. – Это вопрос жизни и смерти.

– Ну, да, ну, да! Все именно так и говорят! – ответил сержант Отточий, которого не так легко было сбить с панталыку. – Я понимаю. Любой занюханный кишлак в Хватчистане отсыплет не один сундук монет за такой славный перекресток, как этот вот, а?

Навернулли смотрел на него, широко раскрыв глаза:

– Что вы несете, сержант? – только и выговорил он. Затем он указал на свою остроко-
нечную шляпу. – Вы что, не поняли? Мы волшебники. При исполнении. Так что, потрудитесь, пожалуйста, организовать движение, а не то...

– Дорогой! Это же персик, ты понимаешь, да? Ты на него поглядел – у него уже вмятина! – послышалось из-за спины сержанта.

– Эти маразматики держат нас тут уже полчаса, – прогудел погонщик скота, все сорок коров которого, несмотря на все его усилия, разбрелись по прилегающим улицам. – Арестовать их, да и дело с концом!

Сержант начал осознавать, что, сам того не желая, оказался главным действующим лицом в драме с сотнями участников, из которых некоторые – волшебники, и у всех нервы на пределе.

– Чем вы тут занимаетесь? – спросил он упавшим голосом.

– Хороним нашего коллегу. А вы что подумали? – ответил Навернулли.

Тут Отточий углядел открытый гроб, стоящий на обочине. Вертрам Пум сделал ему ручкой.

– Погодите, но он же... Он же живой! Не мертвый! – сержант отчаянно сдвинул брови, пытаясь овладеть ситуацией.

– Внешность бывает обманчива, – намекнул архканцлер.

– Он мне только что рукой помахал, – воскликнул сержант.

– И что с того?

– Но разве может покой...

– Сержант, все в порядке, – успокоил стража порядка Вертрам.

Сержант Отточий навис над гробом.

– Простите, это не вы прошлой ночью бросались в реку? – спросил он уголком рта.

– Да, я. Вы мне помогли, – подтвердил Вертрам.

– А потом выбросились обратно, так?

– Боюсь, что так.

– Но вы же пробыли под водой целую вечность!

– Понимаете, там было так темно. Никак не мог найти лестницу.

Сержанту ничего не оставалось, кроме как признать логичность этого объяснения.

– Ну, в таком случае, по-моему, вы должны были умереть, – сказал он. – Живой человек не может так долго просидеть под водой.

– Это верно, – согласился Вертрам.

– Но тогда почему вы разговариваете? Рукой махали почему?

Из ямы вынырнула голова капитана знатоков:

– Сержант, науке известны случаи, когда мертвое тело двигалось и издавало звуки после смерти, – вступился он. – Это из-за произвольных сокращений мышц.

– Вообще говоря, капитан знатоков прав, – подтвердил Вертрам Пум. – Я об этом где-то читал.

– Ах вон оно что... – Сержант Отточий огляделся и неуверенно подытожил. – Ну, ладно. Возражений не имею. Продолжайте..

– А у нас уже все готово, – сказал архканцлер, выкарабкиваясь из ямы. – Достаточно глубоко. Ну, Вертрам, пробил твой час.

– Вы знаете, я так тронут, – промолвил Вертрам, ложась обратно в гробу. Это был очень даже приличный гроб, из бюро ритуальных услуг на улице Вязов. Архканцлер позволил Вертраму самому его выбрать.

Навернулли взялся за кувалду.

Вертрам снова сел:

– Столько хлопот всем из-за меня...

– Что есть, то есть, – согласился Навернулли, глядя по сторонам. – Ну, у кого кол?

Все повернулись к казначею.

Казначей, чуть не плача, рылся в своей сумке.

– Я не нашел... – проямлил он. – Говорили про ребра... про мясо... приправы... Я не понял, кол чего...

Архканцлер драматически прикрыл глаза рукой:

– Ясно, – тихо сказал он. – Знаете, я не удивлен. Нисколько не удивлен. Так что вы нашли? Кол-басу? Кол-тлету?

– Кольраби, – прошептал казначей.

– Это все нервы, – быстро заступился декан.

– Кольраби... – повторил архканцлер, самообладание которого могло разгибать подковы. – Значит, кольраби...

Казначей протянул ему зеленый с отростками овощ. Навернулли забрал его.

– Вот что, Вертрам, – провозгласил он. – Я хочу, чтобы вы представили себе, что я держу в руках...

– Хорошо, архканцлер, – закивал Вертрам, – все хорошо.

– Не знаю, как у меня получится это забить...

– Ничего-ничего, все в порядке, – заверил Вертрам.

– Точно?

– Честное слово. Принцип мы соблюдем. Если вы передадите мне эту брюкву, но представите себе, что вбиваете кол, этого должно быть достаточно.

– Хороший вы человек, Пум. – поблагодарил Навернулли. – Великодушный.

– *Esprit de corpse*⁹, – не удержался капитан знатоков.

Навернулли сверкнул на него глазами и театральным жестом протянул овощ Вертраму:

– Вот тебе!

– Благодарю вас, – ответил Вертрам.

– Теперь заколотим крышку и пойдем завтракать, – продолжил Навернулли. – Не беспокойся, Вертрам. Это не может не сработать. Настал последний день твоей загробной жизни.

Вертрам лежал во мраке, слушая грохот молотков. Затем – удар и приглушенные крышкой проклятия в адрес декана, не удержавшего конец. Затем стук земли о крышку, становящийся все тише и глуше.

Через некоторое время отдаленный рокот дал Вертраму понять, что возобновилось уличное движение. Иногда до него доносились даже голоса.

Он постучал в крышку гроба:

– Нельзя ли потише? – потребовал он. – Здесь кое-кто пытается заснуть! Вечным сном, между прочим!

Голоса умолкли. Послышался удаляющийся топот ног.

Вертрам полежал еще сколько-то времени. Как долго – он не знал. Он попытался остановить все жизненные функции, но от этого лежать стало только еще неудобнее. Неужели умереть – это так трудно? У других это получается само собой, безо всякой тренировки.

Вдобавок, у него зачесалась нога.

Он потянулся к ноге, и рука его наткнулась на маленький предмет странной формы. Ему удалось обхватить его пальцами.

На ощупь это была связка спичек.

Спички? В гробу? Кто-то решил, что ему захочется выкурить на досуге сигару?

Потрудившись немного, Вертрам смог носком одной туфли снять с себя другую и придвинуть ее так, чтобы взять ее рукой. Теперь у него в распоряжении была подошва, об которую можно было зажечь спичку.

Сернистый свет озарил его маленький продолговатый мирок.

Ко внутренней стороне крышки был пришпилен клочок бумаги.

Вертрам прочитал написанное.

И перечитал еще раз.

Спичка догорела.

Вертрам зажег еще одну – чтобы убедиться, что то, что он прочитал, действительно написано на клочке бумаги.

⁹ Французское выражение “*esprit de corps*” обозначает верность компании или преданность коллективу. Если же добавить одну букву, то *corpse* означает “тело”, в том числе и – а может быть, и в особенности – мертвое. (Прим. перев.)

С третьего раза послание не стало менее удивительным:

Вторая спичка погасла, забрав с собой последний кислород.

Вертрам полежал немного в темноте, обдумывая дальнейшие шаги и доедая кольраби.

Кому такое могло придти в голову?

Внезапно покойный Вертрам Пум понял, что ошибся, когда думал, что его больше ничего не волнует. И что в тот самый момент, когда ты решил, что мир отверг тебя, мир вдруг становится новым и незнакомым местом. На своем собственном опыте Вертрам знал теперь, что живые никогда не замечают и половины того, что происходит вокруг них, потому что они слишком заняты тем, как они живут. Преимущество у того, кто смотрит со стороны, понял он.

Это живые не обращают внимания на необыкновенные и чудесные вещи, потому жизнь слишком переполнена скукой и обыденностью. Но жизнь в то же время куда как необычайна. В ней, к примеру, находится место для самоотвинчивающихся винтов и визитных карточек, которые кладут покойнику в гроб.¹⁰

И Вертрам исполнился решимости узнать, что же происходит. А уж тогда... Если Смерть не торопится прийти к нему, он сам придет к Смерти. В конце концов, у него тоже есть кое-какие права. Да, именно! Вертрам объявляет розыск самой важной персоны всех времен и народов.

Вертрам усмехнулся в непроницаемой темноте гроба. Смерть: пропал без вести. Нашедшему награда – ...

Нет!

Сегодня – первый день его загробной жизни! И весь Анк-Морпорк лежит перед ним.

В переносном смысле, конечно. На самом деле он лежит над ним. Единственный путь к выходу лежит наверх.

Вертрам протянул руку, нащупал визитку и открепил ее. Он зажал ее в зубах.

Затем Вертрам Пум уперся ногами в стенку гроба, руками – в изголовье, и как следует нажал.

Жирная почва Анк-Морпорка чуть подалась.

¹⁰ Если читатель думает, что здесь фантазия автора улетела слишком далеко, то мы с Сашей Фаворовым лично вынули из щели между камнями в Стене Плача – визитную карточку. Правда, не в Иерусалиме, а в Москве, но тамошняя стена изображает оригинал, символизирует его и с точки зрения пользователей по функционалу должна быть совершенно идентична оригинальной. Кто-то (впрочем, мы совершенно точно знаем, как его зовут) решил познакомиться с Б-гом вот таким радикальным способом – и попробовать заинтересовать Его в своем бизнесе. Я уверен, что это сработало – что могло пойти не так? (Прим. перев.)

Вертрам по привычке остановился перевести дух, но тут же понял, что это совершенно не нужно. Он нажал снова. Стенка гроба треснула. Вертрам ухватился за нее и разломал толстую сосновую доску, как картон. Обломок, оставшийся у него в руках, был бы бесполезен в качестве лопаты для любого, кто не обладает нечеловеческой силой.

Перевернувшись на живот, раскапывая землю перед собой своей импровизированной саперной лопаткой, пропихивая ее под себя и уминая сзади ногами, Вертрам Пум начал прокладывать свой путь к новому началу.

Представьте себе эту картину: равнина, по которой ветер катит волны.

В октариновых лугах под уходящими в небо шпилями Верхних Овцепиков стоит лето, и основные цвета здесь – охра и золото. Пейзаж прокален солнцем. Кузнечики шкворчат, как на сковородке. Воздух слишком жарок, чтобы двигаться. Это самое жаркое лето, какое только помнят старожилы – а живут они в этих краях долго, очень долго.

Представьте себе всадника, медленно едущего по толстой и мягкой пыли дороги, что вьется между пшеничных полей, уже обещающих необыкновенный урожай.

И представьте себе изгородь из провяленных зноем черных жердей. К забору приколото объявление. Буквы выгорели на солнце, но их еще можно прочесть.

Теперь представьте себе, как на объявление падает тень. Вы будто бы слышите, как кто-то читает его. Оба слова.

От дороги тропинка ведет к нескольким прожаренным постройкам на обочине.

Слышите: шаги.

Видите: открывается дверь.

За дверью представьте себе прохладу и полумрак. Это не жилое помещение. Это помещение для людей, которые живут на улице, а сюда приходят с темнотой. Здесь хранят упряжи; здесь отдыхают собаки; здесь вешают сушиться кожи. У двери должен стоять большой бочонок с пивом. Пол выложен каменной плиткой, а в балки потолка вбиты крюки для бекона. За выскобленный стол посреди могут усесться тридцать голодных людей.

Но только ни одного человека внутри нет. И ни одной собаки. И никакого пива.

И никакого бекона.

Стук, и снова тишина. Потом шлепанье тапочек по каменным плиткам. Наконец, из двери выглянула худощавая старушка с лицом цвета грецкого ореха, и таким же морщинистым.

– Что такое? – спросила он.

– ТАМ БЫЛО НАПИСАНО “НУЖЕН РАБОТНИК”.

– Там было написано? Нет, правда? Оно висит там с прошлой зимы!

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ. ТАК РАБОТНИК НЕ НУЖЕН?

Морщинки внимательно поглядели на гостя.

– Больше полшиллинга в неделю платить не буду, имей в виду, – предупредила старушка.

Высокий силуэт, черный против солнца, обдумывает эти слова.

– ХОРОШО, – говорит он наконец.

– Даже не знаю, с чего тебе начать. Тут уже года три, как мужика с руками не было. Нанимаю, нанимаю этих оглоедов из деревни, но как до дела дойдет, так...

– ТАК ЧТО?

– Да ладно, не твоя забота. Что ж, значит, договорились?

– СО МНОЙ КОНЬ.

Старушка осмотрелась. Во дворе стоял самый замечательный конь из всех, каких она видела за свою жизнь. Старушка прищурилась:

– И ЭТОТ КОНЬ ТВОЙ, ДА?

– ДА.

– И УПРЯЖЬ С СЕРЕБРЯНЫМИ БЛЯХАМИ, И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ?

– ДА.

– И ТЫ НАНИМАЕШЬСЯ РАБОТАТЬ ЗА ПОЛШИЛЛИНГА В НЕДЕЛЮ?

– ДА.

Старушка поджала губы, поглядывая то на незнакомца, то на его коня, то на разруху вокруг. Наконец она пришла к решению, и решение, по-видимому, заключалось в том, что тому, у кого нет конюшни, нечего бояться конокрадов.

– СПАТЬ БУДЕШЬ В АМБАРЕ, ЯСНО?

– СПАТЬ?.. АХ, ДА. РАЗУМЕЕТСЯ. ДА, БУДУ СПАТЬ.

– В ДОМ ЖЕ Я ТЕБЯ ВСЯКО НЕ ПУЩУ. НЕПОРЯДОК ЭТО.

– АМБАР МЕНЯ ВПОЛНЕ УСТРОИТ, УВЕРЯЮ ВАС.

– НО МОЖЕШЬ ПРИХОДИТЬ ОБЕДАТЬ.

– БЛАГОДАРИЮ ВАС.

– МЕНЯ ЗОВУТ МИСС ФЛИТВОРТ.

– ЯСНО.

Старушка подождала.

– Тебя ведь тоже как-то зовут? – наконец спросила она.

– ДА. ИНОГДА.

Старушка подождала еще и спросила:

– НУ?

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– ТАК КАК ТЕБЯ ЗОВУТ?

Пришелец поглядел на нее и огляделся в замешательстве.

– Ну, ну, – нахмурилась мисс Флитворт. – Работника без имени я нанимать не стану, мистер – как вас?

Гость посмотрел вверх.

– МИСТЕР НЕБО?

– Нет такой фамилии.

– МИСТЕР... ДВЕРИ?

Старушка задумчиво кивнула.

– Это может быть. Двери – такая фамилия есть. Знала я некогда одного Дуэрри. Да уж... Ну, ладно, мистер Двери. Но имя-то у тебя имеется? Только не надо мне заливать, что и имени у тебя нет. Билл, Том, Брюс, что-нибудь в этом роде?

– Да.

– Что “да”?

– ЧТО-НИБУДЬ В ЭТОМ РОДЕ.

– И что же?

– ГМ... ПЕРВОЕ.

– Билл ты, что ли?

– Кого?

Мисс Флитворт закатила глаза.

– Ну, вот что, Билл Небо...

– ДВЕРИ.

– Ах, да. Конечно. Ну, вот что, Билл Двери...

– ЗОВИТЕ МЕНЯ БИЛЛ.

– Ладно, договорились. А я для тебя буду мисс Флитворт. Я так понимаю, ты рассчитываешь на ужин?

– Я? А. ДА. ВЕЧЕРНЯЯ ЕДА. ДА. КОНЕЧНО.

– Выглядишь ты – прямо кожа да кости, прости уж ты меня.

Старушка снова прищурилась на незнакомца. Почему-то ей никак не удавалось понять, как же выглядит этот Билл Двери, или припомнить, как звучит его голос. Но ведь она видела его и слышала – иначе чем она тут вообще занимается?

– В наших краях многие прозываются не тем именем, с которым родились, – подытожила она. – Я всегда говорю, что расспросы да допросы никого до добра не доведут. Работник-то ты хороший, мистер Билл Двери? У меня еще сено на полонине стоит, а уж на страде покосу будет... Ты косу-то в руках держал когда-нибудь?

Билл Двери будто бы задумался над этим вопросом. Наконец, он ответил:

– Я думаю, на этот вопрос следует со всей определенностью ответить положительно, мисс Флитворт.

Без-Ножа-Режут Грызли тоже не был сторонником расспросов и допросов – особенно обращенных к нему лично расспросов на тему “скажи-ка, а это все точно твое?” Но до сих

пор никто не разыскал его и не заявил свои права на его товар, и это его вполне устраивало. За первое же утро он распродал не меньше тысячи шаров, и ему пришлось нанять тролля, чтобы сдерживать напор таинственного источника благодати, таящегося в его подвале.

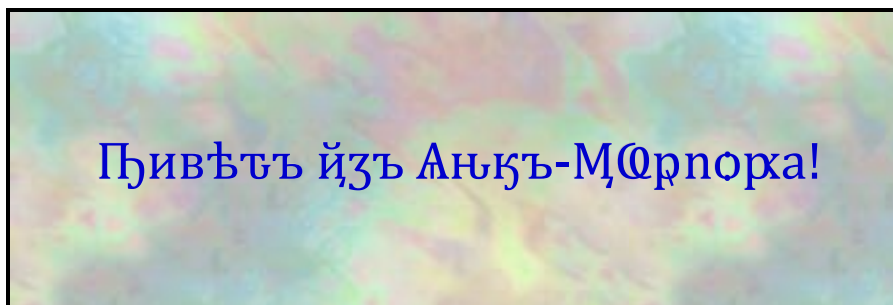
Товар шел нарасхват.

Способ применения был до смешного прост и вполне доступен среднему анк-моркпоркцу со второй-третьей попытки.

Если потрясти шар, малюсенькие белые снежинки начинали кружиться вихрем в заполнявшей его жидкости и постепенно садились на миниатюрную копию какой-нибудь анк-морпоркской достопримечательности. В одних шарах это был Университет, в других – Башня Искусств, Медный Мост или Дворец Патриция, с поразительной точностью и подробностями.

И вдруг они кончились. Режут страшно огорчился. Формально они ему не принадлежали (хотя по сути, по сути-то они же были его!) так что жалуйся, сколько хочешь. Он и жаловался – но не вслух. Ведь, если вдуматься, может быть, оно и к лучшему? Бери больше, продай дальше – так ведь? Сбывай товар с рук как можно скорее – чтобы удобнее было развести руками, с выражением оскорбленной невинности на лице и словами: “Кто? Я?”

А шары были красивые. Кроме, разве что, надписи. Каждый шар был надписан корявыми неловкими буквами, словно бы их перерисовал кто-то, никогда не видевший букв. На каждом шаре под удивительным миниатюрным строением, присыпанным снежинками, значились слова:

Хваттам Навернулли, архканцлер Развидимого Университета, был неисправимый аутокондиментор¹¹. Перед ним на стол всегда ставили особый судок с набором из солонки, трех перечниц, четырех уксусников, посуды с четырьмя сортами горчицы и пятнадцатью разновидностями прочих приправ, а также любимый архканцлером соус под названием йо-майонез, который смешивают из скипидара, маринованных огурчиков, каперсов, горчицы, манго, фиг, тертого койхрена, эссенции анчоусов, ассафетиды и, самое главное, серы и селитры – для забористости.

Рецепт Навернулли унаследовал от дяди, который однажды, залив пол-пинтой йо-майонеза плотный ужин, для улучшения пищеварения закусал его древесным углем, затем закурил трубочку и исчез при невыясненных обстоятельствах. Впрочем, следующим летом на крыше нашли его ботинки.

Сегодня на обед была холодная баранина. Баранина под йо-майонез идет хорошо. В

¹¹ Человек, который обязательно солит и перчит любую еду, независимо от ее рода, вкуса и количеств соли и перца, которые уже в ней содержатся. Психологи-бихевиористы на службе у сетей быстрого питания, открывшие феномен аутокондиментинга, сэкономили компаниям по всей Вселенной триллионы денег в местной валюте, просто посоветовав своим нанимателям всегда – всегда! – ставить на стол соль и перец. Это, кстати, правда.

ночь исчезновения Навернулли-дяди, к примеру, она проделала не меньше трех миль.

Хваттам подвязал салфетку, плотноядно потер руки и потянулся за судком.

Судок отодвинулся.

Архканцлер потянулся снова. Судок отъехал еще.

Навернулли вздохнул.

– Та-ак, – сказал он. – А ведь договаривались: за Столом – никакой магии! Ну, и кто тут у нас валяет дурака?

Старшие волшебники все как один повернулись к нему.

– Никто не валяет, – отвечал, поднимаясь из-под стола казначей. К этому времени он был уже одной ногой в своем уме, но сидеть на стуле еще не очень умел. – Я сам свалился...

Он всхлипнул, хихикнул и продолжил пытаться нарезать баранину своей ложкой. Ножи от него покамест убирала.

Судок со специями поднялся над столом и начал медленно вращаться. Затем он вдруг взорвался.

Волшебники, политые уксусом и присыпанные дорогостоящими приправами, глядели на его останки, по-совиному выпучив глаза.

– Должно быть, это йо-майонез, – предположил декан. – Мне еще вчера показалось, что он слегка того... Бродит.

Тут что-то стукнуло его по голове и плюхнулось в тарелку. Это оказался черный железный шуруп длиной в несколько дюймов.

Другой шуруп легко контузил казначея.

Через пару секунд третий воткнулся в стол, едва не пригвоздив к столу руку архканцлера, и остался стоять так.

Волшебники подняли глаза к потолку.

Главный зал освещался по вечерам массивной люстрой – хотя это слово, чаще всего вызывающее в воображении искрящийся гранями хрусталь, не вполне подходило к громадной, массивной, почерневшей и заплывшей воском махине, висевшей над столом грозно, как минус на банковском счету. Эта люстра могла нести тысячу свечей. И она висела аккуратно над столом старших волшебников.

Еще один шуруп звякнул о пол возле камина.

Архканцлер прочистил горло:

– Спасайся, кто может? – предложил он.

Люстра рухнула вниз.

Обломки стола и осколки посуды брызнули о стены. Смертоносные глыбы воска величиной с голову со свистом поскакали из окон. Одна свеча, с безумной силой вылетевшая из хаоса крушения целой, вошла на несколько дюймов в дверь.

Архканцлер выбрался наконец из руин своего кресла.

– Казначей! – возопил он.

Казначей извлекли из камина.

– С-с... Слушаю, архканцлер, – пролепетал он.

– Что все это значит?

Но тут шляпа Навернулли поднялась над головой.

Это была обычная шляпа волшебника, остроконечная и с мягкими полями, но архканцлер приспособил ее к своему энергичному образу жизни. За ленту ее был заткнут миниатюрный арбалетик на случай, если во время пробежки архканцлеру встретится что-нибудь, стоящее стрелы, а в остроконечное навершие шляпы, как обнаружил Хваттам Навернулли, как раз помещается бутылочка “Очень старого и что-то особенного” бренди Бентинка. Архканцлер очень любил свою шляпу и никогда с ней не расставался.

Теперь же она сама рассталась с ним.

Шляпа медленно поплыла по залу. Послышалось тихое, но отчетливое плескание жидкости.

Архканцлер вскочил:

– Ты с ума сошла! – заорал он. – Девять долларов бутылка¹²!

Он бросился на шляпу, промахнулся, бросился еще раз, и вдруг тоже взмыл в воздух, остановившись на высоте примерно метра.

Казначей взволнованно поднял руку:

– Может быть, жучки-древоточцы? – предположил он.

– Еще одна такая выходка, – прорычал Навернулли, – еще одна, слышите меня? – и я страшно рассержусь!

Он шлепнулся на пол в тот же момент, как распахнулись двери зала. В зал кубарем вкатился один из привратников, а за ним чеканил шаг взвод дворцовой стражи Патриция.

Капитан стражи оглядел архканцлера с головы до ног с выражением человека, для которого слово “штатский” звучит примерно так же, как слово “прусак”.

– Кто тут за главного? – спросил он. – Вы, что ли?

Архканцлер поправил мантию и попытался расправить бороду.

– Да, я архканцлер этого университета, – объявил он. – Слушаю вас.

Капитан с любопытством оглядел обеденный зал.

В дальнем его конце прятались друг за друга студенты. Супы, соусы и подливы покрывали стены местами аж до самого потолка. Обломки столов и стульев раскинулись вокруг остова люстры, как деревья вокруг эпицентра взрыва или места падения метеорита.

Со всей презрительностью, свойственной тому, кто завершил образование в возрасте девяти лет и человеком сделался в армии, капитан стражи спросил:

– Я смотрю, у вас тут веселье? Интеллигенция гуляет? Хлебом кидаемся и тому подобное?

– Потрудитесь объяснить причину вашего вторжения, – холодно потребовал Навер-

¹² В результате долгих исследований и раскопок фанатских сайтов, комьюнитей и ньюс-групп мне удалось установить, что стандартная бутылка на Плоском Мире составляет чуть больше 0.7 нашего литра, а девять анк-морпоркских долларов стоят около нескольких сотен современных (мне) долларов США. Этот бренди и вправду должен быть что-то особенного. (Прим. перев.)

нулли.

Капитан оперся о копьё.

– Объяснить? Это можно, – сказал он. – Дело в следующем. Патриций изволили забаррикадироваться в своей спальне, поскольку вся мебель во дворце ходит ходуном и разгуживает по комнатам. Черт знает, что творится. Повара отказываются заходить на кухню – наотрез, надо сказать, отказываются...

Волшебники старались не смотреть на острие его копья, которое начало отвинчиваться от древка.

– Короче, – продолжал капитан стражи, не слыша тихого поскрипывания, – Патриций изволили подозвать меня к замочной скважине и сказать: “Дуглас, я как раз хотел тебя спросить, не заглянешь ли ты в Университет и не спросишь ли тамошнего главного, не откажется ли он навестить меня, если, конечно, он не очень занят?” Но, если что, я могу вернуться и доложить, что у вас тут капуста или что-то в этом роде...

Наконечник копья уже почти совершенно отвинтился.

– Эй, я с кем разговариваю вообще? – поинтересовался начальник стражи.

– А, что? – переспросил архканцлер, с трудом отрывая глаза от вращающейся стали. – Да, разумеется, разумеется. Уверю вас, уважаемый, мы тут совершенно ни при...

– Ах, чтоб тебя!

– Прошу прощения?

– Наконечник копья! Прямо на ногу!

– Надо же! – невинно воскликнул Навернулли.

Начальник стражи прыгал на одной ноге, держа руками вторую:

– Ну, вот что, фокусники несчастные! – выкрикивал он между прыжками. – На выход с вещами! Мой начальник очень недоволен. Очень!

Огромное бесформенное облако Жизни повисло над Плоским миром, подобно тому, как вода скапливается за закрытыми шлюзами плотины. Смерти не было, и некому было забирать у жизни отработанную энергию. Деваться ей было некуда. То тут, то там эта энергия пробивалась на поверхность в виде полтергейстов – подобно летним зарницам молний, предвещающим большую грозу.

Все сущее старается жить и выживать. В этом, собственно, и состоит пресловутый круговорот жизни в природе. Это та сила, которая приводит в движение великий насос эволюции. Все живое старается забраться хоть на вершок выше всех, когтями, зубами и ложноножками прокладывая себе путь от одной экологической ниши к другой, пока не заберется на самую вершину и не обнаружит, что это совершенно не стоило тех усилий.

Все сущее старается жить. Даже неодушевленное сущее. У вещей ведь тоже есть некое подобие жизни, жизнь в переносном смысле, недо-жизнь, псевдо-жизнь. Теперь же, точно так, как внезапный теплый дождь заставляет расцветать странные чужеземные цветы...

Что-то все-таки было в этих стеклянных шариках. Берешь такой в руку, встряхиваешь, смотришь, как кружатся, посверкивая, снежинки. Потом покупаешь его, приносишь домой, ставишь на полку.

И забываешь там.

Отношения между Университетом и Патрицием, единоличным правителем и всемилостивым диктатором Анк-Морпорка, установились непростые.

Волшебники заявляли, что как служители высшего разума, они не подвластны светским законам, которыми управляется жизнь города.

Патриций утверждал, что это, может быть, и так, но налоги платят все, и волшебники заплатят, как миленькие.

Волшебники заявляли, что, ведомые светом вечной истины, они не обязаны отчитываться ни перед одним смертным.

Патриций утверждал, что это, может быть, и так, но городу они должны платить налог в сумме двести долларов с носа ежегодно, в четыре квартальных платежа.

Волшебники уверяли, что Университет – заведение волшебное, и как таковое налогообложению не подлежит, ибо мудрость нельзя купить.

Патриций отвечал, что можно, и это будет как раз двести долларов с носа, а если кому-то это не нравится, то носы можно и укоротить.

Волшебники заявляли, что Университет никогда не платил налогов мирским властям.

Патриций отвечал, что не сможет сохранять мир слишком долго.

Волшебники спрашивали, нельзя ли договориться по-хорошему?

Патриций отвечал, что он договаривается по-хорошему, а по-плохому разговор бы вышел слишком короткий.

Волшебники припоминали, что был один правитель – в веке, кажется, Драконьей Мухи – который тоже пытался навязывать Университету свою волю, и Патриций может зайти как-нибудь и посмотреть на то, что от него осталось.

Патриций отвечал, что заглянет, непременно заглянет – торжественно, с гвардейским эскортом.

В конце концов было достигнуто соглашение, что волшебники не будут платить налогов, но будут совершать совершенно добровольное пожертвование в размере, ну, скажем, двести долларов с носа, так на так, без претензий, без примечаний мелким шрифтом, исключительно на невоенные и экологически чистые цели.

Именно эта непрерывная игра мускулов и столкновения интересов делали Анк-Морпорк таким интересным, энергичным и, не в последнюю очередь, смертельно опасным местом для жизни.¹³

Старшим волшебникам нечасто доводилось покидать Университет и попадать в то, что буклет “Посѣтите Анк-Морпорк”, должно быть, описал бы как “дѣловитыя улочки и укромные закоулочки” города, но даже им сразу стало ясно, что происходит что-то необыч-

¹³ Немало песен посвящено этому кипящему жизнью мегаполису, из которых самая знаменитая, конечно, “Анк-Морпорк, Анк-Морпорк! Детка, это Анк-Морпорк!”, а среди прочих стоит упомянуть, например, песню “Дедушка, забери мене отсюдова”, популярный шлягер “Псевдопольский централ” и старую добрую “Анк-морпоркскую колом-бейную”.

ное. Не то, чтобы булыжники тут никогда не летали по воздуху – но обычно для этого кто-то должен был их бросать. Камни ни с того ни с сего никогда и нигде не летают.

Распахнулась дверь, и из нее вышел костюм, под которым отбивала чечетку пара ботинок, а над пустым воротником плыла шляпа. Следом выскочил тощий человечек, пытаясь при помощи подвернувшейся под руку тряпки достичь того эффекта, для которого обычно требуется не меньше, чем штаны.

– Вернись сейчас же! – кричал он костюму, уже свернувшему за угол, – Мне за тебя семь долларов причитается!

Другая брючная пара выбежала на улицу и заторопилась вдогонку за костюмом.

Волшебники сбились в кучу, похожие на испуганное животное с десятью ногами и пятью остроконечными головами, ожидая, кто первый найдет, что сказать по этому поводу.

– Это поразительно, – заметил архканцлер.

– Прошу прощения? – переспросил декан, давая этим понять, что он регулярно имеет дело с вещами, гораздо более поразительными, чем эта, и что обращая внимание на такой вздор, как разгуливающая по улице одежда, архканцлер роняет престиж волшебства в целом.

– Нет, в самом деле! – с воодушевлением продолжал Навернулли. – Много ли вы знаете тут портных, которые за семь долларов добавляют к пиджаку еще и брюки?

– Э-э... – вымолвил декан.

– Если он нам снова встретится, будьте добры, задержите его, я хочу посмотреть ярлыки.

В чердачное окно протиснулся парный пододеяльник и задумчиво воспарил над крышами.

– Знаете, что? – спросил профессор новейшей древности, стараясь говорить спокойным, уверенным голосом. – По-моему, это не магия. Как-то непохоже, воля ваша, на магию.

Капитан знатоков порылся в одном из бездонных карманов своей мантии. Там что-то приглушенно зазвякало, порою вскрикивая и брэнча. Наконец на свет появился небольшой кубик темно-синего стекла. На одной из граней у него красовался циферблат.

– Вы носите его с собой в кармане? – спросил декан. – Такой дорогостоящий инструмент?

– Что это за побрякушка? – спросил Навернулли.

– Магический измерительный прибор уникальной чувствительности, – ответил декан. – Измеряет плотность магического поля. Это называется таумометр.

Капитан знатоков гордо поднял кубик на ладони и нажал на нем кнопку. Стрелка на циферблате поколебалась немного и замерла.

– Видите? – спросил капитан знатоков. – Естественный фон. Не представляет опасности для населения.

– Громче! – попросил архканцлер. – Я вас не слышу!

Из домов по обеим сторонам улицы стали раздаваться крики и грохот.

Миссис Уводна Кекс была женщина не возвышенная, но духовная. Она была медиум.

Работа эта не отнимала много времени. Совсем немногие анк-морпоркцы изъявляли страстное желание пообщаться со своими покойными родственниками. Большинство старалось отгородиться от них как можно большим количеством мистических измерений. Миссис Кекс подрабатывала духовидицей между шитьем и добровольной помощью церкви – не важно, какой именно церкви. Миссис Кекс была женщина очень религиозная – по крайней мере, в своем собственном понимании.

Уводна Кекс была не из тех гадалок, что сидят за занавеской из стекларуса и жгут ароматические палочками – отчасти потому, что не чувствовала запахов, но больше потому, что она действительно знала свое дело. Хороший фокусник может вогнать вас в столбняк при помощи простого коробка спичек и совершенно обыкновенной колоды карт (“вот, потрудитесь убедиться, совершенно обыкновенная колода карт!”), и ему не требуется складной столик, норовящий защемить палец, или хитроумная шляпа с двойным дном – атрибуты престижителя-дилетанта. Точно так же и миссис Кекс не нуждалась в большом количестве аксессуаров. Даже первосортный хрустальный шар стоял у нее исключительно для успокоения клиентов. Будущее миссис Кекс могла прочесть хоть по тарелке овсянки.¹⁴ Сковородка с жарящимся беконом могла доставить ей откровение. Всю свою жизнь она заглядывала в мир духов – разве что слово “заглядывала” Уводне не очень соответствовало. Не из таковских она была, чтобы “заглядывать”. Она скорее вламывалась в мир духов, открывая дверь ногой, и требовала жалобную книгу.

И вот сейчас, готовя завтрак себе и обрезки для Людмиллы, она вдруг начала слышать голоса. Очень тихие голоса. Собственно, неслышные – это были такие голоса, которые не слышны обычным ухом. Эти голоса звучали в ее голове.

– ...да ты ж смотри, что делаешь!.. где это я?.. немедленно прекратите копать!..

И снова все стихло.

Вместо голосов раздался какой-то писк из соседней комнаты. Уводна отставила недоваренное яйцо и прошла сквозь стекларусную занавесь.

Писк доносился из-под нешутейного, грубой ткани покрывала, скрывавшего ее хрустальный шар.

Вернувшись на кухню, Уводна выбрала самую тяжелую сковородку. Взмахнув ею для пробы пару раз, она отправилась назад к укрытому хрустальному шару. Потом, подняв сковородку, готовую расплющить любую гадость, она откинула край покрывала.

Шар, скрипя, медленно вращался на своей подставке.

Уводна смотрела на него с минуту. Затем она задвинула стекларусную занавесь, опустилась в кресло, вздохнула глубоко и спросила:

– Кто здесь?

И тут обвалился потолок.

Спустя несколько минут миссис Кекс не без определенного труда удалось разгрузить голову.

– Людмила!

В коридоре послышались аккуратные шаги, и кто-то вошел со стороны двора. Это, совершенно очевидно, была женщина, и в целом даже симпатичная. Платье на ней было совер-

¹⁴ Например, тарелка эта могла рассказать ей, что в скором будущем вы почувствуете легкое недомогание.

шенно непримечательное. В то же время было очевидно, что излишки растительности на ее теле не смогут победить все изысканные розовые бритвенные приборчики на свете. Зубы и ногти у нее также были несколько длиннее, чем полагалось носить в этом сезоне. Но вместо рыка из ее уст раздался не лишенный приятности и несомненно человеческий голос.

– Мама, что?

– Я тут, в завале!

Перепуганная Людмила схватилась за толстую балку и без усилия откинула ее в сторону.

– Что случилось, мама? Ты опять отключила предвидение?

– Отключила. Мне надо было переговорить с булошником. Вот же угораздило!..

– Мама, так я поставлю чайник?

– Людмила, ты же знаешь, ты каждый раз давишь чашки, когда у тебя подходит Это.

– Мама, я стараюсь, – промолвила Людмила.

– Умница, дочка, но я все-таки налью себе сама. Спасибо, милая.

Миссис Кекс встала, отряхнула штукатурку со своего передника и произнесла:

– Как же они все орали! Как они орали все!

Университетский садовник Модо пропалывал клумбу с розами, когда старинный, уже почти бархатный, газон за его спиной вздулся, напрягся и произвел на свет крепкого многолетнего Вертрама Пума, шурящегося на солнечный свет.

– Это ты, Модо?

– Точно так, мистер Пум, – ответил гном. – Вам помочь?

– Спасибо, мне кажется, я справлюсь.

– У меня там в сарае лопата, если хотите.

– Нет-нет, право же, не нужно. – Вертрам выкарабкался из травы и отряхивал землю с остатков своей мантии. – Ради богов, прости меня за газон, – добавил он, поглядев на нору.

– О чем вы говорите, мистер Пум.

– Много времени занимает привести его в такое состояние?

– Лет пятьсот, я так думаю.

– Как неудобно получилось! Я целился в погреб, но, похоже, малость сбился с курса.

– Да вы не волнуйтесь, мистер Пум! – отозвался гном сочувственно. – Однава все растет, как с цепи сорвалось. После обеда заровняю, подброшу семян – пятьсот лет пролетят, оглянуться не успеете. Вот увидите!

– Судя по всему, – сказал Вертрам мрачно, – увижу, никуда не денусь.

Он огляделся вокруг.

– Архканцлер у себя? – спросил он.

– Я видел, как военные их всех повели во дворец, – ответил садовник.

– А, ну, тогда я, пожалуй, пойду, приму ванну, переоденусь. Не хочу никого беспокоить.

– Я тут слышал, вас схоронили? – спросил садовник, когда Вертрам уже потащился прочь.

– Что-то в этом роде.

– Земля не держит, значит?

Вертрам обернулся.

– Да, кстати. Где это – улица Вязов?

Модо почесал ухо.

– Это, что ли, один из отворотов с Дороги на Паточную Шахту?

– Да, точно, я вспомнил.

Модо вернулся к сорнякам.

Цикличность смерти Вертрама Пума не слишком обеспокоила его. Ведь деревья тоже зимой выглядят совершенно мертвыми, но весной снова расцветают. Засей в землю сухие старые семена, и из них прорастут новые молодые побеги. В сущности, ничто не умирает надолго. Взять, скажем, хоть тот же компост.

Модо верил в компост с той же истовостью, с какой иные верили в богов. Его компостные кучи набухали, прели и слабо светились в темноте – должно быть, из-за таинственных и, вероятно, нелегальных компонентов, которые Модо в них добавлял; но ничего не вскрывалось, да никто и не собирался раскапывать их, чтобы посмотреть, что в них такого есть.

Все мертвое так или иначе живет. И розы – они ведь растут, это точно. Капитан знатоков объяснял Модо, что розы у него такие длинные потому, что в этом заключается чудо природы, но сам Модо втайне считал, что они просто хотят обратиться подальше от компоста.

Сегодня он собирался всерьез заняться компостными кучами. Сорняки и в самом деле чего-то разошлись. Он никогда не видел, чтобы растения росли так быстро и пышно. Вот он вам, компост, думал Модо.

Когда волшебники добрались до дворца, в нем все стояло вверх дном. Обломки утвари носились под потолком. Вилки и ножи косяком серебряных рыб просвистели мимо лица архканцлера и уплыли вдаль по коридору. Казалось, дворец охватил какой-то злонамеренный и капризный ураган.

Во дворец вызвали не только волшебников. Перед ними в коридоре оказалась группа людей, одетых очень похоже на волшебников, хотя наметанный глаз заметил бы небольшие, но крайне важные различия.

– Священники? – громко изумился декан. – Раньше нас?

Обе компании начали ненавязчиво перегруппировываться и высвобождать руки.

– Что они здесь делают? – спросил так же громко капитан знатоков.

Температура воздуха заметно упала.

Мимо прошуршал, плавно извиваясь, ковер.

Архканцлер встретился взглядом с толстым первосвященником Слепого Ио, который, будучи верховным служителем самого важного бога в пестром и динамичном пантеоне Плоского Мира, наиболее годился бы на роль председателя анк-морпоркского комитета по делам религий.

– Бесстыжие шарлатаны, – процедил сквозь зубы капитан знатоков.

– Безбожные технократы, – отпарировал молодой послушник, выглянув из-за брюха Первосвященника.

– Бессмысленные мракобесы!

– Безнравственные атеисты!

– Паразиты и обманщики!

– Безумцы и преступники!

– Жрецы кровожадные!

– Колдуны нечестивые!

Навернулли двинул бровью. Первосвященник едва заметно кивнул. Оставив две компании изрыгать с безопасного расстояния хулу и проклятия, они отошли в сравнительно укромную часть зала, где, укрывшись за статуей одного из предков Патриция, развернулись лицом к лицу друг с другом.

– Ну, как идет окучивание божьей благодати? – спросил Навернулли.

– Слава богам, слава богам. А как безрассудные игры с тем, что должно пребывать за пределами человеческого разума?

– Да все путем, все путем. – Навернулли снял свою шляпу и пошарил в ней рукой. – Капельку кое-чего?

– Алкоголь – это соблазн для духа. А вот не найдется ли сигаретки? Я слышал, вы этим балуетесь.

– Только не я. Ужас, во что превращаются при этом твои легкие!

Навернулли отвинтил кончик у своей шляпы и отлил в него солидную порцию бренди.

– Ну-с, – промолвил он, – так что новенького?

– У нас алтарь поднялся в воздух и рухнул.

– А у нас люстра развинтилась. Все развинчивается. Все разболталось. Бардак кругом. К примеру, по дороге сюда мимо меня прошел костюм. Пиджак со штанами за семь долларов!

– Надо же! Ты случайно ярлык не разглядел?

– И все волнуется. Ты заметил вот эти волны вокруг?

– Мы думали, это ваших рук дело.

– Это точно не магия. Боги там у вас случайно не гnevаются сильнее обычного?

– Не то, чтоб я знал.

В другом конце зала священники и волшебники, упершись нос к носу, продолжали проклипать друг друга и обзывать.

Первосвященник понизил голос и придвинулся:

– Пожалуй, небольшой соблазн мне не повредит, – сказал он. – Так паршиво я себя не чувствовал с тех пор, как миссис Кекс покинула мою паству.

– Миссис Кекс? Что это еще за миссис Кекс?

– Ну... У вас же есть эти, как их... жуткие Порождения Подпольных Измерений, так? Неизбежная опасность в вашем богомерзком промысле? – напомнил Первосвященник.

– Не без того.

– Ну вот. А у нас есть миссис Кекс.

Навернулли поглядел на первосвященника в упор.

– Не спрашивай ни о чем, – попросил первосвященник. – Просто благодари богов, что это не твоя забота.

Навернулли молча передал первосвященнику бренди.

– Ну, так, между нами, – спросил священник, – есть какие-нибудь соображения по поводу происходящего? Стража вот-вот откопает его светлость. Ты же понимаешь, он потребует ответ. А я, кажется, даже вопроса не понимаю.

– Не магия и не боги... – задумчиво произнес Навернулли. – Передай-ка мне соблазну. Спасибо. Не магия и не боги... А что же еще?

– Существует, наверно, такая магия, о которой вам ничего не известно?

– Если такая и существует, то нам о ней не известно ничего.

– Логично, – согласился священник.

– А может быть, все-таки это какие-то боги бесятся? – предположил Навернулли, хватаясь за соломинку. – Бытовуха какая-нибудь? Какие-нибудь золотые яблоки не поделили?

– На этом фронте сейчас все спокойно, – возразил первосвященник. Глаза его закатились, и он принялся, судя по всему, зачитывать бегущую строку в своей голове. – Гиперопия, богиня обуви, считает, что Сандельфон, бог коридоров – потерянный брат-близнец Грюня, бога незрелых плодов. Кто подложил козу на ложе Оффлера, бога-крокодила? Заключит ли Оффлер союз с Семируким Сексом? Тем временем Хоки-Шутник снова взялся за свое...

– Ясно, ясно, – прервал его Навернулли. – Никогда не мог себя заставить разобраться во всей этой мешанине.

За их спинами декан силился не дать профессору новейших древностей превратить жреца Оффлера, бога-крокодила, в комплект чемоданов, а нос казначея обильно кровоточил после меткого удара паникадиллом.

– Что нам может помочь, – сказал Навернулли, – так это если мы объединимся и выступим общим фронтом. Как насчет этого?

– Согласен, – ответил первосвященник.

– Отлично. По крайней мере, на время.

Прямо возле их лиц пролетел, отчаянно извиваясь, половик. Первосвященник вернул фляжку с бренди.

– И, кстати. Мама жалуется, что ты редко пишешь, – упрекнул он.

– Ох, ну!.. – Волшебники оробели бы, увидев гримасу, промелькнувшую на лице архиканцлера. – Дела, все дела. Сам же знаешь, как оно бывает.

– И просила напомнить, что на Страшество она ждет нас обоих к обеду.

– Я помню, – холодно отозвался Навернулли. – Я работаю над этим.

Он повернулся в ту сторону зала, где кипела битва.

– Коллеги! Довольно! – сказал он.

– Смирение, о братие! – прогремел первосвященник.

Капитан знатоков выпустил из локтевого захвата голову верховного жреца бога Хинки. Два курата перестали пинать ногами казначея. В зале воцарились шелест поправляемых ряс, поднимаемых с пола и водружаемых на головы шляп и одышливое сопение.

– Вот так-то лучше, – одобрил Навернулли. – Теперь вот что. Мы с его преосвященством посоветались и решили...

Декан замахнулся на низкорослого епископа:

– Он меня ногой пнул!

– Окститесь, сын мой!

– Пнул, честное волшебное! – не унимался декан. – Исподтишка, чтоб никто не видел!

– Посоветались и решили, – повторил Навернулли, внушительно посмотрев на декана, – искать выход из сложившегося положения в духе братской взаимовыручки и доброй воли; и вас, капитан знатоков, это тоже касается!

– А что сразу я? А чего он толкается!

– Да простит тебе Трюм твои прегрешения, – с достоинством отвечал архидиакон Трюма.

Сверху раздался грохот: кресло-кушетка проскакало вниз по лестнице и разлетелось, ударившись с размаху о двери зала.

– Похоже, стража все еще пытается освободить Патриция, – заметил первосвященник. – Должно быть, тайные выходы тоже не открываются.

– Все до единого? Я думаю, этот хитрый черт понаделал их повсюду, – отозвался Навернулли.

– Все до единого, – повторил первосвященник. – Должно быть, все.

– Или почти все, – сказал кто-то у него за спиной.

Прямо из стены вышла фигура, напоминавшая более всего человека. Тощий, бледный, неизменно одетый в черное без искорки, Патриций всегда напоминал Навернулли хищного фламинго, за вычетом того, что трудно найти фламинго с терпением, как у скалы.

Выражение лица Навернулли, когда тот обернулся, даже не изменилось – разве что в нем прибавилось сахара.

– Лорд Ветинари! – воскликнул он. – Как я рад, что вы целы!

– Господа, я жду вас в Овальном кабинете, – бросил Патриций. За его спиной бесшумно закрылась панель в стене.

– Прошу прощения, но мне кажется, там наверху стража пытается освободить... – на-

чал было первосвященник.

Патриций отмахнулся тонкой рукой:

– Я ни в коем случае не хотел бы им мешать, – сказал он. – Это занимает их и дает им чувство собственной значимости. Иначе им пришлось бы просто стоять весь день со зверским видом и бороться со своим мочевым пузырем. Пройдемте, прошу вас.

Главы различных гильдий Анк-Морпорка, заходившие в зал по одному или парами, постепенно заполняли его.

Пока они спорили друг с другом, Патриций, сидевший за столом, мрачно изучал бумаги, разложенные по столу.

– Ну, это уж точно не мы, – заявил глава алхимиков.

– Где вы, там всегда все разлетается, – напомнил Навернулли.

– Бывает, но это из-за неучтенных экзотермических реакций, – возразил алхимик.

– В смысле, возможен хлопок, – перевел алхимик по сношениям с общественностью, не повернув головы.

– Что-то может взлететь на воздух, но оно обязательно упадет обратно, – сказал его начальник, неодобрительно хмурясь. – Оно не станет летать туда-сюда или, к примеру, развинчиваться. Да и вообще, с какой стати нам устраивать самим себе такое? В моей лаборатории творится черти-что! Осколки свистят над головой! Перед самым моим уходом сюда огромный и дорогуший алембик разлетелся вдребезги!

– Должно быть, это была едкая щелочь, – сказал кто-то плачущим голосом.

Собравшиеся расступились, и посреди зала оказался в одиночестве Генеральный Секретарь и Верховная Задница гильдии Шутов и Клоунов. Оказавшись у всех на виду, он задрожал, но, впрочем, он и без того непрерывно трясся. Выглядел он как человек, лицо которого слишком часто служило мишенью для кремowych тортов, штаны которого слишком часто стирали с отбеливателем, а нервная система которого готова была полностью разложиться от внезапного писка резиновой уточки. Предводители гильдий обращались с ним учтиво и внимательно, как разговаривают с человеком, стоящим на краю крыши высотного здания.

– Что вы имеете в виду, Джефффри? – спросил Навернулли со всей добротой в голосе, на какую был способен.

Дурак шумно сглотнул:

– Ну, понимаете, – замямлил он, – “едкая” рифмуется с “редкая”, а “щелочь” рифмуется со “сволочь”, и получается такая игра слов... вроде как намек. Тонкая аллюзия. Ну, может быть, не очень тонкая...

Архканцлер поглядел в похожие на два яйца всмятку глаза.

– Ах, намек, – сказал он наконец. – Шутка. Конечно же. Ха-ха! – Архканцлер приглашающе взмахнул рукой.

– Ха-ха-ха, – поддержал первосвященник.

– Ха-ха, – добавил предводитель гильдии Убийц.

– Ха-ха-ха, – присоединился глава алхимиков. – А знаете, что самое смешное? В нем

и в самом деле был едкий натр.

– Таким образом, вы хотите сказать мне, – продолжил Патриций, когда сердобольные слуги увели Дурака, – что никто из вас не несет ответственности за происходящее?

Говоря это, он со значением посмотрел на Навернулли.

Архканцлер как раз собирался ответить, как вдруг краем глаза уловил какое-то шевеление на столе Патриция.

Маленькая моделька Дворца в стеклянном шарике стояла на столе. А рядом с ней лежал нож для разрезания бумаг.

Нож медленно сгибался.

– Итак? – спросил Патриций.

– Мы точно нет, – проговорил Навернулли отсутствующим голосом. Патриций проследил его взгляд.

Нож уже изогнулся, как лук.

Патриций оглядел обомлевших посетителей, пока не нашел среди них капитана Докси, начальника Дневного Дозора городской Стражи.

– Сделайте что-нибудь, будьте так добры, – попросил Патриций.

– Э-э-э, что именно, сэр? Нож, сэр? Прикажете арестовать его за кривляние в общественном месте?

Лорд Ветинари воздел руки к небу.

– Таким образом, это не магия. Это не боги. Не люди. А кто же тогда? И кто положит этому конец? Кого мне позвать на помощь?

Спустя полчаса маленький шарик, стоявший на столе, исчез.

И никто этого не заметил. Как обычно.

А миссис Кекс знала, кого позвать.

– Там-Один-Ведро, ты здесь? – позвала она и, на всякий случай, присела.

Из ниоткуда послышался тонкий и скрипучий голос:

– твоя где ходил? тут дышать совсем нет чем!

Миссис Кекс поджала губу. Такой отчетливый и прямой ответ означал, что ее дух-помощник сердится. В спокойном состоянии он сначала минут пять распространялся бы о диковинных духах и могучих бизонах, хотя попадись Там-Одному-Ведро где-нибудь диковинные духи, он, скорее всего, выпил бы их, а что он сделал бы с бизоном, не хотелось даже гадать. Кроме того, в свою речь он обыкновенно вставлял множество “однако” и “хау”.

– О чем ты?

– у вас там совсем беда, однако? стихийный бедствий или моровая язва?

– Да нет. Вроде бы нет.

– жуткий давка тут, места мало-мало совсем, однако. зачем столько народу привалило?

– Что ты имеешь в виду?

– твоя тихо говорить, тихо-тихо! моя разговаривать с дамой! эй вы там, заткнись, пожалуйста! твоя как сказал?

Миссис Кекс поняла, что ему приходится перекрикивать множество голосов.

– Там-Один-Ведро!

– чурка краснокожая, твоя сказал? зачем такой плохой слово сказал? я тут сто лет уже, а ты теплый ещё, а уже такой плохой слово говоришь! встань, однако, и стой спокойно, не толкайся...

Тут его голос пропал.

Миссис Кекс нахмурилась.

Голос вернулся.

– что твоя говорит? дорогой, это твоя живой когда был, большой был человек, а тут твоя, однако, дырявый мокасина. вот твоя кто, и больше никто...

– Сейчас опять драться будет, – сказала Людмила, свернувшись калачиком возле плиты. – Если он сказал “дорогой” – непременно будет драться.

Миссис Кекс вздохнула.

– И, похоже, драться ему придется с целой толпой, – добавила Людмила.

– Ну, ладно. Принеси-ка мне вазу. Какую-нибудь подешевле.

Немногим известно – хотя многие догадываются – что всякая вещь на свете имеет свой дух, особую духовную форму, которая при уничтожении и гибели предмета на краткое время попадает в промежуток между миром живых и миром мертвых. И это очень важно.

– Да не эту! Это же бабушкина.

Это призрачное продление бытия длится не слишком долго, если только его не поддерживает чья-нибудь воля, но для некоторых надобностей его оказывается вполне достаточно.

– Вот эта подойдет. Роспись отвратительная.

Миссис Кекс взяла оранжевую вазу, разрисованную розовыми пионами, из протянутых лап дочери.

– Там-Один-Ведро, ты еще здесь? – спросила она.

– будь проклят тот день, когда ты скончался, бледнолицый редиска, нехороший человек!..

– Лови! – Миссис Кекс ударила вазой об плитку. Ваза разлетелась вдребезги.

Через секунду с того света раздался звук, как если бы бестелесный дух надел на другого бестелесного духа призрачную вазу.

– вот так, однако, – сказал голос Там-Одного-Ведро. – и там где я это взял, еще много есть, твоя моя понял?

Миссис и мисс Кекс переглянулись и кивнули друг дружке. Когда голос Там-Одного-Ведро послышался снова, он был полон самодовольной наглости.

– мало-мало разобрались, кто тут начальник, однако, – произнес он. – где кого

место. однако, мало-мало плохо тут, миссис кекс. тесно, как в предбаннике...

Здесь его перебил нестройный хор других призрачных голосов:

– пожалуйста, будьте так добры, передайте мистеру...

– скажите ей, что в печной трубе за вьюшкой лежит мешок с деньгами...

– не видать агнес фамильного серебра после того, что она сказала про нашу молли!..

– я не успел покормить кошку, не мог бы кто-нибудь сходить и...

– ну-ка, тихо-тихо все! – снова покрыл хор Там-Один-Ведро. – ничего вы не понимаете, однако! разве так призрак говорит? какой-такой кошка-мошка кормить? надо вот как: “у меня все мало-мало хорошо, мне здесь нравится, надеюсь, однако, скоро встретимся”!

– но послушайте, если нас и дальше будет прибывать с такой скоростью, мы же друг у друга на голове будем стоять!..

– да причем тут это! причем тут это все! я же твоя что говорю? если твоя дух, однако, надо, как положено, говорить. миссис кекс?

– Что?

– однако, расскажите там, где надо, что тут у нас творится!

Миссис Кекс кивнула.

– Теперь уходи, – сказала она. – Опять голова разболелась.

Хрустальный шар померк.

– Вот оно как! – промолвила Людмила.

– Ни к какому священнику я не пойду, – твердо сказала миссис Кекс.

Не то, чтобы она не была религиозна. Напротив, как уже указывалось выше, она была очень религиозная женщина. В городе не было такого храма, собора или капища, которые не посещала бы когда-нибудь миссис Кекс. По этой причине ее боялись больше, чем наступления Века Разума. При виде плотной фигурки миссис Кекс в проеме дверей, почти все жрецы и священники теряли дар речи посреди проповеди или заклинания.

Дар речи – в этом-то и было дело. У всех религий были совершенно определенные взгляды на общение с мертвыми. У миссис Кекс – тоже. Они считали такое общение смертным грехом. Миссис Кекс считала его долгом вежливости.

Обыкновенно это приводило к горячим теологическим диспутам, в ходе которых миссис Кекс делилась с верховным жрецом, как она это называла, частичкой своей души. По городу было уже рассеяно столько частичек души миссис Кекс, что непонятно было, что же движет ее телом. Между тем, странным образом, чем больше частичек своей души миссис Кекс раздавала, тем более рьяно миссис Кекс вкладывала душу в то, что считала своим долгом.

К тому же Людмила. С ней было непросто. Покойный мистер Кекс, упокой боги его душу, за всю свою жизнь ни разу, должно быть, даже не свистнул на луну, и миссис Кекс терзали смутные сомнения, что Людмила – привет из далекого семейного прошлого в горах, или же она еще во младенчестве подхватила генную мутацию где-то на улице. Миссис Кекс припоминала, что матушка ее как-то проговорила, будто ее внучатый дядя Эхразм иногда

обедал под столом... Так или иначе, три недели из четырех Людмила была скромной прямоходящей девушкой, а одну неделю – прекрасно воспитанной лохматой волчицей.

Священники порою смотрели на это косо. А поскольку к моменту, когда разногласия между миссис Кекс и теми священнослужителями¹⁵, которые в данный момент осуществляли посредничество между нею и богами, становились непримиримыми, неудержимый напор характера миссис Кекс уже заставлял ее полностью взять в свои руки украшение храма свежими цветами, умощение алтаря, мытье полов, чистку жертвенников, почетное хранение весточной девственности, заправку кадил и все остальные необходимые для отправления культа вещи, то уход ее неизменно вызывал хаос и катастрофу.

Миссис Кекс застегнула пальто на все пуговицы.

– Что ты задумала, мама? – пробасила Людмила.

– Пойду к волшебникам. У них должно хватить ума, – сказала миссис Кекс. Она распространяла вокруг себя волны целеустремленности и была похожа на небольшой и очень серьезный футбольный мячик.

– Но ты же говоришь, они никогда не слушают.

– Попробовать стоит. Кстати: а что это ты делаешь не в своей комнате?

– Ну, мама! Я терпеть не могу эту комнату! И совершенно не нужно...

– Лучше перебдеть. Вдруг тебе взбредет в голову погоняться за соседскими цыплятами? Что люди скажут?

– Да я никогда и в мыслях не имела гонять цыплят! – уныло возразила Людмила.

– Или полаять на кошек?

– Мама! Лают собаки!

– Марш в свою комнату, запишись там и займись вышивкой, как хорошая девочка!

– Ну, мама, ты же знаешь, мне не удержать иголку.

– Ты можешь постараться, если мама просит?

– Хорошо, мама.

– И, пожалуйста, не подходи к окну. Ни к чему волновать людей.

– Хорошо, мама. А ты, пожалуйста, не забудь свое предвидение. Глаза у тебя уже не те, что раньше.

Миссис Кекс дождалась, пока дочь поднимется к себе, затем закрыла за собой входную дверь и зашагала к Развидимому Университету, где, как она слыхала, творится немало чудных вещей самого разного рода.

Любой, кто внимательно наблюдал бы за миссис Кекс на улице, подметил бы нечто странное. Несмотря на все зигзаги, ни один пешеход не столкнулся с ней. При этом они не уворачивались от нее – она просто не оказывалась у них на пути. В одном месте она приостановилась, подумала и свернула в подворотню. Через мгновение с телеги, которую разгружали возле трактира, скатилась бочка и разбилась о булыжники мостовой в том самом месте,

¹⁵ Миссис Кекс знала, что некоторые религии имеют священнослужительниц. Мнение миссис Кекс о рукоположении в духовный сан лиц женского пола не может быть напечатано. В храмах религий со священнослужительницами многие священнослужители Анк-Морпорка находили себе прибежище, в котором можно было некоторое время не общаться с миссис Кекс.

где должна была пройти миссис Кекс. Миссис Кекс вышла из подворотни, приподняв полы пальто и что-то бурча себе под нос.

Миссис Кекс все время что-то тихо говорила сама себе. Рот ее был в постоянном движении, словно она пыталась выковырять языком косточку от яблока, застрявшую между зубов.

Она подошла к высоким черным воротам Университета и снова остановилась, словно прислушиваясь к чему-то.

Затем она отступила на шаг и подождала.

Билл Двери лежал на сеновале в темноте и ждал.

Снизу до него доносились время от времени звуки Бинки – топтание и деликатное чавкание.

Билл Двери... Теперь у него есть имя. Конечно, имя у него было всегда, но так называли то, что он воплощал, а не его самого.

Билл Двери. Звучит солидно, уважительно. Мистер Билл Двери... Вильям Двери, эс-квайр... Билли Ди... Нет. “Билли” – это перебор.

Билл Двери зарылся поглубже в сено. Пошарив во внутренностях плаща, он достал золотые часы. Песка в верхней колбе стало заметно меньше. Билл спрятал часы обратно.

Теперь следовало заняться так называемым сном. Он знал про сон. Люди тратят на него немало времени. Они ложатся, и у них наступает сон. Надо думать, он им зачем-то нужен. Билл с интересом ждал его, чтобы проанализировать со всей тщательностью.

Ночь тащилась по миру, и новый день неотступно шел за ней по пятам.

В курятнике на другом конце двора послышался шорох.

– Ку-ка-ре... э-э...

Билл Двери посмотрел на крышу сеновала.

– Ку-ке-ра... гм.

В щели сочился тусклый свет.

Но ведь только что сеновал освещала багровая вечерняя заря!

Шести часов как не бывало.

Билл вытащил часы. Так и есть. Песка явно убавилось. Пока он ждал знакомства со сном, что-то украло у него кусок... жизни. А он ничего не заметил.

– Ку... Ку-ка... гхм-гхм...

Билл спустился с сеновала и вышел на бледный утренний свет.

Старшие цыплята покосились на него с опаской, когда он заглянул в их жилище. Древний и несколько сконфуженный петух окинул его гневным взглядом и отвернулся.

От дверей дома послышался звон и лязг. На двери висел старый железный обруч от бочки, и мисс Флитворт отчаянно колотила по нему половником.

Билл подошел поинтересоваться:

– ЗАЧЕМ ВЫ ПРОИЗВОДИТЕ ШУМ, МИСС ФЛИТВОРТ?

Она так и подскочила, замахнувшись половником:

– Ох ты, нелегкая! Да ты прямо, как кошка, ходишь!

– РАЗВЕ КОШКА ВСЕГДА ХОДИТ ПРЯМО?

– Я хотела сказать, что не слышала, как ты подошел.

Мисс Флитворт подбоченилась и оглядела Билла с ног до головы.

– Есть в тебе что-то эдакое, Билл Двери, – сказала она, – а что – никак не возьму в толк.

Двухметровый скелет терпеливо смотрел на нее, не находя, что ответить.

– Что ты будешь на завтрак? – спросила старушка. – Впрочем, без разницы, потому что это будет овсянка.

Потом мисс Флитворт задумывалась: кашу он, должно быть, съел. Ведь миска была пустая. Почему же я не помню этого?

А потом вот это с косой. Билл глядел на косу так, будто видел ее впервые в жизни. Мисс Флитворт указала на пятку косы и на рукоятки. Билл вежливо посмотрел на них.

– ВЫ ЕЕ ТОЧИТЕ, МИСС ФЛИТВОРТ?

– Она наточена, будь спокоен.

– ЯСНО. КАК Я МОГУ СДЕЛАТЬ ЕЕ ОСТРЕЕ?

– Да никак. Она уже наточена, куда ж острее-то?

Билл взмахнул косой и озабоченно цокнул зубом.

Да и с сеном вышло как-то странно.

Луговина мисс Флитворт была на горе за фермой, на склоне, спускавшемся к полю. Мисс Флитворт осталась посмотреть на работу Билла.

Такой косьбы она еще не видела в жизни. Даже не думала, что такое вообще возможно.

Наконец, она сказала:

– Неплохо. Хватка у тебя есть, и замах хороший.

– СПАСИБО, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Но все-таки, почему одну травинку за раз?

– РАЗВЕ МОЖНО ИНАЧЕ?

– А как же! Раз – и валок, раз – и валок...

– Ни в коем случае. По одной. Каждую в свой срок.

– Да много ли ты так скосишь? – воскликнула мисс Флитворт.

– ВСЕ ДО ЕДИНОЙ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Ой ли!

– МОЖЕТЕ МНЕ ПОВЕРИТЬ.

Мисс Флитворт не стала спорить и вернулась на ферму. Она подошла к кухонному окну и некоторое время наблюдала, как высокий темный силуэт продвигается по склону.

Интересно, чем он занимался прежде, – думала она. Что-то за ним водится. Должно быть, еще один “человек непростой судьбы”. Не иначе, ограбил кого-нибудь, и теперь, как это называется, залег на дно.

А Билл уже скошил целую полосу. По одной травинке за раз, но каким-то образом он управлялся быстрее, чем простой косец, который косил бы валками.

Единственной литературой в доме мисс Флитворт был “Календарь Земледельца с приложением Каталога съмянъ”, да и тот мог круглый год пролежать в нужнике, если никто не болел. Помимо важных сведений о фазах луны и сроках сева, этот календарь с мрачной настойчивостью порывался повествовать о всевозможных войнах, злодейских преступлениях и природных бедствиях, обрушивавшихся на род человеческий, в таких, например, строках: “Юня 15-е, годъ Находчиваго Дурностая: съго Дня 150 Лѣтъ назадъ въ Щѣботане Человѣкъ погибъ, заваленный Градомъ изъ Жаркаго” или “14 Обывателей пало отъ руки Чюма, прозваннаго за свою Свирѣпость Сельдемѣтомъ”.

Общим во всех этих происшествиях было то, что произошли они давным-давно, очень далеко и, вероятнее всего, по воле божественного провидения. В повседневной жизни этих мест из событий случалось разве что курокрадство, да, может, забредал ещё изредка тролльшатун. Конечно, где-то в горах обитали разбойники, но местных они не обижали и вообще играли важную роль в экономике региона. Но все равно мисс Флитворт подумала, что чувствовала бы себя гораздо спокойнее, если бы в доме при ней был кто-нибудь еще.

А черный силуэт на склоне уже заходил на вторую полосу. Позади него на жарком солнце подсыхала скошенная трава.

– Я закончил, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Тогда сходи, задай корму свинье. Её зовут Нэнси.

– НЭНСИ... – повторил Билл, прокатив во рту каждый звук, словно разглядывая его со всех сторон.

– В честь моей матушки.

– Пойду задам корму свинье Нэнси, МИСС ФЛИТВОРТ.

Мисс Флитворт показалось, что прошло лишь несколько мгновений.

– Я закончил, МИСС ФЛИТВОРТ.

Мисс Флитворт прищурилась. Затем, медленно и нарочито, она вытерла руки о передник, вышла во двор и направилась к хлеву.

Из корыта с помоями виднелись лишь уши Нэнси.

Мисс Флитворт не сразу нашла, что сказать. Наконец она промолвила:

– Славно. Очень славно. Ты прямо... Работник ты шустрый!

– МИСС ФЛИТВОРТ, ПОЧЕМУ ПЕТУХ НЕ КУКАРЕКАЕТ, КАК СЛЕДУЕТ?

– Сирил-то? Да память у него уже не та. Забавно, не правда ли? А что ж тут поделывать?

Билл Двери нашел в старой мастерской кусок мела, выкопал из рухляди гладкую доску и принялся что-то писать на ней. Затем он прикрепил доску перед дверью курятника и повернул Сирила к ней:

– ПРОЧТИ ВОТ ЭТО, – сказал он ему. – И ЗАУЧИ.

Сирил близоруко уставился на "Ку-ка-ре-ку", выписанное на доске затейливыми готическими буквами. Невеликий его куриный умишко прониклся отчетливым и трезвым пониманием того, что ему необходимо научиться читать, и чем скорее, тем лучше.

Билл Двери сидел на сене и вспоминал сегодняшний день. День выдался весьма насыщенный. Он косил сено, он кормил животных, он починил окно. В амбаре на гвозде он нашел старые штаны на лямках. Они были куда более уместны для Билла Двери, чем плащ, сотканный из непроницаемого мрака, и он переоделся. А мисс Флитворт подарила ему широкополую соломенную шляпу.

А еще он совершил поход в город, лежащий в полумиле отсюда. Этот городишко был, что называется, безлошадным. Если бы кто-нибудь там вдруг разжился лошадью, ее, должно быть, в тот же день бы съели. Развлекались же жители этого городка в основном воровством белья друг у друга с веревок.

Посреди города была площадь, довольно забавная сама по себе. В сущности, это был обнесенный домами перекресток двух дорог, при котором выстроили башню с часами.

Там же был и трактир. Билл зашел в него.

После паузы, в течение которой посетители фокусировали на нем свое внимание, они заговорили с ним с осторожным радушием. .

– А ты, стало быть, новый работник мисс Флитворт, – уточнил трактирщик. – Мистер Двери, если не ошибаюсь?

В проспиртованной среде новости распространяются с большей скоростью, чем в обычной

– ЗОВИТЕ МЕНЯ ПРОСТО БИЛЛ.

– Вон как. Неплохая ферма была там когда-то. Мы, честно говоря, не думали, что старушка останется там.

– Ага, – подтвердили два пожилых джентльмена у камина.

– Ага.

– А вы здесь впервые? – спросил тогда трактирщик.

Внезапно повисшая тишина была похожа на черную дыру.

– Отнюдь.

– Так значит, бывали уже у нас?

– НАВЕДЫВАЛСЯ.

– А говорят, старуха Флитворт тронутая, – сказал один из тех молодых людей, что сидели на лавке вдоль закопченной стены.

– Да только умом она остра, как ножик, заруби себе на носу! – прибавил горбатый по-

сетитель сильно под мухой.

– Это да, уж что остра, то остра. Но все-таки тронутая.

– А еще говорят, у нее в доме – сундуки, полные сокровищ!

– Деньгам она счет знает, это я уж точно вам говорю.

– То-то, что знает! Кому и знать, как не богачам?

– Пусть так, пусть так. И остра, и богата, а все равно – тронутая!

– Да не бывает тронутых богачей. Это бедняк бывает с придурью. А богач бывает – с причудами.

Молчание то и дело повисало над головами. Билл отчаянно выдумывал, что бы такого сказать. Светская беседа никогда ему не давалась. Не хватало практики.

Что же люди делают в таких случаях?.. Ага! Вот оно!

– ВСЕМ ПО КРУЖКЕ ЗА МОЙ СЧЕТ! – объявил он.

Позже его научили играть в игру на столе с дырками по краям, затянутыми сеткой, шарами, тщательно выточенными из дерева: шары должны были отскакивать друг от друга и попадать в дырки. Это называлось "миллиард". В эту игру Билл играл неплохо. В сущности, он играл абсолютно хорошо. Поначалу он не знал, как с этим совладать, но услышав несколько сдавленных возгласов, поправился и принялся промахиваться с безукоризненной точностью. К тому времени, как его принялись учить метать дротики, он уже вполне освоил этот прием. Чем больше промахов он совершал, тем лучше к нему относились. Поэтому он метал маленькие оперенные дротики с холодным расчетом, не позволяя им воткнуться ближе, чем на локоть от мишеней, которые ему указывали. Один из его дротиков даже срикошетило от шляпки гвоздя и медной лампы в чье-то пиво, и одного из пожилых джентльменов это развеселило так, что потребовалось вывести его на свежий воздух.

Его стали звать Старина Билл.

Так его еще никто никогда не называл.

Вот так вечерок.

Впрочем, без накладок не обошлось. Вдруг Билл услышал тоненький голосок:

– А этот дядя – сикилет! – и, обернувшись, увидел маленькую девочку в ночной рубашке, которая выглядывала из-за стойки бара и смотрела на него без испуга, но со смесью ужаса и восторга.

Трактирщик, носивший, как Билл теперь знал, фамилию Лифтон, виновато улыбнулся:

– Вообразит же себе такое, – сказал он. – Ох уж эти дети. Сэл, быстро в постель! И извинись перед мистером Двери.

– Но он же сикилет в станах, – не унималось дитя. – А тогда куда девается пиво?

Билл едва не запаниковал. Похоже, его способности начинали ему изменять. Обычно люди не видели его: он находится в слепом пятне их восприятия, в мертвой зоне, в которую люди мысленно помещают то, с чем они предпочли бы не встретиться. Но обычная неспособность взрослых видеть его явно не справлялась с этими настойчивыми утверждениями: Билл чувствовал, как вокруг него поднимается волна недоумения. Тут, на счастье, по-

явилась мать девочки и унесла ее. Удаляющиеся по лестнице возгласы "...сикилет, одни костотьки!.." смолкли на втором этаже.

И все это время старинные часы над камином тикали, тикали и тикали, отрезая от его жизни секунду за секундой. А еще так недавно их было так много...

В дверь сарая, прямо под сеновалом, постучали. Затем дверь со скрипом открылась.

– Ты там в надлежащем виде, Билл Двери? – спросил голос мисс Флитворт в полумраке.

Билл Двери проанализировал это высказывание в поисках смысла в различных возможных контекстах.

– Да, МИСС ФЛИТВОРТ, – решился наконец он.

– Я принесла парного молока.

– МОЛОКА?

– Спускайся давай. Стынет.

Билл Двери аккуратно спустился по приставной лестнице.

Мисс Флитворт в накинутой на плечи шали держала в руке лампу.

– Я посыпала сверху корицей. Мой Ральф любил корицу.

Мисс Флитворт вздохнула.

Билл Двери различал интонации и подтексты, как космонавт циклоны и антициклоны в атмосфере под ним: все они лежали перед ним, прямо на виду, такие явственные, отчетливые и не имеющие к нему совершенно никакого отношения.

– СПАСИБО, – сказал он.

Мисс Флитворт поглядела по сторонам.

– Ты славно тут устроился, – сказала она с подъемом.

– СЛАВ-НО.

Мисс Флитворт поддернула шаль.

– Ну, так я пойду в дом, – сказала она. – Кружку занесешь утром.

И засемила в темноту.

Билл Двери отнес кружку на сеновал. Он поставил ее на притолоку и долго смотрел на нее, когда уже остыло молоко и догорела свеча.

Затем он услышал навязчивый шелест. Он вынул золотые песочные часы, отнес их на другой конец сеновала и запихнул под копну сена.

Смотреть на них было совершенно ни к чему.

Вертрам Пум изо всех сил таращился на номера домов – пожалуй, целая сотня счетных сосен полегла ради одной этой улицы – и вдруг понял, что это ему не нужно. Близоруко таращился он лишь по привычке. Зрение его стало исключительно острым.

Номер 668 нашелся не сразу: он помещался на втором этаже над портняжной мастерской. Вход был со двора, упирившегося в деревянную дверь. Поверх облупившейся краски кто-то приколот листок, на котором веселыми буквами было написано:

Вам сюда!

Клуб "Начни Сначала"

Скончался - не значит кончился!

Сразу за дверью начиналась лестница, на которой пахло старой краской и дохлыми мухами. Ступени скрипели громче, чем вертрамовы колени.

На стенах красовались рисунки и надписи. Высказывания выглядели оригинально, но общий тон был уже знаком: "Кто стал ничем, тот будет всем!", "Привидения всех стран! Вам нечего терять, кроме своих цепей!", "Вы жертвою пали" и "Смерть витализму!"

На верхнюю площадку лестницы выходила одна-единственная дверь. Во время оно кто-то повесил над ней масляную лампу, но выглядела она так, будто ее не зажигали тысячу лет, не меньше. Древний паук, питавшийся, по всей вероятности, остатками масла, внимательно наблюдал за Вертрамом из своей берлоги.

Вертрам еще раз поглядел на карточку, по привычке набрал в грудь воздуха и постучал.

Архканцлер возвращался в колледж, шагая широко и яростно, а остальные волшебники отчаянно поспешали за ним.

– Кого позвать, кого позвать... Кого, в самом деле? Мы тут волшебники! Других нет!

– Да, но мы вроде бы тоже не знаем, что происходит, – заметил декан.

– Ну, так мы это выясним! – проревел Навернулли. – Я не знаю, кого позовет он, но я отлично знаю, кого вызову я!

Архканцлер резко остановился, и следовавшие за ним волшебники наскочили на него.

– О, нет, – воскликнул декан. – Только не это!

– А что такого? – возразил Навернулли. – Ничего особенного. Я как раз вчера вечером об этом читал. Нужно всего три деревяшки и...

– Четыре чайных ложки мышинной крови, – продолжил капитан знатоков мрачно. – На самом деле, и это не нужно. Можно взять две деревяшки и яйцо. Только яйцо должно быть свежим.

– Чем это лучше?

– Наверно, мышам этот вариант нравится больше.

– Нет, я имею в виду яйцо.

– Ах, яйцо... Кто может знать, что нравится яйцу?

– Как бы там ни было, – не сдавался декан, – это опасно. Я всегда был уверен, что он остается внутри октограммы только для порядку. Терпеть не могу, когда он смотрит на тебя

этак вот и будто считает про себя.

– Знаете, я согласен, – поддержал капитан знатоков. – Не нужно этого. Мы почти со всем справляемся сами. Драконы, там, чудовища. Крысы вот. Помните крыс в прошлом году? Кишели повсюду. Лорд Ветинари не стал нас слушать – нет, зачем же? Заплатил тысячу золотых тому проходимцу в красно-желтом трико.

– Однако, у него получилось, – заметил профессор новейших древностей.

– Ясно, что получилось! – воскликнул декан. – И в Щеботане у него получилось, и в Столяте получилось. Получилось бы и в Псевдополисе, если бы его вдруг не узнал один тип в толпе. Мистер Изумительный Мориц и его Ученые Грызуны! Как вам это нравится?

– Не надо уводить разговор в сторону, – отрезал Навернулли. – Мы устроим Обряд АшКенте. Все согласны?

– И вызовем Смерть, – сказал декан. – Замечательно.

– Вы это так говорите, будто это что-то плохое. Ну, Смерть, и что? – спросил Навернулли. – Настоящий профессионал. Мастер своего дела. Честный, прямой. Прост в обращении. Он наверняка знает, что происходит.

– Замечательно, – только и повторил декан.

Тут они подошли к воротам. Миссис Кекс шагнула вперед и встала на пути архканцлера.

Навернулли изумленно поднял бровь.

Архканцлер был не из тех людей, которым доставляет удовольствие бесцеремонное и грубое обращение с женщинами. Бесцеремонно и грубо он обращался со всеми, не делая предпочтений какому-либо полу. Если бы нижеследующий диалог состоялся не между тем, кто слышал слова своего собеседника за несколько секунд до того, как тот их произнесет, и тем, кто не слушал своего собеседника вообще, все могло бы выйти совсем по-другому. Но, может быть, и нет.

Миссис Кекс начала с ответа:

– Я вам никакая не голубушка! – отрезала она.

– Голубушка, вы, собственно, кто такая? – спросил архканцлер.

– Что это за манера обращаться к даме! – вспыхнула миссис Кекс.

– Я не имел в виду ничего плохого, – возразил Навернулли.

– А я это делаю? Тьфу, пропасть! – воскликнула миссис Кекс.

– Сударыня, а почему вы отвечаете мне прежде, чем я спрошу?

– Что значит “что это значит”?

– Что это значит?

– Что это значит?

Беседа зашла в тупик. Миссис Кекс и архканцлер смотрели друг на друга молча. Тут миссис Кекс поняла:

– А! Я ж предусмотряю! – Она засунула в ухо палец и повернула его там с отчетливо слышным скрипом. – Ну, вот, теперь порядок. Короче, дело в том, что...

Но Навернулли уже отвернулся:

– Казначей, – приказал он, – дайте этой почтенной старушке пенни и отправьте ее во-свояси, будьте так добры.

– Что-о? – спросила взбешенная миссис Кекс.

– Идут и идут в последнее время, одна за другой, – посетовал Навернулли декану, когда они тронулись дальше.

– Это все стресс от жизни в большом городе, – заметил капитан знатоков. – Я где-то читал. Многие не выдерживают.

Они зашли в дверцу одной из створок больших ворот, и декан захлопнул ее перед носом миссис Кекс.

– А может, он и не придет, – предположил капитан знатоков, пока волшебники пересекали четырехугольник двора. – На проводы бедолаги Пума он так и не явился.

– На Обряд он явится, как миленький, – ответил Навернулли. – Это тебе не простое приглашение. Это прямо повестка с распиской на корешке.

– Это хорошо, – обрадовался казначей. – На корешке – это вкусно и полезно. А еще на почках. Или перцовая...

– Казначей, прекратите!

Где-то в Потемках, самом кишашем маленькими темными улочками районе самого кишашего маленькими темными улочками города, есть одна маленькая темная улочка.

Что-то небольшое и блестящее вкатилось в эту улочку и исчезло в темноте.

Спустя некоторое время послышалось приглушенное звяканье металла.

В кабинете архканцлера было очень холодно.

Казначей нарушил молчание:

– Может быть, он занят?

– Тихо! – шикнули волшебники хором.

Происходило что-то странное. Пол внутри начертанной мелом магической октограммы стал белым от инея.

– Раньше с ней такого не случалось, – заметил капитан знатоков.

– Вообще это все неправильно! – воскликнул декан. – Нужно, чтобы были свечи, какие-нибудь котлы, чтобы что-то булькало в ретортах, какой-нибудь сверкающий порошок, цветной дым – все вот это.

– Для Обряда это все не нужно, – отрезал Навернулли.

– Для обряда, может, и не нужно, а для меня нужно, – не сдавался декан. – Заниматься магией без правильных аксессуаров – это все равно, что... все равно, что купаться нагишом!

– Я, кстати, так и делаю, – сказал Навернулли.

– Да? Что ж, каждому свое, спору нет. Но некоторым из нас хотелось бы думать, что

мы все-таки держим марку.

– Может, он в отпуске? – предположил казначей.

– Разумеется, – хмыкнул декан. – Где-нибудь на пляже. Шезлонг, соломенная шляпа и коктейль с бумажным зонтиком на зубочистке.

– Тихо вы! – прошипел капитан знатоков. – Смотрите! Кто-то является.

Над октограммой проявились контуры фигуры в халате с капюшоном. Они непрерывно колебались, словно видимые сквозь перегретый воздух.

– Он! – прошептал декан.

– Нет, это не он, – возразил так же шепотом профессор новейших древностей. – Это просто серый халат, а внутри ничего нет.

Фигура сформировалась.

Фигура медленно повернулась. Халат облекал что-то, предполагая внутри тело, но в то же время производил впечатление совершенного пустого, словно был сосудом для чего-то, что не имело своей собственной формы. Под капюшоном не было ничего.

Пустота оглядела волшебников и обратилась к архканцлеру.

Было сказано, Кто вы?

Навернулли сглотнул:

– Э-э... Хваттам Навернулли. Архканцлер.

Капюшон кивнул.

Декан засунул в ухо палец и повертел им. Халат не говорил. Звуков не было. Возникло лишь воспоминание о том, что не было только что сказано, и никакого понятия о том, как оно это произошло.

Капюшон спросил, Вы верховное существо этого мира?

Навернулли растерянно посмотрел на остальных волшебников. Декан выпучил глаза.

– Ну... в некотором смысле.... Пожалуй, да. Первый среди равных, понятное дело... Да, определено, да.

Ему было сказано, У нас для вас хорошие новости.

– Хорошие новости? Хорошие новости... – Навернулли поежился под невидимым взглядом. – Это хорошо. Это хорошие новости.

Ему было сказано, Смерть упраздняется.

– Простите?

Ему было сказано, Смерть упраздняется.

– Ого! Вот так новости, – промолвил Навернулли. – А... Каким, собственно, образом?

Ему было сказано, Мы приносим извинения за недочеты в обслуживании в последнее время.

– Недочеты? – переспросил архканцлер, теперь окончательно сбитый с толку. – Что-то я не замечал по его части никаких недо... То есть, случилось ему заработать, но большую часть времени мы даже не...

Ему было сказано, Были допущены систематические нарушения.

– Вот как? Да, в таком деле нарушений допускать нельзя.

Ему было сказано, Процесс вышел из-под контроля.

– В таком случае... я полагаю... мы, должно быть... нет, правда?

Ему было сказано, Но эта проблема теперь решена. Радуйтесь. На этом все. По окончании краткого переходного периода будет утверждена подходящая кандидатура, и восстановлен нормальный порядок. В настоящее время мы извиняемся за неизбежные неудобства, вызванные временной избыточностью жизни.

Силуэт задрожал и начал таять.

Архканцлер протянул руки:

– Погодите! – закричал он. – Вас никто не отпускал! Повелеваю остаться! Какое еще обслуживание? Что все это значит? Кто вы такой вообще?

Халат повернулся к нему и сказал, Мы – ничто.

– Это как понимать? Как вас зовут?

Нас не зовут.

Видение исчезло.

Волшебники молчали. Иней в октограмме быстро таял.

– Опаньки, – промолвил казначей.

– Краткий переходный период... – задумчиво пробормотал декан. – Вот оно, значит, что...

Пол кабинета вздрогнул.

– Опаньки! – промолвил казначей еще раз.

– Это не объясняет того, что все начало жить своей жизнью! – сказал капитан знатоков.

– Погодите, погодите-ка, – перебил Навернулли. – Если человек дошел до конца своей жизни, покинул свое тело и все такое, но Смерть его не забирает...

– То он остается ждать, – ответил декан.

– Деваться-то ему некуда.

– Значит, все они где-то там собираются...

– И не только люди, – добавил капитан знатоков. – Так должно быть со всеми. Со всем, что умирает.

– Мир переполняется жизненной силой, – продолжил Навернулли. Все волшебники, как один, думали вслух, вместе быстро продвигаясь по цепочке умозаключений к пока еще далекому, но уже ужасному выводу.

– Болтаются без дела, а уйти не могут... – сказал профессор новейших древностей.

– Призраки...

– Полтергейсты...

– Так вот оно что...

– Но погодите-ка, – воскликнул казначей, ухитрившись ухватить нить размышлений.

– Нам-то что? Нам же незачем бояться мертвецов, верно? Это же, в конце концов, всего лишь люди, которые умерли. Нормальные люди, такие же, как мы.

Волшебники задумались. Волшебники поглядели друг на друга. Волшебники завопили от ужаса хором.

Про “подходящую кандидатуру” не вспомнил никто из них.

Вера – это одна из самых мощных жизненных сил во Вселенной. Может быть, вера не сдвигает горы. Но она может создать того, кто их сдвинет.

Люди неверно понимают веру. В их представлениях она действует задом наперед. Люди считают, что сначала появляется нечто, а потом вера в него. На самом деле, это происходит в обратном порядке.

Веры толкуются и кружатся в небе, как куски глины на колесе гончара. Так возникают, к примеру, боги. Этих уж несомненно создали их собственные верующие, потому что даже беглый взгляд на биографии большинства богов заставляет усомниться в их небесном происхождении. Они ведут себя в точности, как вели бы себя люди, дай им только волю – особенно по части нимф, золотого дождя и сокрушения неверных.

Вера порождает и другое.

Вера породила Смерть. Не смерть вообще как название состояния, вызванного продолжительной депривацией жизни, а Смерть как сущность. Он появился и развивался вместе с жизнью. Там, где у живого существа возникает хотя бы смутное представление о превращении в неживое существо, – там возникает Смерть. Он стал Смертью задолго до того, как люди начали думать о нем. Люди лишь наделили косой и форменным плащом с капюшоном то, что уже существовало миллионы лет.

Теперь же его не стало.

Но веру нельзя остановить. Вера продолжает верить. А раз средоточие этой веры исчезло, у нее начали возникать новые средоточия. Пока еще скромные, не столь мощные. Отдельные смерти для каждого вида, более не единые, а разъединенные.

В ручье, сверкая черной чешуей, скользит Смерть Поденок. В лесу раздается топор невидимого дровосека – Смерти Деревьев. По пустыне ковыляет невесть куда черный пустой панцирь – над самым песком на невидимых лапах шествует, собирая свою жатву, Смерть Черепаш.

И со Смертью Людей еще не было покончено.

Люди умеют верить в довольно сложные штуки.

Есть большая разница между ширпотребом и индпошивом.

Звяканье металла из темного переуллка прекратилось.

Воцарилась тишина. Это была особая чуткая тишина, в которой кто-то изо всех сил старается не шуметь.

Наконец из переулка послышалось удаляющееся неверное полязгивание колесиков.

– Эй, товарищ, больше жизни! Поспевай, не задерживай, шагай!

Вертрам Пум вздрогнул и всмотрелся в полумрак.

Когда глаза привыкли к темноте, он разглядел стоящие полукругом в пустой и довольно пыльной комнате стулья. И все эти были стулья заняты. Посередине, в фокусе полукруга, стояла конторка, за которой сидел некто.

Все, находившиеся в комнате, поднялись и двинулись к Вертраму, протягивая к нему руки и растягивая губы в широкую дружескую улыбку.

– Подожди, не говори, дай я угадаю, – сказали они. – Ведь ты зомби, товарищ?

Вертрам Пум никогда еще не видел такого землистого цвета лиц. Или лиц, носивших одежду такую, будто ее стирали с пригоршней бритв, и пахла, как если бы ее хозяин в ней скончался, да в ней же и остался. Или лиц, гордо нацепивших на грудь Серый Бант.

– Ну, строго говоря... Я до конца не уверен. Судя по всему, наверно, вы правы... Понимаете, меня похоронили, и в гробу оказалась вот эта карточка... – Он протянул ее перед собой, словно защищаясь ею.

– Разумеется! – воскликнул некто. – Разумеется, оказалась! Еще бы она там не оказалась!

Сейчас он протянет мне руку, – подумал Вертрам, – и после рукопожатия у меня окажется больше пальцев, чем было до. Вот беда-то... Неужели я тоже стану таким?

– И в целом... строго говоря, я умер, – пробормотал Вертрам.

– И вы не согласны на такую жизнь? – спросил тот, что был с прозеленью. Вертрам очень осторожно пожал ему руку.

– Можно и так сказать...

– Башмачкинс. Меня зовут Редж Башмачкинс.

– Пум. Вертрам Пум, – представился Вертрам. – Я, вы знаете...

– А как же! Как же не знать! – подхватил Редж Башмачкинс с горячностью. – Стоит тебе скончаться – и для общества ты словно умер. С тобой обращаются так, будто ты подцепил какую-то опасную заразу. А ведь это с каждым может случиться. С каждым! Разве нет?

– С каждым, надо думать, – согласился Вертрам.

– Но всякий раз – одно и то же! Стоит людям узнать, что ты мертвый, и они шарахаются от тебя, как от привидения!

Башмачкинс все более распалялся, и Вертрам обнаруживал, что общение с мистером Башмачкинсом весьма похоже на общение с архканцлером. Там тебя тоже никто не слушал, и поэтому не имело никакого значения, что ты скажешь. Только Хваттам Навернулли не слушал, потому что ему не было дела до собеседника, а Редж Башмачкинс разговаривал с собеседником в своей собственной голове.

– Как вы правы, – сдался Вертрам.

– А мы уже собирались расходиться, – добавил Башмачкинс. – Позвольте представить вас. Товарищи, это... – тут он запнулся.

– Пум. Вертрам Пум.

– Это товарищ Вертрам, – воскликнул Башмачкинс. – Поприветствуем его по-нашему!

Раздался нестройный хор вялых возгласов “ура”. Крупный и весьма заросший молодой человек в дальнем углу встретился с Вертрамом взглядом и понимающе воздел свои желтые глаза к потолку.

– Это наш товарищ Артур Мигль...

– Краф фон Бурдалак, – вставил женский голос.

– ... и товарищ Дорина... графиня, графиня фон Бурдалак.

– Отшень приятно, – добавил немелодичный женский голос, и приземистая полная женщина, сидевшая подле приземистого полного графа, протянула руку в замшевой перчатке. Сам граф нервно кивнул Вертраму. Он был одет в оперный фрак на несколько размеров больше, чем нужно.

– Это наш товарищ Шлеппель.

В кресле никого не было, но из сумрака под ним раздалось хриплое “Вечер добрый!”

– Это товарищ Волцек.

Жилистый и очень волосатый молодой человек с торчащими изо рта клыками и заостренными ушами схватил руку Вертрама и потряс ее.

– Наш товарищ Друль. Товарищ Горпер. Товарищ Иксолит.

Вертрам пожимал разнообразные вариации на тему рук. Товарищ Иксолит протянул ему листок желтоватой бумаги. На нем было написано: “Аааауууоооыы”.

– К сожалению, сегодня нас здесь немного, – извинился Башмачкинс. – Я делаю все, что могу, но обыватели и мещане – они ведь пошевелиться не готовы ради общего дела.

– Мертвые обыватели? – уточнил Вертрам, все еще глядя растерянно на карточку.

– Оппортунисты – вот как я это называю, – ответил Башмачкинс. – Если каждый будет лежать себе и ждать второго пришествия – что это будет за движение, я вас спрашиваю?

Волцек из-за спины Башмачкинса подавал истерические знаки “не заводите его!”, но Вертрам не успел остановиться.

– Что это будет за движение? – повторил он.

– Что за движение? Да наше же движение! Движение за Права Покойных! – провозгласил Башмачкинс. – Я выдам вам брошюру с манифестом.

– А какие же у покойника права? – изумился Вертрам.

Краем глаза он заметил, как Волцек закрыл лицо руками.

– Сейчас начнется, уж будьте покойны, – проговорил он тихо, но Башмачкинс услышал. Под укоризненным взглядом Башмачкинса на лице Волцека не дрогнул ни один мускул.

– Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто господствует, – горько вздохнул Редж. – Всю дорогу одно и то же. Все силы, всю жизнь им отдаешь, костями за них ложишься, а толку – никакого. Вот вам, например, известно, что любой может болтать про вас все, что ему заблагорассудится, и даже посягать на ваше имущество – и все потому лишь, что вы,

изволите ли видеть, мертвы? А эти обыватели...

– Я как-то всегда считал, что умершие, они... как бы это сказать... ну, умерли, и всё...
– промямлил Вертрам.

– Безволие и косность, – отрезал Башмачкинс. – Социальная пассивность. Оппортунизм! Пальцем пошевелить не желают.

Вертрам еще не видел человека настолько удрученного несправедливостью мира. Редж Башмачкинс, казалось, стал ниже ростом на несколько дюймов.

– Как тафно ви есть нешить, Вьертрам? – спросила Дорина с несколько преувеличенной живостью в голосе.

– Да вы знаете, всего ничего, – отвечал Вертрам, обрадованный сменой темы. – Должен вам признаться, все это для меня очень неожиданно. Я совсем не так себе это представлял.

– Привыкнете, – мрачно хмыкнул Артур Мигль. – Это такая штука, что тут и делать ничего не надо. Это как упасть с крыши. Само пойдет. Мы тут все в каком-то смысле нежить.

Волцек деликатно кашлянул.

– Ну, кроме Волцека, – поправился Артур.

– Видите ли, я здесь скорее почетный член. За особые заслуги, – пояснил Волцек.

– Оборотень он, – помог Артур.

– А я так и подумал, что он оборотень! – кивнул Вертрам. – Сразу, как только увидел.

– Каждое полнолуние, как из пушки, – вздохнул Волцек.

– Шерсть отрастает? На луну воете? – вежливо поинтересовался Вертрам.

Все с сочувствием закачали головами.

– Да, в общем нет, – ответил Волцек. – Больше молчу. И шерсть выпадает. Временно. Такая неприятность.

– А я, признаться, считал, что обычный оборотень в полнолуние как раз...

– Проблем есть ф том, – встряла Дорина, – что герр Волцек подходит к этот фопрос с трукой стороны.

– Собственно, на самом деле я волк, – сказал Волцек. – Нет, правда. Каждое полнолуние я оборачиваюсь человеком. А все остальное время я волк.

– Ничего себе, – посочувствовал Вертрам. – Это, должно быть, ужасно.

– Самая беда – это штаны, – промолвил Волцек.

– Что, простите?

– Ну, представьте себе. Оборотно-человеку хорошо – он может просто остаться в одежде. Штаны, может быть, малость истреплются, испачкаются, но, по крайней мере, останутся при нем. Что касается меня, то стоит мне увидеть полную луну, как в ту же минуту я хожу на двух ногах и разговариваю – и немедленно попадаю в весьма пикантное положение по причине острой недостаточности туалета в области этих самых ног. Мне приходится где-то прятать запасные брюки на всякий случай. Мистер Башмачкинс...

– О, зовите меня просто Редж.

– ...держит для меня пару у себя на работе.

– Работаю я в морге, на улице Вязов, – сообщил Башмачкинс. – И горжусь этим. Нельзя упускать возможность помочь товарищу...

– Прошу прощения? – моргнул Вертрам. – Помочь? В морге?

– Это я раскладываю вам эти карточки, – выпрямился мистер Башмачкинс. – На всякий случай.

– И часто помогает? – спросил Вертрам. Он оглядел зал. Зал, подумалось ему, довольно вместительный, а находилось в нем лишь восемь персон – девять, если считать голос из-под кресла, который, надо думать, тоже принадлежал персоне.

Артур с Дориной переглянулись, и Дорина заметила:

– Артуру это отшень биль помогайт!

– Прошу меня извинить, – обратился к ним Вертрам, – но я не мог не обратить внимания на некоторые детали, и невольно задаюсь вопросом... Скажите пожалуйста, вы случайно не вампиры?

– Да уж не без того, – мрачно ответил Артур. – Вампиры, будь оно неладно.

– Артур, майн либер, ты не тольшен так коворийт! – прошипела графиня. – Ты тольшен кортиться свой фисокий рот!

– “Фисокий рот”? Да тьфу на это на все! – Артур сплюнул.

– Несчастный случай? Через летучую мышшь? – спросил Вертрам поскорее, не желая становиться причиной семейной сцены.

– Какое там! – ответил Артур. – Через нотариуса. Приходит это раз ко мне письмо. С вот такой печатью, сургуч, кисти, все чин по чину. Дескать, ваш пра-правнучатый дядя преставимшись, дескать, примите наши искренние, вы единственный наследник, и все такое. И только что был я Артур Мигль, имел неплохое дело по оптовой торговле зеленью и фруктами, как вдруг бах – и я граф Артур фон Бурдалак, повелитель двадцати десятин скал, с которых и коза свалится, и владелец замка, из которого тараканы, и те убежали, а на руках у меня приглашение от бургомистра заглянуть на огонек и потолковать о задолженности по коммунальным платежам за триста лет. Плюс пени!

– Ненавижу юристов, – произнес голос из-под кресла. Звучал он гулко и зловеще. Вертрам незаметно подобрал под себя ноги.

– Это есть прекрасный самок! – воскликнула Дорина.

– Да груда замшелых булыжников – вот и весь замок!

– Там фолшебни панорам!

– Вот это точно! А должны были быть стены! Короче! – решительно остановил Артур развитие беседы в этом направлении. – Знать бы все это заранее – можно было бы туда и не таскаться. А так – четыре рабочих дня потерял, да еще в самый сезон. Ну, я что, выбрасываю эту дурь из головы, разворачиваю оглобли и гоню назад. Как вдруг – бах! Я в ящике. Темно, тесно. Еле нащупал спички. Зажигаю одну – и прямо перед носом вижу карточку. А на ней...

– “Уж если умирать – то лишь в борьбе за это!” – отчеканил Башмачкинс. – Одна из моих первых.

– Что я тольшен былъ поделайт? – поджала губы Дорина. – Ты лежалъ без тфишения трое суток!

Артур не обратил на эту реплику внимания:

– Можете себе представить, как перекосило священника...

– Вот-вот! – встрял Башмачкинс. – Жрецы, попы, муллы и раввины всех мастей! Поют нам сладкие песни про загробную жизнь, но попробуй только займись этим сам – увидишь, как они обрадуются!

– Священников ненавижу тоже, – прозвучал голос из-под кресла. Вертрам не понял, слышит ли его кто-нибудь, кроме него.

– Никогда не забуду, как отец Перегарий на меня смотрел, – с грустью продолжал Артур. – А ведь я уважаемым человеком был в храме. Тридцать лет туда ходил. Теперь стоит только подумать об этом, как у меня пятки чесаться начинают.

– Да он и сам-то хорош! – вступилась Дорина. – Ты бы слышал, что он заорал, когда ты поднял крышку – а еще преподобный отец! Им таких слов и знать-то не положено.

– Любил я этот храм, – вздохнул Артур. – Тридцать лет, ни одного четверга не пропустил... А теперь...

Тут только Вертрам Пум осознал, что Дорина необъяснимым образом вдруг овладела звонкими согласными.

– А вы, миссис Миг... прошу прощения, графиня? Вы тоже вампир? – вежливо поинтересовался он.

Графиня тонко улыбнулась:

– Абер натюрлих! Песуслофно!

– Вампир, вампир. По мужу, – уточнил Артур.

– Такое бывает? – удивился Вертрам. – Я всегда думал, что вампир должен укусить...

Под креслом кто-то хрюкнул.

– Да с какой стати мне кусать свою жену? Мы тридцать лет в законном браке, – сказал граф.

– Шена тольшен разделяйт интерессен своего мужа, – поддержала его Дорина. – Это есть секрет ауф интерессен прак.

– Да что это за чушь еще такая – интересный брак? – взорвался Артур. – Вот что за народ нынче пошел, а? Мало им, что брак – интерес им подавай. И кстати – где тут мой интерес? Где мой интерес, вот я вас спрашиваю? Днем на улицу не выйди, чесноку не тронь, побриться по-человечески думать не могли...

– Вам нельзя бри... – недоуменно начал было Вертрам.

– Зеркало же! – объяснил Артур. – Я думал, хоть превращаться в летучую мышь, ну хоть что-то. Но вы бы знали, какие сволочи здешние совы! А главное, вот это самое... ну, вы понимаете... насчет крови. Так это вообще... – Артур не смог продолжить.

– Артур отшень трутно схотиц с лютьми, – кивнула Дорина.

– Но всего ужаснее – это напяливать вот этот дурацкий костюм, – пожаловался Артур. Покосившись на Дорину, он добавил, – Я вот уверен, что без этого можно обойтись.

– Найдите, торогой! Это есть крайне фажно – не утаряйт в крясь лицом! – возразила Дорина.

Вдобавок к своему то появляющемуся, то исчезающему тяжелому вампирскому акценту, Дорина решительно дополняла фрак Артура обликом, который она сочла приличествующим женщине-вампи: облегающее черное платье, длинные черные волосы, зачесанные с висков, и обильно наложенные белила. Природа создала ее невысокой и полненькой кучерявой брюнеткой, широкой в кости. Борьбу с природой определенно не удавалось скрыть.

– В гробу, – мрачно заключил Артур. – Лучше бы я остался в гробу.

– Ни в коем случае! – взвился Башмачкинс. – Нельзя плыть по течению! Движению нужны такие, как вы, Артур. Мы должны служить примером! Вспомните наш девиз.

– Какой на этот раз? – устало спросил Волцек.

– Эксгумации – да! Дегуманизации – нет! – воскликнул Редж.

– Вы же сами видите, он за нас, – говорил Волцек Вертраму после заседания. – Он нам всем хочет только добра.

Они с Вертрамом устало брели в сумраке пасмурного рассвета. Бурдалаки отклонялись еще раньше, чтобы не причинять Артуру дополнительных страданий из-за дневного света. Башмачкинс тоже ушел, сказав, что ему еще предстоит выступать на митинге.

– Он ходит на кладбище за храмом Разных Богов и выступает там, – пояснил тогда Волцек. – Говорит, поднимает сознательность масс. Но мне кажется, что у него не очень идет.

– А кто это был под креслом? – спросил Вертрам.

– Шлепсель, – ответил Волцек. – Мы думаем, что он – бабай.

– Разве бабаи – тоже нежить?

– Кто знает? Он об этом ничего не говорит.

– А вы его никогда не видели? Я как-то всегда считал, что бабай прячется где-нибудь в темноте, а потом выходит и уносит людей.

– Да, прячется он все время, это есть. Вот насчет выходить – мне кажется, он этого не любит, – сказал Волцек. – Не в его характере.

Вертрам почесал в затылке. Застенчивый бабай был здесь в хорошей компании.

– Надо же... – промолвил Вертрам, ни к кому не обращаясь.

– Мы вообще-то ходим в клуб только ради Реджа, – отозвался Волцек. – Дорина говорит, если мы все уйдем, это его доконает. Знаете, что самое страшное?

– Даже не догадываюсь, – сказал Вертрам мрачно.

– Иногда Редж приносит гитару. Мы поем песни протеста. “Морпорчанку”¹⁶ и “Интернационал”... «Восстань, заклеименный проклятьем...» Вот это настоящий ужас.

– Он так плохо поет? – спросил Вертрам.

¹⁶ Песня, на том или ином языке известная в любом населенном мире множественной вселенной. Ее всегда поют одни и те же люди – те люди, которым, когда они повзрослеют, эту песню поют их дети.

– Добро бы он только пел! Вы когда-нибудь видели зомби, играющего на гитаре? Потом мы собираем по полу его пальцы, и это такая гадость... – Волцек вздохнул. – Кстати, вот наш товарищ Друль – она гуль. Будет угощать своими пирожками – не берите.

Вертрам припомнил тихую старушку в мешковатом сером платье.

– О, боги, – задохнулся он. – Неужто человечина?

– Да что вы, как можно! Ничего подобного. Просто тухлятина.

– Ах вон что...

– Ну, да. А вот товарищ Иксолит – он, наверное, единственный в мире банши-заика. Поэтому, когда кому-нибудь приходит срок, он не завывает у него на крыше, а вместо этого пишет записку и просовывает под дверь.

Вертрам вспомнил запавшие глаза и скорбно повисшие щеки:

– Он и мне дал записку.

– Мы все стараемся поддерживать его, как можем. – добавил Волцек. – Он такой ранимый.

Тут он выбросил вперед руку и прижал Вертрама к стене:

– Ни звука!

– Что такое?

Уши Волцека дернулись, ноздри раздулись. Жестом велел Вертраму не двигаться с места, выворотень бесшумно поплыл по переулку до угла с другим переулком, еще более узким и нехорошим. Там он на миг замер, а потом метнул волосатую руку за угол.

Раздался вопль. На руке у Волцека отчаянно бился перепуганный человек. Огромные поросшие шерстью мускулы задвигались под прорезами рубашки Волцека, когда тот поднял человека на высоту своих клыков.

– Ты собирався на нас напасть, приятель, не так ли? – поинтересовался Волцек.

– Кто, я? Да ни в жи...

– Я тебя чую насквозь, – добавил Волцек так же спокойно.

– Да никогда...

– Волки так никогда не поступают, – закончил Волцек с грустью в голосе.

Человек вскинулся:

– Да ладно!

– Волки выходят на поединок, клык на клык, коготь на коготь, – ответил Волцек. – Ни один волк никогда не прятался в скалах, чтобы напасть на прохожего мирного барсука.

– Может, я пойду тогда, а?

– А может, тебе глотку вырвать?

Двое смотрели друг другу в глаза, пара черных в пару желтых. Человек прикидывал свои шансы против двухметрового верзилы с такими зубами.

– А может, обойдемся? – спросил он без особой надежды.

– Вот мой приятель – он зомби... – сообщил Волцек, указывая на Вертрама.

– Насчет этого я, на самом деле, полностью не уверен, – поправил Вертрам. – Я всегда считал, что для этого нужно поесть какой-то рыбы и корешков...

– ... а ты ведь знаешь, что зомби делают с такими, как ты?

Человек попытался кивнуть, хотя лапа Волцека сомкнулась у него прямо под подбородком.

– Ага-а-а... – прохрипел он.

– Сейчас он посмотрит на тебя хорошенько, и если он еще раз тебя увидит...

– О, ну что вы, право... – смутился Вертрам.

– ... то он найдет тебя, обязательно найдет. Найдете ведь, правда, Вертрам?

– Что? А, ну да, непременно. Как из пушки, – отозвался Вертрам. – А теперь, любезнейший, покиньте нас, будьте так добры.

– Слушаюсь, – пискнул преступный элемент. В голове его колотилась одна-единственная мысль: “Ну и буркалы! Чисто сверла!”

Волцек разжал руку. Человек шлепнулся на мостовую, бросил еще один перепуганный взгляд на Вертрама и дал стрекача.

– А, кстати, – поинтересовался Вертрам, – что именно зомби делают с такими, как он? Думаю, мне следовало бы это знать.

– Разрывают на части, – пояснил Волцек. – Как тряпку.

– Вот оно что... – промолвил Вертрам.

Дальше они шли в молчании.

Вертрам думал: “Ну почему именно я? В этом городе каждый день умирают, должно быть, сотни людей. Готов поспорить, ни у кого нет этих проблем. Нормальные люди просто закрывают глаза, а открывают их уже в новом перерождении. Или в каком-нибудь раю. Ну, или, может быть, в каком-нибудь аду. Или попадают на пир в чертоги богов – эта перспектива меня как-то никогда не привлекала. Нет, я ничего не имею против богов, но это совершенно не та компания, в которой уважающий себя джентльмен хотел бы отобедать. А вот иенбуддисты считают, что ты просто становишься невероятно богатым. А некоторые религии Хватча обещают, что ты попадешь в прекрасный сад, полный прекрасных девушек, и я совершенно не понимаю, в чем тут выражается нравственный императив... Интересно, можно ли получить хватчистанское гражданство посмертно?..

И тут его взгляд уперся в булыжники мостовой.

Обычно этим поэтическим оборотом хотят намекнуть на то, что герой упал ничком. В нашем случае камни сами поднялись ему навстречу. Они взмыли в воздух, тихо покружились по переулку, как листья, поднятые ветром, а потом дождем осыпались наземь.

Пум оторопело смотрел на них. Волцек был занят тем же.

– Не каждый день такое увидишь, – сказал наконец выборотень. – Лично я в жизни не видел летающих камней.

– Или осыпающихся наземь дождем, – согласился Вертрам.

Он поддел один из булыжников носком туфли. Булыжник, похоже, был вполне доволен той частью, которую ему уготовило земное притяжение.

– Вот вы волшебник...

– Бывший, – поправил Вертрам.

– Вот вы бывший волшебник – как вы думаете, что все это значит?

– На мой взгляд, это похоже на необъяснимое явление природы, – отвечал Вертрам. – Очень много их наблюдается в последнее время. Хотел бы я знать, почему.

Вертрам снова попинал камень носком туфли. Тот не выказывал никакого желания двигаться с места.

– Ну, мне пора, пожалуй, – сказал Волцек.

– Скажите, а каково это – быть выворотнем? – спросил Вертрам.

– Невесело. Очень одиноко.

– Но почему?

– Так трудно быть не таким, как все. Когда я волк – я помню, что я человек. И наоборот. Скажем, когда я... ну, когда я в волчьей шкуре – я убегая в холмы... Зимой, знаете, когда на небе вот такой месяц, и наст хрустит, и вот эти холмы – они бескрайние... И там другие волки, и они, знаете, чувствуют все это, конечно, но они не понимают этого так, как я. Чувствовать и понимать – это ведь не одно и то же. Никто не понимает этого так, как я. Во всем мире никто этого не понимает. Вот что печально. Как подумаешь, что ни одна живая душа на всем белом свете...

Вертрам вдруг осознал, что стоит на краю бездны страдания. Он никогда не знал, что сказать в таких случаях.

Волцек поднял голову:

– Кстати, раз уж разговор зашел об этом. Каково это – быть зомби?

– Да ничего так, – ответил Вертрам. – Жить можно.

Волцек кивнул.

– Ну, до встречи, – сказал он и ушел.

Улицы уже начали заполняться людьми: ночные жители Анк-Морпорка сдавали вахту жителям дневным. И те, и другие сторонились Вертрама: люди всегда инстинктивно стараются держаться подальше от зомби, если могут.

Вертрам вошел в ворота Университета, теперь открытые, и проследовал в свою комнату.

Если придется съезжать отсюда, то понадобятся деньги. Он, должен быть, скопил их немало за эти годы. Интересно, он составил завещание? Последний десяток лет рассудок его начал сдавать. Может быть, Вертрам и составил завещание. Мог ли его рассудок сдать настолько, что Вертрам завещал все свои сбережения самому себе? Это было бы славно. Вертрам не мог припомнить ни одного случая, когда кому-нибудь удавалось переписать свое завещание после...

Из-под половицы в ногах своей кровати Вертрам вынул мешочек с монетами. Он вспомнил, что действительно некогда копил себе на старость.

Там же лежал и его ежедневник. Ежедневник, как помнил Вертрам, покрывал пять лет жизни, так что Вертрам потратил примерно – он произвел нехитрый подсчет – примерно

три пятых своих сбережений. А может быть, и больше, подумал он затем.

На страницах ежедневника, в сущности, не было ничего интересного. В последние годы с Вертрамом не случилось ничего такого, что стоило бы записать в ежедневник – или такого, что вспомнилось бы ему после ужина. Здесь в нем можно было найти лишь фазы луны, даты праздников, и иногда прилипший к странице леденец.

В тайнике под полом нащупалось еще что-то. Вертрам пошарил в пыли и вытащил две гладкие сферы. Он озадаченно поглядел на них. Потряс одну и поглядел на малюсенькие снежинки. Прочитал надпись, обратив внимание, что она больше похожа на изображение надписи, чем на надпись. Затем пошарил еще и вытащил третий предмет – маленькое и погнутое металлическое колесико. Металлическое колесико, и больше ничего. Ага – и еще один стеклянный шарик, этот разбитый.

Вертрам смотрел и ничего не понимал.

Конечно, последние тридцать с лишним лет он бывал, мягко говоря, не вполне в трезвом уме и здравой памяти. Возможно, ему случалось надевать белье поверх одежды и пускать слюни, но чтобы до такой степени? Коллекционировать сувениры? И еще это колесико...

Тут за его спиной кто-то деликатно кашлянул.

Вертрам сбросил таинственные предметы обратно в тайник и обернулся. Комната была пуста, но в щели между открытой дверью и стеной ему почудилась какая-то тень.

– Кто здесь? – спросил Вертрам.

Низкий и хриплый, но вместе с тем крайне смущенный и тихий голос произнес:

– Да я это, мистер Пум.

Вертрам потер виски в тщетной попытке напрячь память.

– Шлеппель? – вспомнил наконец он.

– Он самый.

– Бабай?

– Не без того.

– Прячетесь у меня за дверью?

– Выходит, что так.

– А зачем?

– Да такая, знаете ли, славная дверка...

Вертрам шагнул к двери и захлопнул ее. За дверью не оказалось ничего, кроме старой и местами выкрошившейся штукатурки, но ему показалось, что по комнате пронесся легкий ветерок.

– Так я тогда побуду у вас под кроватью, мистер Пум, – раздался голос Шлеппеля, как и следовало ожидать, из-под кровати. – Вы ведь не против, правда же?

– В сущности, нет. Я не возражаю. Я только хотел спросить: а разве вы не должны прятаться в шкафу? В моем детстве бабай сидел именно там.

– Где сейчас найдешь такой большой и прочный шкаф, мистер Пум?

Вертрам вздохнул сочувственно.

– Ну, будь по-вашему. Все подкроватъе к вашим услугам. Чувствуйте себя, как дома... или как вам больше нравится.

– Если вам все равно, мистер Пум, я бы все-таки лучше вот там, за дверью...

– Да как вам угодно.

– Тогда вы не могли бы на секундочку отвернуться?

Вертрам зажмурился. По комнате снова пронесся ветерок.

– Уже можно, мистер Пум.

Вертрам открыл глаза.

– Ну надо же, – услышал он голос Шлеппеля. – У вас тут даже вешалка для плаща имеется! Все, что надо!

Вертрам глядел, как сами собой отвинчиваются медные шары на изголовье кровати. Здание сотряс глухой удар.

– Шлеппель, что с нами происходит? – спросил он.

– Избыток жизненной силы, мистер Пум, что же еще.

– Ты хочешь сказать, что это ты вот сейчас...

– Да ну, что вы, в самом деле. Ух ты, да тут и замок, и ручка, и накладка медная! Все, как положено!..

– Что значит избыток жизненной силы?

– ... А петли каковы! Ты смотри, с винтовым подъемом! Давно я за такой дверью не...

– А, Шлеппель?

– Да чего же? Жизненная сила, мистер Пум, жизненная сила. Ну, вот та сила, которая во всем живом содержится. Вы же, волшебники, небось, всё про это знаете?

Вертрам Пум открыл было рот, чтобы произнести что-нибудь навроде “Разумеется, знаем”, а после аккуратно разведать, что, собственно, бабай имеет в виду, но вовремя вспомнил, что не обязан больше поступать так. Так он сделал бы непременно, будь он живым, но, несмотря на всю агитацию Реджа Башмачкина, быть мертвым, но гордым оказалось не так уж легко. Профессиональной гордости Вертрам не чувствовал. Некоторую несгибаемость – это может быть, но не гордость.

– Понятия не имею, о чем речь, – признался он. – А почему ее избыток?

– Вот уж не знаю. Не ко времени совершенно. Наоборот, все должно было бы малопомалу сходиться на нет, – ответил Шлеппель.

Пол снова содрогнулся. Затем широкая половица, под которой таилось все небольшое состояние Вертрама, крикнула и принялась выпускать зеленые побеги.

– В каком смысле не ко времени?

– Весной обычно этого добра хоть залейся, – пояснил голос из-за двери. – Одуванчики мои, цветики лесные, весна идет, весне дорогу, и тому подобное.

– Я и понятия не имел ни о чем подобном, – изумленно промолвил Вертрам.

– Вот как? А я думал, вы, волшебники, про всё на свете знаете.

Вертрам глянул на свою остроконечную шляпу. Похороны и последующее путешествие сквозь толщу почвы не пошли ей на пользу, но после более чем сотни лет безупречной службы, она и без того не являлась образчиком “от кутюр”.

– Век живи – век учись, – промолвил Вертрам.

Рассвело. Петух Сирил встряхнулся на своем насесте.

Выписанные белым мелом слова высветились в предрассветном сумраке.

Сирил сосредоточился. Набрал в грудь воздуха.

– Ки-ку-ре-ка-а!

Теперь, когда заучивание текста уже не представляло трудности, оставалось разобраться только с дислексией.

Высоко в альпийских лугах ветер дул крепко, а солнце было близкое и ослепительное. Билл Двери вышагивал по полегшим травам склона вперед и назад, как челнок по зеленой основе.

Знал ли я раньше, что такое ветер и солнечный свет, думал он?

Наверняка, думал он, как же иначе. Но никогда не случалось ему узнать их так, как сейчас – узнать, как ветер мягко толкает тебя, а солнце немилосердно греет. Узнать, как идет и проходит Время.

Как оно уносит тебя с собой.

В дверь сарая тихо постучали.

– КТО ТАМ?

– Открой, Билл Двери.

В полной темноте Билл поднялся и осторожно открыл дверь.

Мисс Флитворт заслоняла ладонью свечу от ветра.

– Э-э... – произнесла она.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Если хочешь, ты можешь зайти в дом. До ночи. Понятное дело, не на ночь. А то ты тут кукуешь один в темноте, а у меня тепло, и вообще...

Билл Двери не разбирался в выражениях лица. В его работе это совершенно не требовалось. Он непонимающе глядел на застывшую просящую улыбку мисс Флитворт, как горилла глядела бы на Розеттскую стеллу, силясь разобрать ее значение.

– БЛАГОДАРИЮ ВАС, – сказал наконец он.

Она повернулась и ушла.

Когда Билл вошел в дом, в кухне ее не было.

Услышав шорох и тихие скребущие звуки, он прошел по узкому коридору в низенькую дверцу. В маленькой комнатке Мисс Флитворт на четвереньках яростно старалась разжечь огонь.

На его вежливый стук в открытую дверь она обернулась и зарделась.

– Ну, хоть не зря спичку потратила, – проговорила она вместо приветствия. – Садись. Я чаю приготовлю.

Билл Двери уселся на один из узких стульев, стоявших напротив очага, и огляделся вокруг.

Комната не выглядела обычной гостиной. Каково бы ни было ее истинное предназначение, оно навряд ли состояло в том, чтобы принимать гостей. Средоточием всего, происходящего на ферме, была кухня – просто часть двора, огороженная и накрытая крышей. Эта же гостиная более всего напоминала... пожалуй, мавзоль, подумал Билл.

Несмотря на популярное заблуждение, Билл Двери не был знатоком погребальных обрядов. Смерть нечасто приходит в могилу – за исключением редких и весьма несчастных случаев. Лесные чащи, глади широких рек, желудки акул, спальни во всем их разнообразии – это сколько угодно. Но могилы – крайне редко. Его работа состоит в том, чтобы отделять зерно души от мякины смертной плоти, а это совершается обыкновенно значительно раньше любых мероприятий по, так сказать, торжественной утилизации останков.

Эта же гостиная выглядела как гробницы тех королей, которые хотели забрать с собой всё.

Билл Двери сидел, сложив руки на коленях, и глядел вокруг себя.

Здесь было очень много безделушек. Заварочные чайники в количестве, недоступном пониманию. Фарфоровые собачки с выпученными глазенками. Причудливых форм десертные блюда. Статуэтки и расписные тарелки с надписями “Из Щеботана с любовью” и “Счастья! Здоровья! Удачи!” Все это красовалось на всех свободных поверхностях в полнейшей демократии – весьма дорогой старинный серебряный канделябр добрососедствовал с ярко раскрашенной глазурью фарфоровой собачкой с косточкой в пасти, имевшей выражение морды виновато-идиотическое.

Стен не было видно за картинами. Картины по большей части были написаны в землистых тонах и изображали мрачный рогатый скот на болотистых пастбищах в промозгом утреннем тумане.

Украшения почти полностью покрывали мебель, но большой художественной потери в этом не было. За исключением двух стульев, стонавших под тяжестью возложенных на них кружевных салфеточек и покрывал, предметы мебелировки, казалось, нужны были лишь затем, чтобы размещать украшения. Повсюду стояли столики на тонких шатких ножках. Пол был сплошь покрыт половичками. Кто-то здесь очень любил шить половички. И надо всем витал, проникая повсюду, этот запах – запах долгих тоскливых вечеров.

На полностью укрытом салфетками буфете стояли две небольшие деревянные коробки, подпирая по бокам одну большую. Должно быть, те самые сундуки с сокровищами, подумал Смерть.

Тут он услышал тиканье.

На стене висели часы. Однажды кому-то в голову пришла светлая идея сделать часы в виде совы. С качанием маятника глаза совы поворачивались то налево, то направо, и это,

должно быть, казалось забавным кому-то, в чьей жизни было не много других забав. Через некоторое время ваши глаза тоже начинали смотреть то направо, то налево, из чистого сочувствия.

Мисс Флитворт вошла с подносом. Начался алхимический ритуал приготовления чая, намазывания кексов маслом, раскладывания печенья, установки щипцов для сахара в вазочке... Наконец она откинулась и, словно бы уже минут двадцать предавалась безделью, тихо промолвила:

– Как мило, не правда ли?

– Мило, мисс Флитворт.

– Не часто мне доводится в последнее время открывать гостиную.

– Должно быть.

– С тех пор, как я потеряла отца.

На мгновение Билл Двери решил, что мисс Флитворт потеряла мистера Флитворта где-то в этой гостиной – возможно, он заблудился в мебели? Потом Билл вспомнил, как причудливо свойственно выражаться некоторым людям.

– Вот как.

– Он любил сидеть вот в этом самом кресле. Читал календарь.

Билл Двери покопался в памяти.

– Такой высокий, – припомнил он, – с усами? На мизинце левой руки не хватает одной фаланги?

Мисс Флитворт внимательно поглядела на него поверх своей чашки.

– Ты его знал? – спросила она.

– Кажется, встречался с ним. Однажды.

– А он про тебя никогда не рассказывал, – заметила мисс Флитворт. – Во всяком случае, имени не называл. Твоего имени, Билл Двери.

– О встрече со мной он вряд ли рассказывал бы, – предположил Билл Двери.

– Да что уж там, – согласилась мисс Флитворт. – Дело известное. Папаша занимался порою и контрабандой. Хозяйство-то у нас не очень большое. С такого не больно разживешься. Он говорил так – каждый крутится, как умеет. Ты, поди, по этой части? Я на тебя смотрю – похож ты на этих ребят.

Билл Двери глубоко задумался.

– Перемещение и сопровождение, – промолвил он.

– Да, можно и так сказать. Билл, у тебя есть семья? Родные?

– Дочь.

– Дочка – это хорошо.

– Мы давно не вместе.

– Вот это жаль, – отозвалась мисс Флитворт с ноткой искреннего сочувствия. – В былые-то времена нам тут славно жилось. Когда ещё мой парень был жив.

– У ВАС ЕСТЬ СЫН? – спросил Билл, теряя нить.

Мисс Флитворт посмотрела на него:

– Не забывай, пожалуйста, что я *мисс* Флитворт, – сказала она. – У нас тут с этим строго.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

– Да ладно, что уж там. Руфус его звали. Тоже был контрабандист, как папаша. Но не такой удачливый. Что правда, то уж правда. Скорее, рисковый. Привозил мне подарки из разных стран. Всякую красивую чепуху. А ещё мы с ним ходили на танцы. Помню, ноги у него были крепкие. Люблю, когда у мужчины ноги сильные.

Мисс Флитворт глядела в огонь.

– Ну, и вот... Однажды он не вернулся. Перед самой нашей свадьбой. Папаша говорил, не стоит уходить в горы так поздно осенью... Я так думаю, он просто хотел раздобыть мне достойный подарок на свадьбу. И денег подзаработать, чтобы папаше показать, потому что папаша никогда не одобрял...

Мисс Флитворт взяла кочергу и нанесла полену удар гораздо более сильный, чем то заслуживало.

– Люди, конечно, болтали, что он подался в Фарфери или в Анк-Морпорк, или ещё куда. Только я точно знаю – он никогда бы так не сделал.

Острый взгляд пришил Билла Двери к креслу:

– А ты что думаешь, Билл Двери? – спросила мисс Флитворт.

Билл распознал в этом вопросе другой вопрос и ощутил прилив гордости за свою проныцательность.

– МИСС ФЛИТВОРТ, ПОГОДА В ГОРАХ ЗИМОЙ БЫВАЕТ КРАЙНЕ НЕНАДЕЖНОЙ.

– Я всегда это говорила, – сказала она с заметным облегчением. – И знаешь, что, Билл Двери? Ты знаешь, что я думаю?

– НЕТ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Это случилось прямо накануне нашей свадьбы. Это я уже говорила. Один из его пони вернулся, и тогда люди пошли и увидели, что лавина сошла... И знаешь, что я подумала? Я подумала.. Нет, это просто смешно. Глупо. Ужас какой-то. Конечно, я потом много чего передумала, но самая первая мысль была, что не может же в жизни все быть вот так, как в книжке. Вот такая была мысль, ужас, правда?

– ЛИЧНО Я НИКОГДА НЕ ДОВЕРЯЛ ЛИТЕРАТУРЕ, МИСС ФЛИТВОРТ.

Но она не слушала.

– И я подумала: ну, теперь мне полагается свихнуться от горя и долгие годы бродить по округе в подвенечном платье. Вот чего жизнь от меня ждет. Да только – вот ей! И я убрала платье в сундук, и мы устроили свадебный пир и позвали всех, потому что не пропадать же угощению.

Она снова яростно атаковала камин кочергой, а потом снова пронзила Билла Двери взглядом мощностью в несколько мегаватт:

– Я думаю, самое главное – это всегда видеть, что на самом деле, а что нет. Так ведь?

– МИСС ФЛИТВОРТ?

– Что такое?

– ВЫ НЕ ПРОТИВ, ЕСЛИ Я ОСТАНОВЛЮ ЧАСЫ?

Она повернулась к лупоглазой сове.

– Часы? Но зачем?

– ОНИ МНЕ ДЕЙСТВУЮТ НА НЕРВЫ.

– Но ведь они не очень громко тикают?

Билл Двери хотел сказать, что каждый их тик-так подобен удару чугунного молота по бронзовому столбу.

– НЕМНОГО ОТВЛЕКАЕТ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Ну, тогда останови, конечно. Я их завожу только для компании.

Билл Двери с благодарностью встал, прошел по джунглям безделушек и схватил рукой еловую шишку маятника. Деревянная сова остановила свой взгляд на нем, и тиканье прекратилось – по крайней мере, в мире обычного звука. Билл чувствовал, что где-то вдалеке Время продолжает утекать капля за каплей. Как люди с этим живут? Время, словно вор, пробралось в их дома, и они сами открыли ему двери.

Билл Двери сел обратно в кресло.

Мисс Флитворт принялась быстро и яростно вязать.

Огонь шелестел в камине.

Билл Двери откинулся в кресле и смотрел в потолок.

– Конек-то твой как радуется.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Ну, конь твой. Как он веселится-то на лугу, – пояснила мисс Флитворт.

– А, конь. ДА.

– Носится, как будто первый раз траву видит.

– ОН ЛЮБИТ ТРАВУ.

– А ты любишь животных. Это видно.

Билл Двери кивнул. Его запас тем для светской беседы, никогда не слишком обильный, подошел к концу.

Так он сидел молча, обхватив пальцами подлокотники кресла, ещё пару часов, пока мисс Флитворт не объявила, что отправляется в постель. Тогда он ушел в амбар и лег спать.

Билл Двери не заметил, как оно возникло. Но оно возникло – серое привидение, плавающее в темноте амбара.

Оно чем-то держало золотые песочные часы.

Билл Двери, произошла ошибка, сказала оно.

Стекло разлетелось. Пять золотых секунд повисели в воздухе и осели на пол.

Возвращайтесь, сказала оно. Вас ждет работа. Произошла ошибка.

Привидение растаяло.

Билл Двери кивнул. Разумеется, произошла ошибка. Это очевидно. Он с самого начала знал, что это ошибка.

Он отшвырнул штаны с ляжками в угол амбара и расправил свою мантию непроницаемой черноты.

Что ж, это был полезный опыт. Опыт, который, признаться, ему не хотелось повторять. С его плеч словно упала чудовищная тяжесть.

Так это и было то, что называется быть живым? Ощущение того, как мрак тянет тебя к себе? Как они могут жить с этим? А они ведь живут, и даже радуются такой жизни, когда уместным кажется одно лишь отчаяние. Уму непостижимо. Чувствовать себя маленькой жидкой песчинкой, зажатой между двумя скалами темноты. Как они выносят эту жизнь?

Должно быть, с этим нужно родиться.

Смерть оседлал лошадь и поехал по-над полями. Колосья ходили широкими волнами, похожими на море. Мисс Флитворт придется найти другого работника для сбора своего урожая.

Надо же – какое-то чувство. Сожаление, что ли? Но это чувство принадлежало Биллу Двери, а Билл Двери... умер. Никогда не жил. Сейчас Смерть снова был собой, в безопасности, где не бывает ни чувств, ни сожалений.

Сожалений – никаких.

Потом Смерть очутился в своем кабинете, что было странно, потому что он не мог вспомнить, как он попал туда. Только что он сидел в седле, и вот он в кабинете, где стоят его учетные книги, часы и инструменты.

Кабинет был больше, чем ему помнилось. Стены маячили где-то на пределе кругозора.

Это все Билл Двери. Биллу Двери кабинет несомненно показался бы большим, а часть его, должно быть, ещё оставалась где-то в нем. Нужно заняться делом. Предаться работе.

На столе уже стояло несколько часов. Он не помнил, как поставил их перед собой, но это не имело значения. Значение имела только работа.

Он взялся за первый из них и прочитал имя.

– Фу-ка-ки-ру!..

Мисс Флитворт села в постели. Где-то на грани сна она услышала звук, который, должно быть, и разбудил петуха.

Почиркав спичками, она наконец зажгла свечу, пошарила под кроватью и нащупала рукоять сабли, которой довелось немало потрудиться во время путешествий покойного мистера Флитворта по горам.

По скрипучим ступеням лестницы она спустилась и вышла в предрассветный холод. Постояв немного возле двери амбара, она приоткрыла ее и проскользнула внутрь.

– Мистер Двери!

В сене что-то прошуршало, потом установилась чуткая тишина.

– МИСС ФЛИТВОРТ?

– Ты звал? Мне кажется, я слышала, как кто-то звал меня.

Сено зашуршало снова, и с сеновала свесилась голова Билла Двери.

– МИСС ФЛИТВОРТ, ЭТО ВЫ?

– Я, конечно. Кому же тут быть? С тобой все в порядке?

– Гм... Да. Пожалуй.

– Точно в порядке? Зачем ты Сирила разбудил?

– А... Да. Дело в том, что... МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ... ЧТО-ТО ТАКОЕ...

Мисс Флитворт задула свечу. Уже достаточно рассвело.

– Ну, если ты точно в порядке... Раз уж я все равно встала, пойду, разогрею овсянку.

Билл Двери лежал на сене, пока не убедился, что ноги служат ему достаточно верно, а тогда спустился и проковылял через двор к дому.

Мисс Флитворт молча наложила в стоящую перед ним миску овсянки и утопила ее в сливках.

Наконец Билл Двери не выдержал. Он не знал, как задать эти вопросы, но ответы были нужны ему позарез.

– МИСС ФЛИТВОРТ?

– Я слушаю.

– ЧТО ЭТО ОЗНАЧАЕТ, КОГДА НОЧЬЮ ВИДИШЬ ЧТО-ТО, ЧЕГО НА САМОМ ДЕЛЕ НЕТ?

Мисс Флитворт выпрямилась с миской овсянки в одной руке и половником в другой.

– Сны видишь, что ли?

– ТАК ЭТО ТО, ЧТО НАЗЫВАЕТСЯ “СНЫ”?

– А ты что, никогда не видишь снов? Я думала, все их видят.

– А ЕСЛИ ВИДИШЬ ТО, ЧТО СЛУЧИТСЯ В БУДУЩЕМ?

– А, это вещие сны. Я сама в них не верю, если честно. погоди, ты что же, хочешь сказать, что не знаешь, что такое сны?

– НЕТ-НЕТ. РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ...

– Что с тобой такое, Билл? Чего ты сам не свой?

– Я ВДРУГ ОСОЗНАЛ, ЧТО МЫ УМРЕМ.

Мисс Флитворт посмотрела на него и помолчала.

– Ну, так ведь все умирают, – сказала она. – Вон что тебе приснилось, да? Что ж. Все там будем. Но я бы на твоём месте так не переживала. Лучше улыбаться и заниматься делом, так я говорю.

– Но ведь нам придет конец!

– Чего не знаю, того не знаю, – возразила мисс Флитворт. – Вообще это зависит от того, какую жизнь ты прожил. Я так думаю.

– КАК ЭТО?

– Ну, ты человек верующий?

– ВЫ ХОТИТЕ СКАЗАТЬ, ЧТО ТО, ЧТО СЛУЧИТСЯ С ТОБОЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ, ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ?

– Это было бы очень славно, не правда ли? – улыбнулась мисс Флитворт.

– Но дело в том, что я знаю, во что я верю. Я не верю... Ни во что.

– И что же это мы такие мрачные нынче утром? – спросила мисс Флитворт. – Давай-ка бросай эти разговоры и ешь овсянку. Она полезная. Укрепляет кости.

Билл Двери поглядел в миску.

– МОЖНО МНЕ ДОБАВКИ?

Все утро Билл Двери колот дрова. Это было прекрасное однообразное занятие. Урабататься – вот что было важно. Он наверняка спал и до сегодняшней ночи, но видимо был такой уставший, что спал без снов. А видеть снов он решительно больше не хотел. Топор взлетал и опускался на поленья ритмично, как часы.

Так. Никаких часов!

Когда Билл вошел в кухню, на плите перед мисс Флитворт кипели горшки.

– КАКОЙ АРОМАТ! – попробовал Билл комплимент.

Он потянулся к подпрыгивающей крышке – мисс Флитворт подскочила:

– Не трогай! Это для крыс.

– РАЗВЕ КРЫСЫ НЕ ДОБЫВАЮТ СЕБЕ ПИЩУ САМИ?

– То-то и оно, что добывают. Поэтому перед сбором урожая мы готовим для них особое угощение. Пригоршня этой дряни возле норы – и крыс как не бывало.

У Билла заняло некоторое время сопоставить известные ему сведения, но когда они наконец сопоставились, это было похоже на оргазм у слонов.

– ТАК ЭТО ЯД?

– Овсянка на вытяжке из одурцов. Безотказная штука.

– КРЫСЫ ОТ НЕГО УМИРАЮТ?

– На месте! Брык – и лапки вверх. А из еды есть хлеб с сыром, – объявила мисс Флитворт. – Два раза в день я большой готовки делать не собираюсь, а на ужин у нас будет курица. Кстати, о курице... Пойдем-ка со мной.

Мисс Флитворт взяла с полки тесак и вышла во двор. Петух Сирил поглядел на нее недобро с вершины навозной кучи. Все располневшие, не первой молодости дамы его гарема, что скреблись себе в пыли, поспешили к ногам мисс Флитворт походкой танцовщиц канкана из дешевого кафешантана, присущей всем курицам. Мисс Флитворт метнула руку и выдернула одну из них.

Курица смотрела на Билла Двери ярким и бессмысленным глазом.

– Курицу ощипать сумеешь? – спросила Мисс Флитворт.

Билл переводил взгляд то на курицу, то на мисс Флитворт.

– Но мы же их кормим, – озадаченно произнес он.

– А как же! Потом они кормят нас. Эта уже полгода как перестала нестись. Такая уж их куриная доля. Мистер Флитворт сворачивал им шеи, но я вот так и не научилась. А с тесаком грязи много, и потом они ещё бегают какое-то время, хотя уже все равно мертвые, и сами это знают.

Билл Двери обдумал оба варианта. Курица уставила на него один свой черный глаз. Курицы значительно глупее, чем люди, и у них нет сложных умственных приспособлений, позволяющих им не видеть то, что есть на самом деле. Курица знала, где она находится, и кто смотрит на нее.

Билл оглядел недолгую и немудреную жизнь курицы и увидел, как истекают ее последние секунды.

Он никогда не убивал. Он забирал жизнь, но только тогда, когда она кончалась. Одно дело – подобрать упавшее на дорогу. Другое дело – отнять.

– ТЕСАК НЕ НУЖЕН, – выговорил он наконец. – ДАЙТЕ КУРИЦУ МНЕ.

Он взял курицу, отвернулся и через мгновение протянул мисс Флитворт безжизненную тушку.

– Лихо! – похвалила мисс Флитворт и зашагала к кухне.

Обвиняющий взгляд Сирила жег Биллу Двери спину. Он раскрыл ладонь. На ладони дрожала маленькая искорка света. Билл легонько подул на нее, и она потухла.

После ужина они с мисс Флитворт раскладывали крысиный яд. Билл чувствовал себя убийцей.

Передохло много крыс.

Где-то в крысиных норах под амбаром – в самой глубокой норе, прорытой в незапамятные времена давно позабытыми грызунами-первопредками – в крошечном мраке возникло нечто.

Поначалу казалось, будто оно не может решить, чем ему быть.

Сперва оно было куском чертовски соблазнительного сыра. Но это не пошло.

Затем оно попробовало стать маленьким голодным терьером. Этот вариант тоже был забракован.

На мгновение оно представилось стальным капканом. Это вообще никуда не годилось.

Нечто пошарило по сторонам в поисках новых идей, и вдруг, к его удивлению, одна идея возникла поблизости, как будто всегда тут и была. Даже не форма, а воспоминание о форме.

Нечто примерило на себя эту форму и пришло к выводу, что, хотя она совершенно ему не подходит, это все же единственная форма, которую оно может принять.

И взялось за работу.

Вечером деревенские устроили на лужайке стрельбу из лука. Билл Двери создал себе и тщательно поддерживал репутацию худшего лучника за всю историю применения этого орудия. Никому не пришло в голову, что пробивать стрелами шляпы зрителей, стоящих сзади, вообще-то гораздо труднее, чем просто попасть в довольно немаленькую мишень в какой-нибудь полусотне шагов перед тобой.

Просто удивительно, как много друзей можно завести, делая что-нибудь плохо – особенно до смешного плохо.

Билл удостоился своего места на скамье во дворе трактира вместе со самыми почтенными посетителями.

Из трубы дома напротив, деревенской кузницы, поднимался и завивался в вечернем воздухе дым. За закрытыми дверьми слышались ожесточенные удары молотом. Зачем он держит двери закрытыми? – подумал Билл Двери. Обычно кузнецы работают при открытых дверях, и кузница превращается в неофициальный деревенский клуб. Но этот отчего-то не хотел работать при людях...

– Здравствуй, дядя сикилет!

Билл обернулся. Малышка дочь трактирщика смотрела на него так пристально, как никто ещё не смотрел.

– Ты же ведь сикилет же, да? – уточнила она. – У тебя только одни костотьки.

– ДЕВОЧКА, ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ.

– Нет, ты сикилет. Когда дядя или тетя умлуют, они делаются сикилеты. Только они должны тогда лезать в могиле и не вставать.

– ХА-ХА-ХА. КАКАЯ УМНАЯ ДЕВОЧКА.

– А ты потому встал?

Билл оглянулся на стариков. Те были всецело поглощены соревнованием.

– ЗНАЕШЬ, ЧТО, ДЕВОЧКА, – сказал он тихо и решительно. – ЕСЛИ ТЫ СЕЙЧАС ОТСЮДА УЙДЕШЬ, Я ДАМ ТЕБЕ ПОЛПЕННИ.

– А у меня есть маска сикилета. Когда мы ходили петь колядки на Ночь Всех Святых. Бумазная маска. Тогда нам все конфеты дают, вот так вот.

Билл Двери совершил ту же ошибку, что и миллионы других взрослых, которым пришлось разговаривать с маленьким ребенком в похожих обстоятельствах. Он воззвал к разуму ребенка.

– ДЕВОЧКА! ЕСЛИ БЫ Я В САМОМ ДЕЛЕ БЫЛ СКЕЛЕТ, ЭТИ ПОЖИЛЫЕ ДЖЕНТЛЬМЕНЫ НАВЕРНЯКА БЫ ЗАМЕТИЛИ ЭТО И НЕ СТАЛИ БЫ МОЛЧАТЬ.

Девочка оглядела стариков на другом конце скамьи.

– Да они узе сами, как сикилеты, – заметила она. – Какая им лазница, одним больсе, одним меньсе.

Билл Двери пошел ва-банк.

– ЗНАЕШЬ ЧТО, ДЕВОЧКА? СДАЮСЬ. ТЫ ПРАВА. Я СКЕЛЕТ.

– А тогда ты потому не лазвалился?

– НЕ ЗНАЮ. НИКОГДА НЕ РАЗВАЛИВАЛСЯ. ДО СИХ ПОР.

– А я видела сикилетики всяких птитек и звелусек, и они все на кусотьки лазвалились.

– МОЖЕТ БЫТЬ, ПОТОМУ ЧТО ОНИ СНАЧАЛА БЫЛИ ДРУГИЕ. А Я ВСЕГДА ТАКОЙ.

– А в Тембли у аптекаля тоже есть сикилет на весалке, вот у него все косточки плово-
лотьками длуг к длугу пливязаны, – сообщила девочка ценные и не задешево добытые сведе-
ния.

– НЕТ, У МЕНЯ НЕТ ПРОВОЛОЧЕК.

– Потому сто бывают сикилеты зывые, а бывают умелтые?

– ДОЛЖНО БЫТЬ, ПОЭТОМУ.

– А у него, знатит, сикилет умелтый.

– ПОЛУЧАЕТСЯ, ЧТО ТАК.

– Котолый внутли у какого-то теловека был?

– НЕСОМНЕННО.

– Фу-у-у!..

Девочка посмотрела куда-то вдаль, а потом сказала:

– А у меня носотьки новые, вот!

– ПРАВДА?

– Плавда-плавда. Вот, смотли.

Немедленно для обозрения была выставлена довольно пухлая ножка.

– НАДО ЖЕ. НОВЫЕ НОСОЧКИ! ВЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИТЕ.

– Мне их мама связала из оветьки.

– НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Даль была осмотрена еще раз.

– А ты знаес, – спросила девочка, – сто сегодня пятница?

– ЗНАЮ.

– А я насла лозетьку!

Билл Двери поймал себя на том, что напряженно ищет связь между этими сообщения-
ми. Он не имел опыта беседы с людьми, у которых окно внимания длится меньше трех се-
кунд.

– А ты лаботаешь у мисс Флитволт?

– ДА.

– А папа сказал, ты там удачно подкатил салы.

Ответа на это Билл Двери не нашел, потому что значения этого выражения не понял.

Высказывания людей зачастую означают что-то совсем иное, смысл в них передается интонацией, выражением лица или движением глаз, а девочка ничего из этого к своей фразе не присовокупила.

– Папа говорит, у нее там сундуки с сокловисями.

– ПРАВДА?

– А у меня есть два пенса, вот!

– ЧТО ТЫ ГОВОРИШЬ!

– Салли!

Две головы обернулись и увидели на крыльце миссис Лифтон.

– Салли, пора спать! Хватит мучить мистера Двери!

– О, УВЕРЯЮ ВАС, МЫ ЧУДЕСНО ПРОВЕЛИ ВРЕ...

– Скажи дяде спокойной ночи!

– А как сикилеты спют? Они же не могут заклясть глазки, потому что...

Уже из-за открытой двери до него донеслись голоса:

– Нехорошо называть мистера Двери скелетом из-за того, что он... что он... худой такой.

– Не бойся, мама, он не умелтый..

В голосе миссис Лифтон промелькнули знакомые тревожные нотки человека, который никак не может заставить себя поверить своим глазам.

– Может быть, он просто хворает. Бывают такие хвори...

Билл Двери вернулся домой в задумчивости. В кухне горел свет, но он прошел в амбар, забрался по лестнице на сеновал и лег.

Он мог отогнать сон, но не мог его забыть.

Он глядел в непроницаемую темноту.

Вскоре ему послышался топот маленьких лап. Он повернул голову.

Поток полупрозрачных крысиных призраков пробирался по потолочной балке над его головой и таял, таял, оставляя за собой лишь звук царапанья коготков. За крысами шло нечто.

Оно было шести дюймов ростом. На нем был черный плащ. В костяной лапке оно держало маленькую косу. Белый костяной носик с острыми серыми усами торчал из-под черного капюшона.

Билл Двери протянул руку и поймал его. Оно не убежало. Оно стояло на его ладони и смотрело на него со спокойным уважением, как один профессионал на другого.

– А ТЫ, ЗНАЧИТ... – промолвил Билл Двери.

– Пип, – кивнул смерть крыс.

– Я ПОМНЮ, КАК ТЫ БЫЛ ЧАСТЬЮ МЕНЯ, – сказал Билл Двери.

Смерть Крыс утвердительно пискнул снова.

Билл Двери пошарил по карманам своих штанов с лямками. В один из карманов он убрал остаток от завтрака. Вот он.

– ДУМАЮ, – предложил он, – ТЫ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПРИКОНЧИЛ БЫ КУСОЧЕК СЫРА?

Смерть Крыс принял лакомство с легким поклоном.

Билл Двери вспомнил, как он навещал – однажды – одного старика, почти всю свою жизнь просидевшего взаперти в башне за какое-то преступление, которое он то ли совершил, то ли нет, и приручившего за свое пожизненное заключение множество птичек. Они гадили на его постель и клевали его еду, но старик прощал им и улыбался, когда птички влетали и вылетали сквозь высокие зарешеченные окна. До сих пор Смерть не понимал, зачем старик это делал.

– НЕ СМЕЮ ЗАДЕРЖИВАТЬ, – сказал он. – У ТЕБЯ, НАВЕРНО, СТОЛЬКО ДЕЛ. СТОЛЬКО КРЫС НУЖНО ОБОЙТИ. Я СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ.

А теперь он понял, зачем.

Он вернул малыша на потолочную балку и лег обратно в сено.

– БУДЕШЬ ПОБЛИЗОСТИ – ЗАХОДИ, – пригласил он.

И снова стал смотреть в темноту.

Сон... Он чувствовал, как сон гуляет где-то рядом. И носит полные карманы снов.

Он выпрямился на сене и решил не сдаваться без боя.

Вопль мисс Флитворт заставил его вскочить и сесть – и, к его облегчению, повторился.

Дверь амбара распахнулась.

– Билл! Слезай скорее!

Билл свесил ноги на лестницу:

– ЧТО СЛУЧИЛОСЬ, МИСС ФЛИТВОРТ?

– Что-то горит!

Через двор фермы они выбежали на улицу. Небо над деревней пылало красным.

– Что ты стоишь?

– ГОРИТ НЕ У НАС.

– У всех сгорит! Кровли занимаются, как солома!

Они прибежали на то, что должно было называться главной площадью. Трактир уже подхватил пламя. Кровля редела и швыряла в небо миллионы искр.

– Да что ж вы все стоите-то? – закричала мисс Флитворт. – Есть же насос, ведра у всех есть, где ваши головы?

Возле трактира послышались крики и возня – двое завсегдатаев пытались не пустить Лифтона в горящую постройку. Лифтон орал на них.

– Девочка там внутри, – разобрала мисс Флитворт, – он об этом?

– Да.

Огонь закрывал уже все окна в верхнем этаже.

– Можно же что-то сделать, – повторяла мисс Флитворт. – Может, лестница где-то есть?

– НЕ НАДО.

– Как? Надо попробовать. Не оставлять же людей там!

– ПОНИМАЕТЕ, – объяснил Билл Двери. – ВМЕШАТЕЛЬСТВО В СУДЬБУ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА МОЖЕТ УНИЧТОЖИТЬ ВЕСЬ МИР.

Мисс Флитворт поглядела на него, как на сумасшедшего.

– Это что ещё за хрень?

– Я ХОЧУ СКАЗАТЬ, ЧТО КАЖДОМУ ОТМЕРЕН СВОЙ СРОК...

Мисс Флитворт замерла. Потом выпростала руку и закатила Биллу звонкую пощечину.

Его щека оказалась тверже, чем она думала. Она охнула и замахала пальцами.

– Чтобы к утру духу вашего не было на моей ферме, мистер Билл Двери, – прорычала она. – Ясно?

Мисс Флитворт развернулась и побежала к насосу.

Люди уже принесли багры, чтобы растаскивать горящие дранки с крыши. По команде мисс Флитворт уже притащили лестницу и приставили к окну спальни, но когда кто-то решился и полез по ней, прикрываясь дымящимся мокрым одеялом, верхние ступени лестницы начали обугливаться.

Билл Двери смотрел в огонь.

Он сунул руку в карман и вынул оттуда золотые песочные часы. Стекло отсвечивало красным. Он вернул часы в карман.

Рухнула часть крыши.

– Пип!

Билл Двери глянул себе под ноги. Маленькая фигурка в черном плаще прошествовала между его ног и скрылась в пылающих дверях.

Кто-то истошно голосил про бочки с бренди.

Билл Двери снова сунул руку в карман и снова посмотрел на песочные часы. Шипение песчинок заглушило рев пламени.

Будущее утекало в прошлое, и прошлого было уже куда больше, чем будущего, но его поразило то, что протекало все это время через настоящее. Через сейчас.

Он бережно спрятал часы.

Смерть знал, что вмешательство в судьбу одного человека может уничтожить весь мир. Это он знал очень хорошо. Это знание было его сутью.

А для Билла Двери, вдруг понял он, это не значило ровным счетом ничего.

– ДА ГОРИ ОНО ВСЕ, – пробормотал он и шагнул в огонь.

– Библиотекарь! – позвал Вертрам в замочную скважину. – Это я, Вертрам Пум.

Он побарабанил по двери ещё немного.

– Что же он не открывает-то? – пробормотал он.

– Даже не знаю, – слышался низкий голос за спиной.

– Шлепсель?

– Я, мистер Пум.

– Зачем ты прячешься у меня за спиной?

– Я должен за чем-нибудь прятаться, мистер Пум. Такова наша бабайская доля.

– Библиотекарь! – продолжил Пум стучать в дверь.

– У-ук?

– Почему не открываете?

– У-ук!

– Но мне срочно нужно кое-что сверить!

– У-ук ук.

– Ну, да, ну и что? При чем тут это?

– У-ук. У-ук!

– Знаете, что? Это просто... несправедливо!

– А что он говорит, мистер Пум?

– Говорит, что не пустит, потому что я умер!

– Вот-вот. Об этом-то Редж Башмачкинс и твердит. Теперь вы сами видите.

– А ты не знаешь кого-нибудь, кто понимает что-нибудь в жизненной силе?

– Ну, есть ещё, конечно, миссис Кекс. Но она, как бы это сказать... Особа незаурядная.

– Кто эта миссис Кекс? – спросил Вертрам, а потом смысл слов Шлепселя дошел до него. – Незаурядная особа? И кто это говорит? Подвальный бабай!

– Вы никогда не слышали о миссис Кекс?

– Не слышал.

– Впрочем, она тоже магией навряд ли интересуется... Не важно. Мистер Башмачкинс считает, что мы не должны общаться с ней. Говорит, она за эксплуатацию мертвеца человеком.

– Как это?

– Она духовидица.

– В самом деле? Что ж, пойдем навестим ее. И вот ещё что, Шлепсель.

– Что?

– Мне как-то не по себе делается, когда ты все время прячешься у меня за спиной.

– Мистер Пум, если я не прячусь за чем-нибудь, мне самому очень не по себе. Я прямо не могу.

– Может быть, ты будешь прятаться за чем-нибудь другим?

– Что вы предлагаете, мистер Пум?

Вертрам задумался.

– Да, это может сработать, – сказал он сам себе. – Осталось только раздобыть отвертку.

Садовник Модо стоял на коленях и присыпал компостом клубни георгинов, когда за его спиной послышались толчки и шарканье, как будто кто-то толкал что-то очень тяжелое.

Модо обернулся.

– Добрый вечер, мистер Пум. Как помираете?

– Добрый вечер, Модо. Как у тебя тут красиво!

– Там за вашей спиной кто-то тащит дверь, мистер Пум.

– Спасибо, я в курсе.

Дверь рывками продвигалась вперед. Поравнявшись с Модо, она, пошатнувшись, развернулась, словно тот, кто нес ее, старался по возможности не показаться Модо на глаза.

– Это, собственно, не дверь, а передвижное укрытие, – пояснил Вертрам.

Тут он замер. Что-то шло не так. Он не мог сказать точно, что именно, но он почувствовал что-то резко неправильное – как если бы в оркестре фальшивил какой-то громкий инструмент. Вертрам внимательно осмотрелся.

– А что это за штука, в которую ты сваливаешь сорняки? – спросил он.

Модо оглянулся себе за спину.

– Хорошая вещь, правда? – ответил он. – Я нашел ее возле компостной ямы. Моя тачка сломалась, а тут гляжу – вот эта...

– Никогда таких не видел, – заметил Вертрам. – Кому могло прийти в голову делать огромную корзину из проволоки? И колесики какие-то подозрительно мелкие.

– За ручку толкать вполне удобно, – возразил Модо. – Диву даюсь, кто это решил такую вещь выкинуть? Кто вообще выбрасывает такие вот штуки, а, мистер Пум?

Пум смотрел на тележку. Он не мог отделаться от ощущения, что она тоже смотрит на него.

Он услышал свой голос:

– Может, она сама сюда попала?..

– Вот это точно, мистер Пум! Искала тихое спокойное местечко, мне так думается. – предположил Модо. – Ты ж моя лапочка!

– Да, похоже на то, – невесело согласился Вертрам.

Он вышел в город, слыша за собой кряхтенье и шарканье двери.

Если бы кто-нибудь месяц назад сказал мне, подумал он, что спустя несколько дней после смерти я буду ходить по улицам, а за мной будет красться, прячась за дверью, застенчивый бабай... Долго бы я смеялся.

А впрочем, ничего подобного. Я сказал бы “Ась? Что такое? Говорите громче!” И все равно ничего бы не разобрал.

Кто-то громко гавкнул возле него.

На Вертрама уставился пёс. Это был очень крупный пес. Собственно, его нельзя было назвать волком только по той причине, что, как известно всем, волку в городе неоткуда взяться.

Пес подмигнул Вертраму. Вертрам вспомнил: прошлой ночью полнолуния не было.

– Волчек? – спросил он.

Пёс кивнул.

– Говорить можешь?

Пёс помотал головой.

– И что ты теперь собираешься делать?

Пес пожал плечами.

– Пойдешь со мной?

Пес снова пожал плечами, но в этом жесте почти слышалось: почему бы нет? Я как-то не особо занят сейчас, прямо скажем.

Если бы месяц назад, подумал Вертрам, кто-нибудь сказал мне, что спустя несколько дней после смерти я буду ходить по улицам в сопровождении застенчивого бабая и оборотня наоборот... Я бы долго смеялся. Только ему пришлось бы повторить все это несколько раз. И очень громко.

Смерть Крыс покончил с последними своими клиентами, которых в кровле оказалось великое множество, и повел их сквозь пожар туда, куда попадают все хорошие крысы.

Он был весьма удивлен, столкнувшись с охваченной пламенем фигурой, пробирающейся через мешанину обвалившихся балок и вспучившихся половиц. Встав на первую ступеньку горячей лестницы, этот огненный человек вынул что-то из кармана своего рассыпающегося искрами плаща и аккуратно взял это что-то в зубы.

Смерть Крыс решил не оставаться, чтобы посмотреть, что будет дальше. Хотя в чем-то он был таким же древним, как самая первая первобытная крыса, ему все же не было ещё и дня от роду, и он ещё только учился быть Смертью. А может быть, он знал, что низкое бурчание и мощное бульканье, заставляющее дрожать все строение, означало, что бренди в бочках начинал закипать.

А бренди не может кипеть долго.

Огненный шар разметал обломки крыши трактира на полмили вокруг. Из дыр, которые были дверьми и окнами, выплеснулось пламя. Стены рухнули. Над головами селян просвистели горящие доски. Некоторые попали на крыши соседей, которые занялись новым ог-

нем.

На месте трактира полыхало озеро ослепительно белого огня.

Потом в нем замаячили островки тени.

Они менялись, двигались и сложились в фигуру высокого человека, идущего по огню и несущего что-то в руках.

Он прошел через обожженных и обомлевших людей и зашагал по темной прохладной дороге в сторону фермы. Люди, опомнившись, пошли за ним. В сумерках они были похожи на хвост чёрной кометы.

Билл Двери поднялся по лестнице в спальню мисс Флитворт и опустил девочку на постель.

– Она говорила, где-то здесь поблизости есть аптекарь.

Мисс Флитворт протолкалась сквозь людей, столпившихся на верхней площадке лестницы.

– Есть один, в Чембли, – подтвердила она. – Но есть ещё ведьма за Ланкр...

– Никаких ведьм. Никакой магии. Пошлите за аптекарем. Все остальные – уходите.

Это была не просьба. Это был даже не приказ. Это были слова, просто не подразумевающие неповиновения.

Мисс Флитворт замахала на собравшихся своими тонкими руками:

– Расходитесь, расходитесь, все кончено! Кыш, кыш! Это же моя спальня! Пошли, пошли все отсюда.

– Но как? Как он это сделал? – спросил кто-то из задних рядов. – Никто бы живым отсюда не выбрался! Мы же все видели, как оно рвануло!

Билл Двери медленно обернулся:

– Мы укрылись в подвале, – ответил он.

– В подвале укрылись, – повторила мисс Флитворт, – ясно тебе? В подвале. Сам не догадался бы?

– Да откуда в трактире взялся подвал? – усомнился тот же голос и осекся. Билл Двери пристально смотрел на него. – А, в подвале... Ну, молодец! Ну, голова!

– Что есть, то есть! – согласилась мисс Флитворт. – А теперь проваливайте отсюда все!

Билл Двери слышал, как она сгоняет гостей с лестницы и выставляет за дверь, в ночь. Щелкнул дверной замок. Как она поднялась обратно с миской холодной воды и полотенцем, он не слышал. Мисс Флитворт, когда хотела, умела ходить совершенно бесшумно.

Она вошла в спальню и закрыла за собой дверь.

– Родители захотят ее видеть, – сказала она. – Мамаша в обмороке, а Генри-Большой с мельницы свалил ее отца, когда тот пытался вбежать в огонь за ней. Но скоро они оба будут здесь.

Мисс Флитворт наклонилась над девочкой и обтерла ее лоб полотенцем.

– Где она была?

– ОНА ПРЯТАЛАСЬ В ШКАФУ.

– Пряталась от огня в шкафу?

Билл Двери пожал плечами.

– Просто чудо, что ты смог найти ее там, в огне и в дыму, – промолвила мисс Флитворт.

– ЕСТЬ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ У МЕНЯ ХОРОШО ПОЛУЧАЮТСЯ.

– И ни отметины на ней, надо же!

Билл Двери не ответил на вопрос, прозвучавший в голосе мисс Флитворт.

– ЗА АПТЕКАРЕМ ПОСЛАЛИ?

– Послали, послали.

– Он НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН БРАТЬ ЗДЕСЬ.

– Как это?

– БУДЬТЕ ЗДЕСЬ С НИМ, КОГДА ОН ПРИДЕТ. ОН НЕ ДОЛЖЕН НИЧЕГО ВЫНОСИТЬ ИЗ ЭТОЙ КОМНАТЫ.

– Что за чушь? Зачем ему что-то брать? Что он может отсюда вынести?

– ЭТО КРАЙНЕ ВАЖНО. СЕЙЧАС Я ДОЛЖЕН УЙТИ.

– Куда это ты собрался?

– В АМБАР. НУЖНО КОЕ-ЧТО СДЕЛАТЬ. А ВРЕМЕНИ МОЖЕТ НЕ ХВАТИТЬ.

Мисс Флитворт смотрела на девочку, лежащую на постели. Она уже ничего не понимала и перестала пытаться.

– Так спокойно лежит, – сказала она безнадежно, – будто спит. Что с ней такое?

Билл Двери остановился в дверях.

– ОНА ЖИВЕТ ВЗАЙМЫ, – ответил он.

За амбаром стояла старая мастерская. Никто не пользовался ею уже много лет. Сейчас красный и желтый свет выливался из нее в темный двор толчками, словно там билось сердце.

Из мастерской доносились и ритмичные, похожие на сердцебиение, удары. С каждым ударом огонь на мгновение делался яростно-голубым.

Мисс Флитворт проскользнула в приоткрытую дверь. Если бы она позволяла себе божбу, то побожилась бы, что услышать ее за ревом огня и ударами молота было нельзя – но Билл Двери резко повернулся к ней, держа изогнутое лезвие перед собой.

– Да я это, я!

Билл успокоился – или по крайней мере показался чуть менее взволнованным.

– Ты чем тут занимаешься?

Билл поглядел на лезвие в своих руках, словно впервые увидел его.

– ХОТЕЛ ПОТОЧИТЬ КОСУ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– В час ночи?

Билл не моргнул глазом.

– УТРОМ ОНА НЕ СТАНЕТ ОСТРЕЕ, МИСС ФЛИТВОРТ.

И грохнул косой по наковальне.

– Я НЕ МОГУ ЕЕ НАТОЧИТЬ!

– Да ты перегрелся, – охнула мисс Флитворт, выпростала ладонь из-под шали и взяла его за руку. – Да она уже такая острая, что можно... – начала было она, но запнулась.

Пальцами она провела вокруг его руки. Пальцы разомкнулись и сомкнулись снова – между лучевой костью и локтевой.

Билла Двери передернуло.

Мисс Флитворт не дрогнула. За свои семьдесят пять лет она видела войны, голод, бессчетное число больных животных, пару эпидемий и тысячи мелких ежедневных драм и трагедий. Впавший в отчаяние скелет не попадал даже в первую десятку неприятностей, которые ей довелось пережить.

– Так это ты, – только и вымолвила она.

– МИСС ФЛИТВОРТ! ЭТО НЕ...

– Я знала, что рано или поздно ты придешь.

– Я ДУМАЮ, ЧТО ВАМ...

– Знаешь, а я всю жизнь ждала принца. На белом коне... – Мисс Флитворт усмехнулась. – И вот как оно обернулось.

Билл Двери присел на наковальню.

– Приходил аптекарь, – сообщила мисс Флитворт. – Сказал, что ничем не может помочь. Сказал, что девочка здорова. Только разбудить ее мы не смогли. И разжать ее кулачок у нас еле-еле получилось. Она так крепко его сжимала.

– Я ЖЕ ПРОСИЛ НИЧЕГО НЕ ВЫНОСИТЬ ИЗ КОМНАТЫ!

– Тише, тише. Мы оставили все, как было.

– ВОТ ЭТО ХОРОШО.

– А что это было такое?

– МОЕ ВРЕМЯ.

– То есть?

– МОЕ ВРЕМЯ. ВРЕМЯ МОЕЙ ЖИЗНИ.

– Выглядело это как будильник для варки каких-то очень дорогих яиц.

Билл Двери, казалось, задумался.

– ДА... МОЖНО И ТАК СКАЗАТЬ. Я ОТДАЛ ЕЙ ЧАСТЬ СВОЕГО ВРЕМЕНИ.

– А что у тебя со временем? Что тебе до времени, я имею в виду?

– ВСЕ ЖИВОЕ ЖИВЕТ СВОЕ ВРЕМЯ. КОГДА ВРЕМЯ КОНЧАЕТСЯ, ЖИВОЕ УМИРАЕТ. КОГДА КОНЧИТСЯ ЭТО ВРЕМЯ, ОНА УМРЕТ. И Я ТОЖЕ. ОСТАЛОСЬ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ.

– Но не можешь же ты...

– Могу. Это непросто объяснить...

– Ну-ка, двигайся.

– Что?

– Подвинься, говорю. Мне нужно присесть.

Билл Двери пересел на край наковальни. Мисс Флитворт села рядом.

– Значит, ты скоро умрешь, – подытожила она.

– Да.

– А умирать тебе не хочется.

– Нет.

– А почему?

Билл посмотрел на мисс Флитворт, как на сумасшедшую.

– ПОТОМУ ЧТО ТОГДА НИЧЕГО НЕ БУДЕТ. МЕНЯ БОЛЬШЕ НЕ БУДЕТ.

– А с людьми это именно так бывает, да?

– НЕ ДУМАЮ. С ВАМИ ЭТО ПРОИСХОДИТ ПО-ДРУГОМУ. У ВАС ЭТО ЛУЧШЕ ОБУСТРОЕНО.

Некоторое время они молча глядели в гаснущие угли в горниле.

– Ну, и зачем тебе понадобилось сейчас точить косу? – спросила мисс Флитворт.

– Я подумал... Я РЕШИЛ ПОПРОБОВАТЬ... ОКАЗАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ.

– Кому-нибудь это удавалось? В смысле, против тебя?

– ОБЫЧНО НЕТ. ИНОГДА ЛЮДИ ЗАТЕВАЮТ СО МНОЙ ИГРЫ. СТАВКА – ЖИЗНЬ, РАЗУМЕЕТСЯ...

– И выигрывал кто-нибудь?

– НЕТ. НО В ПРОШЛОМ ГОДУ ОДИН НАБРАЛ ТРИ УЛИЦЫ. СО ВСЕМИ БЛАГОУСТРОЙСТВАМИ.

– Чего? Это что за игра такая?

– НЕ ПОМНЮ, КАК НАЗЫВАЕТСЯ. “ПОЛОМАНИЯ”, ЧТО ЛИ. Я ИГРАЛ ЗА БОТИНОК.

– Погоди-ка, – остановила вдруг мисс Флитворт. – Если ты – это... вот он самый, то кто же должен придти за тобой?

– СМЕРТЬ. ВЧЕРА НОЧЬЮ МНЕ ПОД ДВЕРЬ ПРОСУНУЛИ ВОТ ЭТО.

Смерть разжал ладонь и показал мятый клочок бумаги, на котором мисс Флитворт не без труда прочитала: “Ууууииииууууииииууууии!”

– ЭТО БАНШИ. ОТПЕВАЕТ МЕНЯ. ПО ПЕРЕПИСКЕ.

Мисс Флитворт продолжала смотреть на него, чуть склонив голову.

– И все-таки, поправь меня, если я не...

– ПРИДЕТ НОВЫЙ. – Билл Двери поднял косу. – И ОН БУДЕТ СТРАШЕН.

Лезвие повернулось в его руках, синий свет сверкнул вдоль его кромки.

– Я БУДУ У НЕГО ПЕРВЫМ.

Мисс Флитворт замороженно смотрела на свет.

– Страшен – как что?

– ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЕ ВООБРАЗИТЬ?

– О-о-о...

– СТРАШЕН КАК ИМЕННО ЭТО.

Лезвие играло блеском в его руках.

– А потом, значит, девочка... – промолвила мисс Флитворт.

– ИМЕННО ТАК.

– Не думаю, что я тебе чем-то обязана, мистер Двери. Наверно, вообще никто в целом свете ничем тебе не обязан.

– НАВЕРНОЕ, ВЫ ПРАВЫ.

– Но и к жизни, надо признать, тоже вопросы есть. Если уж по-честному.

– ОБ ЭТОМ Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ.

Мисс Флитворт оглядела его внимательным, оценивающим взглядом.

– Там в углу лежит неплохой оселок, – сказала она.

– Я ЕГО ПРОБОВАЛ.

– А в комоде есть точило.

– Я ПРОБОВАЛ И ЕГО.

Мисс Флитворт показалось, что коса издает звук. Тихий свист рассекаемого воздуха.

– И что же, она все еще недостаточно заточена?

Билл Двери вздохнул:

– БЫТЬ МОЖЕТ, ДОСТАТОЧНО ЗАТОЧИТЬ ЕЕ ВООООЩЕ НЕВОЗМОЖНО.

– Да ну, брось. – возразила мисс Флитворт. – Что толку унывать? Надежда умирает
– ?..

– НАДЕЖДА УМИРАЕТ ОТ ЧЕГО?

– Надежда умирает последней!

– ПОСЛЕДНЕЙ?

– Я тебе говорю.

Билл Двери провел костяным пальцем по лезвию.

– НАДЕЖДА...

– А что ещё нам остается?

Билл Двери задумался. В последнее время он познакомился со множеством чувств, но это было что-то новое.

– ВЫ МОЖЕТЕ ДОСТАТЬ ЗАКАЛЕННОЙ СТАЛИ?

Прошел час.

Мисс Флитворт рылась в сундуке.

– Что теперь? – спросила она.

– А ЧТО МЫ УЖЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ?

– Сейчас поглядим... Мешковина, ситец, лен... Атлас пробовали? У меня есть кусочек.

Билл Двери принял из ее рук ткань и поводит ею вдоль лезвия косы.

Тем временем мисс Флитворт добралась до самого дна сундука и подняла оттуда белый сверток.

– Вот.

– Что это?

– Шелк, – проговорила она тихо. – Самый лучший белый шелк. Настоящий. Неношенный...

Мисс Флитворт выпрямилась и молчала, глядя на сверток ткани.

Потом Билл Двери бережно принял его из ее рук.

– СПАСИБО.

– Так что же, – тряхнула она головой, как бы очнувшись, – годится?

Когда Билл Двери повернул лезвие косы, оно издало жужжащий звук, похожий на “в-в-вум-м-м”. Огонь в горниле еле теплился, но лезвие светилось ярким собственным светом.

– Коса, заточенная шелком, – промолвила мисс Флитворт. – Глазам своим не верю.

– Но ВСЕ РАВНО СЛИШКОМ ТУПАЯ.

Билл Двери огляделся по сторонам и вдруг шагнул в темный угол мастерской.

– Что ты там нашел?

– ПАУТИНА.

Некоторое время из темного угла раздавалось тоненькое повизгивание, как если бы там пытали муравьев.

– Помогает?

– ТУПАЯ.

Билл Двери вышел из мастерской, и она поспешила за ним. Он остановился посреди двора, подставляя лезвие легкому утреннему ветерку.

Лезвие гудело.

– Да сколько же можно точить эту несчастную косу?

– Можно заточить ещё чуть-чуть.

В курятнике петух Сирил проснулся и мрачно уставился на выписанные мелом на доске предательские буквы. Он набрал воздуха.

– Ка-ку-рки-крок!

Билл Двери поглядел на горизонт в сторону Края, затем задумчиво перевел взгляд на пригорок позади дома.

Щелкая суставами ног, он побежал.

Свет нового утра растекался по миру. Свет в Плоском мире немолодой, усталый и неторопливый; он заливал пейзаж, подобно кавалерийской лаве. То там, то сям ложбины и овраги на миг замедляли его продвижение. Горный хребет задерживал его, но вскоре он переливался через вершины и стекал по склону с другой стороны. Он расплывался над морем, захватывал пляжи, разбежался на равнинах, гонимый бичами солнечных лучей.

На прославленном неизведанном континенте Хехехехе, что лежит возле самого Краепада, есть затерянная колония волшебников, которые питаются одними креветками и увешивают поля своих остроконечных шляп пробками. В тех местах свет, появляющийся из-за ослепительной линии, разделяющей ночь и день, только-только врывается из космоса, он еще свеж и полон сил. Если бы один из этих волшебников перенесся этим утром на тысячи миль вглубь земного круга, он увидел бы в лучах света, затопляющего высокие предгорья, тощую черную тень, взбирающуюся на пригорок, что преграждает путь рассвету.

Забравшись на вершину пригорка за мгновение до того, как ее осветило утро, Билл Двери набрал в грудь воздуха и развернулся в бойцовой стойке, оскалив зубы.

В вытянутых к небу руках он держал длинное лезвие косы.

Свет сверкнул по нему. Расщепился надвое. Обтек лезвие.

Впрочем, наш волшебник, скорее всего, не обратил бы на это большого внимания, потому что его сейчас куда больше волновали бы пять тысяч миль пути до дома.

Новый день струился вдаль. Мисс Флитворт, тяжело дыша, поднялась на пригорок.

Билл Двери стоял неподвижно. Лишь лезвие косы чуть поворачивалось в его пальцах против света.

Похоже, результат его наконец-то удовлетворил. Он взмахнул косой, пробуя.

Мисс Флитворт встала, уперев руки в боки.

– Ну, это уж слишком, – сказала она. – Кто точит косу солнечным светом? Разве можно нато... чить... – она умолкла.

Билл сделал ещё один взмах косой.

– Это ж... на... до... – прошептала она.

Внизу, во дворе фермы, Сирил вытянул голую шею для второго захода. Билл ухмыльнулся и рубанул косой в сторону, откуда должен был донестись петуший крик:

– Ку... ка... ук... ер!

Билл опустил косу.

– ВОТ ЭТО НАЗЫВАЕТСЯ НАТОЧЕНО.

Тут ухмылка сошла с его лица – настолько, насколько это было возможно.

Мисс Флитворт посмотрела туда, куда смотрел он, и увидела над полем мерцание, будто туман. Оно было похоже на бледно-серый плащ, пустой, но каким-то образом сохранивший форму того, кто его надел, как если бы ветер раздувал одежду, сохнущую на веревке.

Помаячив немного, видение исчезло.

– Что это такое я видела? – спросила мисс Флитворт.

– ЭТО НЕ ЧТО. ЭТО КТО. ЭТО ОНИ.

– Они кто?

– Они... – Билл Двери неопределенно подвигал пальцами, – СЛУЖАЩИЕ. НАБЛЮДАТЕЛИ. ИНСПЕКТОРЫ.

Глаза мисс Флитворт сузились:

– Инспектора? Акцизные, что ли? – спросила она.

– В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ...

Мисс Флитворт просветлела:

– Ну что ж ты сразу-то не сказал!

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ?

– Отец всегда брал с меня клятву – никогда не помогать акцизным. Говорил, стоит только подумать о них, как сразу хочется забраться куда-нибудь поглубже и никогда не вылезать. Говорил, на свете есть смерть и есть налоги, и налоги хуже смерти, потому что смерть по крайней мере не приходит каждый год. Когда он начинал рассуждать об акцизных, нас, детей, выгоняли из комнаты. Скверные это создания. Только и знают, что шнырять вокруг да спрашивать: а что это у вас там под хворостом, да что это там у вас в тайнике под полом – а это, между прочим, не ваше собачье дело!

Мисс Флитворт сплюнула.

Билл Двери был впечатлен. Слово “акцизный”, в котором вообще не было звука “р”, мисс Флитворт могла произнести так же раскатисто и смачно, как слово “мразь”.

– Сразу надо было сказать, что у тебя с ними нелады, – попеняла мисс Флитворт. – Акцизных в наших краях не любят. Во времена моего папаши, если акцизный совал свой нос в наше село, ему привязывали к ногам жернов и бросали в пруд.

– МИСС ФЛИТВОРТ, НО В ЭТОМ ПРУДУ ВОДЫ ЕДВА ПО КОЛЕНУ!

– Мы-то это знаем. А они-то нет! Смотреть было – обхохочешься. Да, зря ты сразу не сказал. Наши-то все решили, что ты сам по налоговой части.

– НЕТ. Я КАК РАЗ ПО ДРУГОЙ ЧАСТИ.

– Ну, да... А я и не знала, что там наверху тоже есть акцизные. Надо же.

– ЕСТЬ. В НЕКОТОРОМ СМЫСЛЕ.

Мисс Флитворт придвинулась поближе.

– Так когда он придет?

– ЭТОЙ НОЧЬЮ. ТОЧНО СКАЗАТЬ НЕ МОГУ. НА ОДНИХ ЧАСАХ ЖИВУТ ДВОЕ, ТОЧНО ВЫЧИСЛИТЬ ТРУДНО.

– Не думала, что можно подарить кому-то другому свое время.

– Люди делают это постоянно.

– Но что этой ночью – это точно?

– Точно.

– И как ты думаешь, коса сработает?

– НЕ ЗНАЮ. ОДИН ШАНС ПРОТИВ МИЛЛИОНА.

– Н-да... – Мисс Флитворт свела брови, словно задумавшись о чем-то. – Но в общем до вечера ты свободен?

– Да, а что?

– Ну, значит, ты можешь начинать косить.

– Что?

– Убирать урожай. Это тебя займет. Отвлечет немного. И потом, я ведь плачу тебе шесть пенсов в неделю. Шесть пенсов – это, знаешь ли, шесть пенсов!

Дом миссис Кекс стоял все на той же улице Вязов. Вертрам постучал.

Вскоре голос из-за двери спросил:

– Есть тут кто?

– Стукни один раз, если ты здесь, – тихо перевел Шлепсель.

Вертрам приподнял крышку отверстия для писем и газет.

– Прошу прощения, здесь проживает миссис Кекс?

Дверь отворилась.

Миссис Кекс оказалась совсем не такой, как представлял ее себе Вертрам. Это была видная женщина – не полная, а просто более масштабно сложенная. Такие люди всегда идут по жизни, чуть пригнувшись и извиняясь за то, что смотрят на всех сверху вниз.

Еще у нее были прекрасные волосы. Они плащом сбегали по ее плечам и спине. Уши у нее были чуть заостренные, а великолепные белые и ровные зубы как-то не по-хорошему поблескивали на свету.

Вертрам и сам удивился той быстроте, с которой его обостренные чувства зомби подсказали ему верный вывод.

Он глянул вниз. Волчек сидел у его ног по струнке, не в силах даже вильнуть хвостом от восхищения.

– Мне кажется, вы не миссис Кекс, – осторожно предположил Вертрам.

– А, вы к маме, – протянула высокая девушка. – Ма-ам! К тебе какой-то джентльмен!

Далекое ворчание и охание стало недалеким, и миссис Кекс показалась из-за спины своей дочери, как маленькая луна показывается из конуса тени большой планеты.

– Вам чего? – спросила миссис Кекс.

Вертрам отступил на шаг. В отличие от дочери, миссис Кекс была небольшого роста и обладала совершенно округлыми формами. Также в отличие от дочери, которая всеми силами старалась казаться маленькой, миссис Кекс выглядела огромной. Причиной тому была в основном ее шляпа, которую, как Вертрам узнал позже, она, подобно волшебникам, не снимала никогда. Шляпа была огромная, черная, увешанная побрякушками, птичьими крылышками, восковыми вишенками и булавками; такую шляпу Кармен Миранда¹⁷ могла бы надеть на похороны какого-нибудь материка. Миссис Кекс плыла под этой шляпой, как корзина под монгольффером. Люди, общавшиеся с миссис Кекс, нередко ловили себя на том, что разговаривают с ее шляпой.

– Миссис Кекс? – спросил замороженный этим зрелищем Вертрам.

– Здесь я. Внизу, – отвечал немного укоризненный голос. Вертрам опустил глаза.

– Она самая, – сказала миссис Кекс.

– Миссис Кекс это вы? – спросил Вертрам.

– Эт я знаю, – сказала миссис Кекс.

– Меня зовут Вертрам Пум.

– Эт я тоже знаю.

– Дело в том, что я волшебник...

– Эт можно, только ноги вытирайте.

– Разрешите войти?

Вертрам Пум умолк. Он прокрутил реплики их короткой беседы в своем безукоризненно работающем мозгу еще раз – и понимающе улыбнулся.

– Есть такое дело, – подтвердила миссис Кекс.

– Простите, а вы случайно не ясновидящая?

– Секунд на десять, мистер Пум.

Вертрам растерялся.

– Вопросик задаем, не тянем – поторопила миссис Кекс. – У меня страх как голову ломит, если я уже и предусмотрела вопрос, и на него ответила, а человек его возьмет да и не даст.

– И как далеко вы можете заглядывать в будущее, миссис Кекс?

Миссис Кекс кивнула.

– Ну, штош, – подытожила она, явно удовлетворенная церемонией знакомства, и пошла по коридору в маленькую гостиную. – Бабай ваш тоже пускай заходит, только дверь

¹⁷ *Бразильская певица первой половины XX века, прославившаяся, помимо выдающихся вокальных данных, своими поразжающими воображение головными уборами из фруктов. (Получить представление о том, как это выглядело, можно, например, [здесь](#).) В 1939 г. ее назвали третьим по популярности человеком в США. Я рассказываю вам об этом потому, что у большинства наших с вами предков в то время были несколько другие заботы. (Прим. перев.)*

оставь снаружи, а сам дуй в подвал. Не в моем это заводе, чтобы бабай по дому шлындали.

– Сто лет не сидел в нормальном подвале! – воскликнул Шлеппель.

– Там полно пауков, – предупредила миссис Кекс.

– Не может быть!

– А вам чашку чая, – обратилась миссис Кекс к Вертраму. Другая дама сказала бы “а вам, должно быть, чашку чая?” или “вы ведь не откажетесь от чашечки чая?” Но во фразе миссис Кекс вопросительного знака не было.

– Да, спасибо, – согласился Вертрам. – Чашка чая была бы очень кстати.

– Я бы не советовала, – возразила миссис Кекс. – Вредно для зубов.

Вертрам догадался:

– Две сахара, пожалуйста, – сказал он.

– Да, мне тоже нравится.

– Как у вас тут уютно, миссис Кекс, – нашелся Вертрам после короткого лихорадочного размышления. Привычка миссис Кекс отвечать на вопрос, который ещё только зарождался у вас в голове, могла озадачить самый резвый ум.

– Уж десять лет, как на том свете, – произнесла она.

– Э-э, – замялся Вертрам, но вопрос уже сорвался у него с языка. – Надеюсь, мистер Кекс в добром здравии?

– Что поделать, никто не вечен, – вздохнула миссис Кекс. – Но мы с ним на короткой ноге.

– Какая жалость! – воскликнул Вертрам.

– Да пожалуйста, если вам так легче, – кивнула миссис Кекс.

– Миссис Кекс, знаете, что? Мне это немного мешает. Не могли бы вы отключить вот это ваше... презнание?

– Извините. Так-то я обычно держу включенным, – пояснила миссис Кекс. – Нас тут всего только я, Людмила да Там-Один-Ведро. Не, он призрак, – добавила она. – Не, я просто знала, что вы это спросите.

– Я слышал, что у медиумов бывают духи-покровители из коренных народностей, – заметил Вертрам.

– Щас он покровитель! – фыркнула миссис Кекс. – Наоборот, на подхвате. Я ж со всякой ерундой не вожгаюсь – всякими там картами, шарами да столиками. А эктоплазму эту вашу терпеть не могу вообще. Этой дряни в моем доме не будет! Ковры после нее не отчистить – даже уксус не берет.

– Надо же, – заметил Вертрам Пум.

– Трансами тоже не занимаемся. Не мое это. Никаких этих всяких сверхъестественных штук. Сверхъестественное противно естеству! С этим – не ко мне.

– Гм, – осторожно заметил Вертрам. – Некоторые считают, что дар медиума сам по себе нечто, ну, как бы так сказать... сверхъестественное.

– Е-рун-да! Чепуха это на постном масле. Ничего сверхъестественного в покойниках

нету. Скажете тоже! Ведь все там будем.

– Надеюсь, что вы правы, миссис Кекс. Надеюсь, что это так.

– Так, мистер Пум, вам, собственно, что угодно? Презнание я выключила, так что придется вам самому мне сказать.

– Миссис Кекс, я хотел бы понять, что происходит.

Из-под пола донесся приглушенный удар и восхищенный голос Шлеппеля:

– Ух ты! Тут и крысы есть!

– Я ходила, – начала миссис Кекс, – пробовала вашим волшебникам объяснить. Никто и ухом не повел. Я, конечно, заранее знала, что так выйдет, но попробовать все равно пришлось. Иначе откуда бы я знала.

– А к кому вы обращались?

– Да там был один такой – в красном пальте и с усами, будто кошку проглотил.

– Архканцлер, – уверенно определил Вертрам.

– Потом один такой толстый-толстый. Ходит вперевалку, как утка.

– Как утка? Это декан.

– Они меня назвали “почтенная старушка”! – фыркнула миссис Кекс. – И велели пойти заняться своими делами. Ну, и надо оно мне - тыркаться, помогать волшебникам? Ни “здрасьте”, ни “спасибо”. “Почтенная старушка”, тьфу!

– Боюсь, что волшебники вообще не умеют слушать, – вздохнул Вертрам. – Я сам ничего не слушал сто тридцать лет подряд.

– Это почему так?

– Должно быть, чтобы не вслушиваться в чушь, которую я городил. Так что же происходит, миссис Кекс? Мне вы можете всё сказать – я хоть и волшебник, но, так сказать, на покое. Вот Шлеппель говорит, что это из-за жизненной силы.

– Ну да. Набирается она.

– Что это значит?

– Ее больше, чем надо. И получается это... – миссис Кекс покачала ручками, – ну, как это называется, когда на разных чашках весов не одинаково?..

– Дисбаланс? Неравновесие?

Миссис Кекс кивнула. Она, казалось, читала с невидимого листа.

– Да, одно из двух. Такое бывает иногда – маленький перебор, и становится полно привидений, потому что жизнь из тела выходит, но не уходит никуда. Или вот зимой наоборот, недобор, потому что она как бы утекает. Возвращается весной. А некоторые вещи же ее накапливают...

Университетский садовник Модо, мыча себе под нос незатейливую песенку, толкал в свой закуток, расположенный между библиотекой и факультетом магии высоких энергий¹⁸, странную тележку с сорняками, предназначенными в компост.

Интересная жизнь творится вокруг, думал он. Здорово все-таки работать с волшебниками. Что ни говори, а вместе мы – сила. Они там стерегут равновесие космоса, гармонии вселенной и измерений – а я тут слежу, чтобы тля на розах не заводилась...

Что-то металлически брякнуло. Модо приподнялся на цыпочки и посмотрел поверх снопа травы.

– Ещё одна?

Путь ему преграждала корзинка из блестящей проволоки на маленьких колесиках.

Может, волшебники купили ему и ее тоже? Первая оказалась весьма полезной штукой, хотя толкать ее немного трудно: маленькие колесики все время едут в разные стороны. Приноровиться надо.

Хм, а в этой можно возить ящики с рассадой. Модо столкнул вторую тележку с дороги и услышал за своей спиной звук, который, если бы его написать буквами – и если бы Модо умел писать – можно было бы записать как “глоп”.

Модо обернулся, увидел в сумерках свечение самой большой из компостных ям и сказал ей:

– А что я принес тебе на ужин!

Тут он понял, что содержимое ямы шевелится.

– И некоторые места, – продолжала миссис Кекс.

– Но по какой причине она накапливается?

– Да это как гроза собирается. Знаете вот это вот ощущение перед грозой, когда все как на иголках? Вот это оно, то, что сейчас происходит.

– Это верно, но, миссис Кекс, почему?

– Как знать... Там-Один-Ведро говорит, ничто не умирает.

¹⁸ Единственное здание в университете, построенное в текущем тысячелетии. Старшим волшебникам не очень интересно, чем занимаются там их более молодые, сухощавые и не носящие очков коллеги. К их непрерывным просьбам профинансировать тауматический ускоритель и радиационные щиты, старшие волшебники относятся, как родители к просьбам детей увеличить им выдачу карманных денег, но они со сдержанным интересом выслушивают их путаные рассказы о поисках элементарных частиц, из которых состоит сама магия. Старшие волшебники прекрасно знают, что истинное предназначение магии – быть строительным материалом той социальной пирамиды, в которой волшебники занимают вершину, устраивая на ней великолепные обеды. В один прекрасный день эта политика может оказаться серьезной ошибкой со стороны старших волшебников, особенно если они все-таки позволят младшим волшебникам достроить эту чертову штуковину, которую те строят на том теннисном корте. (*На теннисном корте Энрико Ферми построил первый ядерный реактор – Прим. перев.*)

Однако из стен факультета МВЭ уже вышла одна из самых удивительных вещей во вселенной – антипаста. Обычную пасту готовят за несколько часов до приема внутрь. Антипаста создается спустя несколько часов после еды, поскольку она движется во времени не вперед, а назад, и, будучи приготовлена должным образом, попадает на вкусовые пупырышки в нужный момент, создавая ощущение подлинного взрыва вкуса. Стоит она пять тысяч долларов за столовую ложку, или даже больше, если в стоимость включается последующее отмывание стен от томатного соуса.

– Что, простите?

– Чепуха, да? Он говорит, жизни кончаются, но не уходят. Перестали уходить. Так и торчат тут.

– Как привидения?

– Да не как привидения. Как... Как лужи. Когда луж много, получается море. Да и потом, привидения бывают только от людей. Привидений кабачков не бывает.

Вертрам Пум откинулся на спинку кресла. Он представил себе огромный водоем жизни, озеро, которое наполняют миллионы коротких ручейков – жизнью существ, доживших до конца своего срока. Давление скопившейся в озере жизни все нарастает. И жизнь протекает из любой дырочки.

– Скажите, а как вы думаете, я мог бы переговорить с Тут-Одним... – начал он и вдруг прервался. Он встал и прошаркал к серванту миссис Кекс. – Миссис Кекс, как давно у вас вот этот предмет? – спросил он строго, указывая на знакомый стеклянный шар.

– Вот этот? Вчера купила. Милая вещица, а?

Вертрам потряс шар. Он был как две капли воды похож на те, что хранились у него под половицами. Снежинки взвились вихрем и стали падать на искусно выточенную модель Развидимого Университета.

Он что-то явственно ему напоминал. Он, конечно, напоминал ему об Университете, но... сама форма его намекала на что-то, наводила на мысль о...

Об завтраке?

– Что же это такое происходит? – спросил он, обращаясь скорее к себе самому. – Повсюду эти треклятые штуковины.

Волшебники спешили по коридору.

– Как можно убить привидение?

– Откуда мне знать? В нормальной ситуации такой вопрос не возникает.

– По-моему, в таком случае нужно вызывать экзорциста.

– Нужно вызывать их за что?

Но декан оказался готов к этому.

– Не за что, уважаемый архканцлер, а кого. Эк-зор-циста. А их нам вызывать незачем.

– А что же мы будем их вызывать, если незачем? Вы уж разберитесь сначала, а потом советуйте.

Раздался душераздирающий вопль. Он прокатился между колонн, под темными сводами арок, и вдруг оборвался.

Архканцлер остановился, как вкопанный. Волшебники по одному врезались в него.

– Это же душераздирающий вопль, – произнес он и, взревев, – За мной! – бросился за угол.

За углом раздался металлический лязг и послышалась яростная ругань.

Что-то маленькое, раскрашенное в красные и желтые полосы, с торчащими клычками

и тремя парами крыльев вылетело из-за угла и пронеслось над головой декана с жужжанием маленькой циркулярной пилы.

– Кто-нибудь может мне сказать, что это было? – спросил слабым голосом казначей. Существо, облетев волшебников, метнулось во тьму под потолком и исчезло в ней. – И попросите его не ругаться так страшно.

– Вперед, – позвал декан. – Надо посмотреть, что с ним случилось.

– Это обязательно? – спросил капитан знатоков.

Волшебники заглянули за угол. Архканцлер сидел на полу и потирал лодыжку.

– Какой кретин поставил это здесь? – возмущенно спросил он их.

– Поставил здесь что именно? – не понял декан.

– Да вот эту чертову проволочную херь на колесиках! – объяснил архканцлер. За его спиной из воздуха материализовалось небольшое фиолетовое паукообразное и поторопилось скрыться под сводом потолка. Волшебники его не заметили.

– Какую проволочную херь на колесиках? – переспросили волшебники хором.

Навернулли огляделся вокруг себя.

– Я готов поклясться, что только что тут... – начал было он, но тут раздался ещё один вопль.

Архканцлер вскочил на ноги:

– За мной, коллеги! – воскликнул он, героически захромав по коридору.

– Почему надо бежать туда, откуда доносятся душераздирающие вопли? – тихо спрашивал сам себя капитан знатоков. – Это противно здравому смыслу.

По коридору и галереям волшебники трусцой выбежали в закрытый дворик.

В самой середине старинного газона высилось нечто круглое и темное. Из его недр с непристойными звуками выходили тонкие струйки пара.

– Это что?

– Не может же компостная куча оказаться на середине газона?

– Модо это очень не понравится.

– Гм, пожалуй. – Декан присмотрелся повнимательнее. – Тем более, что, кажется, из этой кучи торчит его нога.

Компост покосился в сторону волшебников и издал утробный звук. Затем он двинулся на них.

– Ах вот как, – воскликнул Навернулли и в предвкушении потер ладони. – Так, коллеги, у кого при себе найдется подходящее волшебство?

Волшебники сконфуженно захлопали себя по карманам.

– Тогда я отвлекаю на себя его внимание, а казначей и декан освобождают Модо, – скомандовал архканцлер.

– Ну, вот, как всегда... – пробормотал декан.

– А как вы собираетесь отвлечь внимание кучи компоста? – поинтересовался капитан

знатоков. – Я лично не думаю, что она вообще обладает таковым.

Навернулли снял с головы шляпу и бодрым шагом вышел на траву.

– Эй ты, мусор! – грозно окликнул он.

Капитан знатоков тихо застонал и закрыл лицо руками.

Навернулли помахал шляпой перед кучей:

– Биоактивные отходы! Вторсырье!

– Шлаковая масса, – предложил профессор новейших древностей.

– Направление верное, – одобрил архканцлер. – Надо разозлить эту сволочь!

За его спиной из ничего возник немного другой образец ненормальной осы и улетел прочь, сердито жужжа.

Компост сделал выпад в сторону шляпы.

– Копролит! – выкрикнул Навернулли.

– Однако! – пробормотал шокированный профессор новейших древностей.

Декан с казначеем по-пластунски подобралась к куче, схватили каждый по ноге садовника и потянули изо всех сил. После недолгих усилий Модо пробкой выскочил из кучи.

– Оно сожрало его одежду! – заметил декан.

– Сам-то он как?

– Дышит, – радостно возвестил казначей.

– А если ему и нюх отшибло, то он настоящий везунчик, – добавил декан.

Компост снова сделал выпад на шляпу архканцлера. Навершие шляпы с гортанным звуком исчезло в куче.

– Ах ты! Там ещё оставалось почти полбутылки! – взревел Навернулли. Капитан знатоков схватил его за руку.

– Архканцлер, крепитесь! Возьмите себя в руки!

Компост развернулся и двинулся на казначея. Волшебники отпрянули назад.

– Оно же не может обладать разумом? Или может? – спросил казначей.

– Вот ещё! Все, что оно умеет – это медленно перемещаться и пожирать органику, – успокоил его декан.

– Гм. Наденьте на него остроконечную шляпу и получите члена ученого совета, – заметил архканцлер.

Куча подбиралась к ним.

– Вообще-то перемещается оно не так уж и медленно, – поправился декан.

Все ожидающе повернулись к архканцлеру.

– Бежим!

Несмотря на общую корпулентность ученого собрания, его членам удалось преодолеть галерею на неплохой скорости. Волшебники протолкнулись, ссорясь и отпихивая друг друга, в дверь, захлопнули ее за собой и навалились на нее спинами. Очень скоро в дверь с

другой стороны ударило что-то сырое и тяжелое.

– Хорошо, что мы здесь, а оно там, – выдохнул казначей.

Декан посмотрел под ноги:

– Архканцлер, кажется, оно проходит через дверь, – сказал он тихо.

– Что за чушь? Мы все ее держим.

– Не в дверь – а через дверь.

Архканцлер принюхался:

– Что-то горит?

– Ваши туфли, архканцлер, – указал декан.

Навернулли тоже посмотрел себе под ноги. Зеленовато-желтая лужица подтекала из-под закрытой двери. Дерево чернело, камни брусчатки пола шипели, и кожаные подошвы туфель архканцлера явно попали в беду. Он прямо почувствовал, как становится ниже ростом.

Спешно развязав шнурки, архканцлер выполнил прыжок с места на сухой участок пола.

– Казначей!

– Слушаю, архканцлер.

– Передайте мне ваши туфли!

– Что, простите?

– Проклятье! Я приказываю передать мне ваши туфли, так-растак!

На этот раз над головой Навернулли материализовалось и немедленно шлепнулось ему на шляпу длинное существо с четырьмя парами крыльев, по две на каждой его оконечности, и тремя глазами.

– Но позвольте...

– Архканцлер я или нет?

– Несомненно да, но...

– Кажется, дверные петли подаются, – сообщил профессор новейших древностей.

Навернулли затравленно оглянулся.

– Перегруппируемся в главный зал! – скомандовал он. – Выполняем, э-э, стратегическое отступление на заранее заготовленные позиции!

– Кто это их заготовил? – поинтересовался декан.

– Мы их заготовим! Когда зайдем! – пояснил архканцлер сквозь зубы. – Казначей! Туфли! Немедленно!

Когда волшебники добрались до массивных дверей главного зала, дверь, отделявшая их от компоста, наполовину истлела и рухнула. Двери главного зала выглядели значительно крепче.

Засовы были задвинуты и крюки наброшены.

– Расчистить столы и забаррикадировать дверь, – скомандовал Навернулли.

– Но оно же разъедает дерево, – напомнил декан.

Тщедушное тельце Модо, опущенное в кресло, издало слабый стон. Садовник открыл глаза.

– Только быстро, – повернулся к нему архканцлер, – как можно убить компост?

– Э-э-э... Да, по-моему, никак, сэр, – ответил садовник.

– Может быть, огнем? – предложил декан. – Я, наверное, мог бы метнуть небольшой эфебский огонь.

– Ничего не получится, – сказал Навернулли. – Слишком сырое.

– Оно уже здесь! – тревожно крикнул профессор новейшей древности. – Оно разъедает двери! Оно разъедает двери!

Волшебники отступили еще на несколько шагов к задней стене большого зала.

– Надеюсь, в него не попадет слишком много древесины, – промолвил все еще не оправившийся от потрясения Модо с искренней озабоченностью в голосе. – Если углерода слишком много, там прямо черт знает, что может случиться, пардон май хватч. Слишком много тепла выделяется.

– Знаешь, Модо, вот сейчас самое удачное время для лекции о динамике формирования компоста! – огрызнулся декан.

Гномам не известно значение слова “ирония”.

– Правда? Ну, значит, так, – Модо откашлялся. – Сбалансированное сочетание различных типов исходного сырья, вносимых строго согласно правилам...

– Дверь всё, – сообщил профессор новейшей древности, присоединяясь к остальным своим коллегам.

Баррикада из мебели задвигалась.

В отчаянии архканцлер тщетно обшаривал глазами зал. Тут взгляд его упал на знакомую пузатую бутылочку, стоящую на полке одного из буфетов.

– Углерод, – повторил он. – Это же должно быть то, из чего состоит уголь, так ведь?

– Откуда мне знать, – фыркнул декан. – Я вам что, алхимик?

Компост показался из-под завала. От него валил густой пар.

Архканцлер с тоской погладил бутылочку йо-майонеза. Он вынул пробку и глубоко втянул аромат правой ноздрей.

– Здесь его готовить совсем не умеют, – вздохнул он. – А из дома посылка дойдет не раньше, чем через пару недель...

Размахнувшись, он швырнул бутылочку в надвигающуюся кучу. Та тут же исчезла в бурлящей массе.

– Очень полезна крапива, – продолжал Модо за его спиной. – Добавляет железо. Или вот, скажем, живокость. Этой сколько угодно можно класть. С минералами так – чем больше, тем лучше. Но лично я считаю, что даже немного дикого чихотника...

Волшебники выглянули из-за поваленного на бок стола.

Компост остановился.

– Мне кажется, или оно становится больше? – спросил капитан знатоков.

– И глядит веселее, – подтвердил декан.

– И пахнет ужасно, – добавил казначей.

– Экая жалость, – грустно подытожил архканцлер. – Почти целая бутылка ушла. Только на днях открыл.

– Природа таит в себе удивительные тайны, стоит только приглядеться повнимательнее, – произнес капитан знатоков. – Что вы все на меня уставились? Я просто стараюсь поддерживать беседу.

– Знаете, вот бывают такие моменты, когда неудержимо хочется... – начал было Навернули, и тут компостная куча взорвалась.

Не было ни грома, ни грохота. Это было самое сочное, самое смачное извержение в истории метеоризмов. Столп багрового окаймленного черным пламени взметнулся к потолку. Фрагменты компоста разлетелись по залу и теперь стекали со стен и колонн.

Волшебники выглянули из-за своего укрытия, щедро обсыпанного спитым чаем. На голову декану шлепнулась капустная кочерыжка.

Декан поглядел на маленькую лужицу, пузырящуюся на камнях.

Лицо его медленно расплылось в улыбке.

– Так-то! – сказал он.

Остальные волшебники тоже перевели дух. Адреналиновый удар откатывался, оставляя по себе приятное умиротворение. Волшебники тоже принялись улыбаться и игриво стучать друг друга кулаком в плечо.

– Вкусни соусца! – ревел архканцлер. – Твое место – у забора, гумус ты ферментированный!

– Не лихо ли мы надрали ему задницу? – восторженно восклицал декан.

– Ваше предложение является вопросом, выражающим сомнение, – заметил капитан знатоков, – и я совсем не уверен. что у компостной кучи есть... – но он явно плевал против ветра.

– Будет знать, как связываться с волшебниками! – продолжал декан, которого явно несло. – Мы круты и...

– Модо как раз говорит, что у него там ещё три таких... – передал казначей.

Волшебники умолкли.

– Мы можем сходить за нашими посохами? Или нет? – спросил декан.

Архканцлер потыкал кусок компоста носком туфли.

– Неживое оживает, – пробормотал он. – Не нравится мне это. Что дальше? Ходячие статуи?

Волшебники невольно обернулись на статуи покойных архканцлеров, выстроившиеся вдоль Главного Зала да, собственно, и почти всех коридоров университета. Университет существовал уже тысячи лет, а средняя продолжительность пребывания в должности архканцлера составляет примерно 11 месяцев, так что статуй накопилось изрядно.

– Знаете, а лучше, наверное, вы бы этого не говорили, – промолвил профессор современных древностей.

– Просто подумал вслух, – ответил Навернулли. – Пойдемте-ка взглянем на остальные кучи.

– Точно! – подхватил декан, объятый совершенно не свойственной волшебникам молодецкой удалью. – Мы – банда! Банда мы или нет?

Архканцлер поднял удивленно бровь и обернулся к остальным волшебникам:

– Коллеги, мы – банда?

– Ну, на мой взгляд, в каком-то смысле мы, пожалуй, банда, – согласился профессор современных древностей.

– Я точно банда, – отозвался казначей. – Даже хожу в одних носках, как заправский бандит.

– Ну, если все банда, то и я банда, – примкнул капитан знатоков.

Архканцлер повернулся к декану снова:

– Выходит, вы правы, – сказал он. – Мы таки банда.

– Хоба! – воскликнул декан.

– Хоба что? – уточнил Навернулли.

– По содержанию – ничего, просто “хоба”, – сообщил капитан знатоков. – Популярное уличное восклицание, выражающее радость от удачи и подтверждение соучастия в социализирующих ритуалах воинственных групп и мужских союзов.

– Чего-чего? В смысле, это как “зыкинско”?

– Пожалуй, так, – согласился капитан знатоков по здоровом размышлении.

Навернулли повеселел. Анк-Морпорк до сих пор не баловал его славной охотой. Ему и не снилось, что можно так замечательно развлечься в своем собственном университете.

– Превосходно! – прогремел он. – Поглядим, что это за кучи!

– Хоба!

– Хоба!

– Хоба!

– Цоб-цобе!

Навернулли вздохнул:

– Казначей!

– Да, архканцлер?

– Ну, постарайтесь как-нибудь держаться в струе. Хорошо?

Тучи навалились на горы. Билл Двери вышагивал по первому полю, орудуя одной из простых крестьянских кос. Самая острая была оставлена в сарае, чтобы не затупилась от ветра. Помощники, нанятые мисс Флитворт, следовали за ним – вязали снопы. Мисс Флитворт, как понял Билл Двери, никогда не нанимала больше, чем одного косаря на всю страду, а по-

мощников брала по мере надобности – в целях экономии.

– В жизни не видал, чтобы рожь убирали косой, – сказал один из помощников. – Почему не серпом, спрашивается?

Жнецы сделали перерыв на завтрак и присели под изгородью.

Билл Двери никогда не уделял особого внимания именам и лицам людей – сверх того, что требовала работа. Поле покрывало весь склон холма; рожь состоит из отдельных колосьев, и с точки зрения одного колоса другой колос может быть очень выдающимся и обладать десятком занятных и забавных милых особенностей, отличающих его от всех других колосьев. Но для жнеца все колоски – просто колоски.

Теперь же он начинал замечать различия.

С ним работали Вильям Затычка, Ботало Габби и Барон Задаст. Все трое, насколько Билл Двери мог судить, мужчины в возрасте, с зарубелыми, обветренными лицами. В деревне было полно молодежи, и парней, и девок, но все они в какой-то момент вдруг превращались в пожилых, минуя все промежуточные возрасты. Пожилыми они оставались долгие годы. Мисс Флитворт как-то рассказывала, что в этих краях, чтобы начать кладбище, приходилось оприходовать кого-нибудь лопатой по башке.

Вильям Затычка за работой пел, время от времени издавая высокое скрипучее протяжное “э-э-эх” или “о-ой да”, обычно означающее, что окружающим предстоит прослушать традиционную народную песню. Ботало Габби за все время не произнес ни слова; по этой-то причине, сообщил Вильям, его и прозвали Боталом. Билл Двери так и не смог понять эту логику, хотя всем остальным она была очевидна. А Барону Задасту имя дали родители, желавшие детям в окружающем их классовом обществе лучшего будущего, как они его понимали: братья его носили имена Граф, Принц и Король.

Сейчас они сидели рядом в тени изгороди, откладывая минуту, когда придется вставать и приниматься за работу снова. С одного конца ряда слышались неспешные глотки.

– А выходит, не такое уж дрянное выдалось лето, – заметил Затычка. – И погода на страду установилась ничего такая.

– Да ладно. Губу-то лучше не раскатывать, – согласился Барон. – Давеча видел я, как паук паутину плетет задом наперед. Буря надвигается, я тебе говорю.

– Вот откуда паукам такие вещи знать, а?

Ботало Габби протянул Биллу Двери большую глиняную флягу. Внутри что-то плеснуло.

– Что это?

– Яблочный сок, – ответил Затычка. Остальные засмеялись.

– А-а, – сообразил Билл Двери. – КРЕПКИЙ ОЧИЩЕННЫЙ СПИРТНОЙ НАПИТОК, КОТОРЫЙ В ШУТКУ ДАЮТ НИЧЕГО НЕ ПОДОЗРЕВАЮЩЕМУ НОВИЧКУ ДЛЯ НЕХИТРОГО УВЕСЕЛЕНИЯ ПУБЛИКИ, НАБЛЮДАЮЩЕЙ ЗА ЕГО ВНЕЗАПНЫМ ОПЬЯНЕНИЕМ.

– Точно так, – подтвердил Затычка.

Билл Двери сделал длинный глоток.

– Опять же вот и ласточки летают низко, – добавил Барон. – Куропатки в рощу подались. Улитки крупные повылазили. К тому же...

– А я вот думаю, что ни одна из этих тварей ни аза не смыслит в погоде, – не сдавался Затычка. – Может, это ты им рассказываешь. Ребята, мол, буря надвигается, так что давай, мистер паук, сбаци-ка нам какую-нибудь этнографию.

Билл Двери отпил ещё.

– КАК ЗОВУТ ДЕРЕВЕНСКОГО КУЗНЕЦА?

Затычка кивнул:

– Нед Симнель, через вон тот луг. Только у него сейчас дел по горло – страда же.

– У МЕНЯ ЕСТЬ ДЛЯ НЕГО РАБОТА.

Билл Двери поднялся и зашагал в сторону калитки в изгороди. Пройдя немного, он обернулся:

– ЧТО ТАКОЕ?

– Флягу-то куда понес?

В деревенской кузнице было жарко, душно и темно. Но Билл Двери никогда не жаловался на зрение.

Из непонятной мешанины железяк торчало что-то движущееся. При более внимательном рассмотрении оно оказалось нижней половиной человека. Верхняя половина таилась где-то внутри механизма, издавая время от времени возгласы и ругательства.

Когда Билл приблизился, из железяк к нему протянулась рука:

– Порядок. Давай шплинт на три восьмых.

Билл поглядел по сторонам. По кузнице было разбросано множество разнообразных инструментов.

– Ну, где ты там? – поторопил голос изнутри машины.

Билл Двери наугад выхватил какую-то штуковину и вложил ее в протянутую руку. Рука втянулась внутрь. Послышался звон и сердитый голос:

– Я же просил шплинт, а не... – тут раздался надсадный скрип железа по железу и вопль, – Палец! Мой палец! Из-за тебя... – потом металлический лязг и, – А-а-а! Прямо по затылку! Ты глянь только, что я из-за тебя тут натворил. Пружина храповика опять со шкворня слетела, понимаешь ты?

– НЕ ПОНИМАЮ. ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

Кузнец помолчал и спросил:

– Эгберт, малыш, это ты?

– НЕТ. ЭТО НЕ ВАШ СЫН. ЭТО СТАРИНА БИЛЛ. БИЛЛ ДВЕРИ.

После нескольких глухих и звонких ударов нижняя половина туловища извлекла из механизма верхнюю и всё вместе оказалось молодым человеком с черными кудрями, чумазым лицом, в черной рубаше и черном кожаном переднике. Кузнец вытер лицо передником, проведя по щекам светлый след, и пальцем вытряхнул капли пота из глаз.

– Ты кто вообще?

– Билл Двери. РАБОТНИК МИСС ФЛИТВОРТ. ВЫ МЕНЯ ПОМНИТЕ?

– А, ну как же! Который пошел в огонь! Герой, кто же не знает! Давай пассатижи.

Кузнец протянул черную руку. Билл Двери поглядел в нее.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ. Я ПО-ПРЕЖНЕМУ НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ ШПЛИНТ НА ТРИ ВОСЬМЫХ ИЛИ...

– В смысле, руку давай.

Билл Двери помедлил, но пожал руку кузнеца. Очерченные масляными кругами глаза молодого человека расширились на мгновение, но потом мозг отменил сообщения органов осязания, и кузнец улыбнулся.

– Симнель меня зовут. Как тебе это?

– ХОРОШЕЕ ИМЯ.

– Да нет! Я про машину. Гениально же, скажи?

Билл Двери оглядел груды железа с вежливым интересом. С первого взгляда это казалось самоходной ветряной мельницей, на которую напало гигантское насекомое, а со второго передвижной камерой пыток для инквизиции, которой захотелось попутешествовать по миру – людей посмотреть и себя показать. Загадочные рычаги и захваты торчали в разные стороны. Виднелись приводные ремни и длинные пружины. Все это было установлено на большие железные колеса со спицами.

– Конечно, когда она стоит на месте, смотреть особо не на что, – заметил Симнел. – Нужна лошадь. По крайней мере, пока еще нужна. Есть у меня на этот счет пара идей... – добавил кузнец мечтательно.

– ЭТО КАКОЕ-ТО УСТРОЙСТВО?

Симнель, казалось, несколько обиделся.

– Мне больше нравится слово “механизм”. – ответил он. – Он полностью перевернет все сельское хозяйство и железной рукой загонит его в век Летучей Мыши! Эта кузница принадлежит нашей семье уже триста лет, но Нед Симнель не собирает всю свою жизнь прибивать гнутые полоски железа к копытам лошадей, попомни мое слово!

Билл посмотрел на него с недоумением. Затем он присел на корточки и заглянул под машину. К большому горизонтальному колесу были прикованы двенадцать серпов. Хитрые соединения передавали вращение с колес при помощи удивительно ловко сочлененных железных рычагов.

Билл с ужасом и сам начал понимать, что именно стоит перед ним, но все же спросил для верности.

– Значит, самое главное тут – вот этот кулачковый вал, – принялся объяснять Симнел, обрадовавшись вниманию. – Вот на этот шкив приходит вращение с вот этого колеса, кулачки толкают поршни – вот эти самые – возвратно-поступательный механизм двигает грабли точно тогда, когда вот этот зажим отпускает заслонку, и открывается вот эта прорезь, ну и, конечно, в это время вот эти два бронзовых шара ходят по кругу, поддоны уносят мякину, а зерно, которое тяжелее, падает по вот этому винтовому столбу в приемный ковш. Просто, как все гениальное!

– А ШПЛИНТ НА ТРИ ВОСЬМЫХ?

– О! Спасибо, что напомнил! – Симнель пошарил вокруг себя в мусоре на полу и поднял что-то маленькое и заостренное с одного конца. Он с силой вставил его в какую-то выступающую часть машины. – Это очень важная штука. Она удерживает эллиптический кулачок, который скользит по балансиру, чтобы он не попал в желоб фланца. Последствия будут самые ужасные!

Симнель отошел от машины и вытер руки тряпкой, добавив на них ещё немного масла.

– Я назвал его Всепожинатель, – сказал он.

Билл Двери вдруг почувствовал себя очень старым. Вообще говоря он и был очень стар. Но до сих пор он никогда не чувствовал себя таким старым. Где-то в глубине души он почувствовал, что безо всяких объяснений кузнеца понимает, какую именно работу должен выполнять Всепожинатель.

– Вот оно как...

– Завтра днем устроим первое испытание на большом поле старины Пидбери. Должен признаться, я полон самых радужных надежд. Перед вами, мистер Двери, само будущее!

– О, да.

Билл Двери провел рукой по корпусу машины.

– А ЗЕРНО?

– В смысле? Что – зерно?

– Что оно об этом подумает? поймет ли оно?

Симнель фыркнул:

– В смысле – поймет? Ничего оно не поймет. Зерно – это ж просто зерно.

– А ШЕСТЬ ПЕНСОВ – ЭТО ШЕСТЬ ПЕНСОВ.

– Ну, да... – Симнель вдруг встрепнулся. – А ты за чем приходил-то?

Высокий силуэт мрачно водил пальцем по ребрам хорошо смазанного механизма.

– Мистер Двери?

– Прошу прощения? Ах, да. Я хочу попросить вас кое-что сделать.

Билл шагнул наружу из дверей кузницы и почти в то же мгновение вернулся с чем-то, завернутым в шелк. Он осторожно развернул ткань.

Рукоять для лезвия он смастерил новую – не прямую, какими пользуются в горах, а двояковогнутую, как на равнинах.

– Обковать ее? Пятку укрепить? Заклепки поменять?

Билл Двери покачал головой.

– МНЕ НУЖНО ЕЕ УБИТЬ.

– Как убить?

– Совсем. Полностью убить. Она должна быть совершенно мертвой.

– Хорошая коса, – заметил Симнель. – Жалко. Эк ты ее наточил-то...

– НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ!

Симнель сунул порезанный палец в рот.

– Надо же, – удивился он. – Готов поклясться, что я ее пальцем не тронул. Моя рука была в паре дюймов от лезвия. Острая, ничего не скажешь.

– ДА, ДОВОЛЬНО ОСТ... – тут симнель взмахнул косой в воздухе. Потом он засунул в ухо мизинец и повертел. – ...РАЯ.

– Ты точно знаешь, чего просишь? – спросил Симнель для уверенности.

Билл Двери изложил свою задачу ещё раз, медленно и отчетливо.

– Ну, что ж, – пожал плечами Симнель. – Наверно, я мог бы расплавить лезвие и сжечь рукоять.

– ПРЕВОСХОДНО.

– Как скажешь. Коса твоя. Да и потом, это вообще правильно. Теперь это устаревшая технология. Ненужная вещь.

Симнель ткнул большим пальцем через плечо в сторону Всепожинателя. Билл Двери понимал, что в механизме ничего нет, кроме железа и холста, и что он не может подслушивать. Но он подслушивал. Больше того, он слушал с ледяной, металлической наглостью.

– БОЮСЬ, ЧТО В ЭТОМ ВЫ ПРАВЫ.

– А ты мог бы уговорить мисс Флитворт купить такую штуку, а, мистер Двери? Он просто создан для таких маленьких хозяйств, как ваше. Я прямо так и вижу, как ты ведешь его по утренней прохладе, а ремни так и ходят, из разбрызгивателей льется вода...

– НИКОГДА.

– Да ладно! Он ей вполне по карману. Говорят, у нее там сундуки со старыми сокровищами.

– НЕТ!

– Но... – Симнель умолк. В последнем “нет” послышалась такая же отчетливая угроза, как в скрежете трескающегося льда на глубокой реке. Оно означало, что сделай Симнель ещё один шаг в эту сторону, и это окажется самый глупый шаг в его жизни. – Ну, тебе лучше знать, – закончил он тихо.

– ЭТО ВЕРНО.

– Тогда за косу с тебя... – Симнель подумал немного. – Ну, скажем, фартинг. Мне очень неудобно, но угля уйдет прорва, а гномы цены задрали до...

– ПОЖАЛУЙСТА. ЭТО НУЖНО СДЕЛАТЬ ДО НОЧИ.

Симнель не стал возражать. Если возразить Биллу, то он пробудет в кузнице ещё какое-то время, а Симнелю все больше начинало казаться, что в этом нет ничего хорошего.

– Как скажешь, как скажешь.

– ВАМ ВСЕ ПОНЯТНО?

– Конечно. Чего тут не понять.

– ЖЕЛАЮ ВАМ УДАЧИ, – торжественно попрощался Билл Двери и вышел.

Симнель закрыл за ним дверь и прислонился к ней спиной. Ф-фух. Нет, нормальный мужик, и все про него так говорят, но просто после пары минут рядом с ним у тебя по спине начинают бегать такие мурашки, какие, говорят, бывают, когда кто-то проходит по месту, где выкопают твою могилу.

Симнель прошелся по замасленному полу, наполнил чайник водой и поставил его на край горнила. Он взял гаечный ключ, чтобы нанести несколько завершающих штрихов во Всепожинателе, но тут заметил косу, прислоненную к стене.

На цыпочках он подошел к ней и тут же подумал, что это как-то невероятно глупо – подкрадываться к ней на цыпочках. Она не живая. Она не может слышать. У нее не острый взгляд – она просто выглядит острой.

Симнель поднял гаечный ключ, и ему стало не по себе. Впрочем, мистер Двери сам попросил... Да, мистер Двери попросил о странной вещи и употреблял при этом слова, совсем не подходящие для простого инструмента. Но по сути – кто Симнель, чтобы с ним спорить?

Симнель с силой опустил гаечный ключ прямо на лезвие.

Никакого сопротивления не было. Симнель мог поклясться, что гаечный ключ разлетелся на две половинки, словно сделанный из хлебного мякиша – и, опять-таки, не доходя нескольких дюймов до лезвия косы.

Кузнец задумался: может ли что-нибудь быть настолько острым, что начинает обладать даже не острой гранью, а самой сущностью остроты, полем абсолютной остроты, которое распространяется за пределы самых крайних атомов железа?

– Твою так!.. – произнес он громко.

Потом он вспомнил, что такое примитивное и полное предрассудков мышление не подобает человеку, умеющему снимать фасет со шплинта на три восьмых. С поршневым возвратно-поступательным соединением все просто. Оно либо работает, либо не работает. Никакой мистики в нем нет, это уж точно.

Симнель с гордостью ещё раз оглядел Всепожинатель. Конечно, без лошади он не тронется с места. Это несколько портит картину. Лошади – это вчерашний день. Завтрашний принадлежит Всепожинателю и его потомкам, которые сделают этот мир чище и лучше. Нужно всего лишь убрать из формулы лошадь. Он пробовал использовать пружинный завод, но ему не хватало мощности. Может быть, если попробовать завести...

Но тут чайник за его спиной закипел, выкипел и залил огонь.¹⁹

Симнель на ощупь выбрался из облака пара. Каждый раз одно и то же, каждый раз! Как только нужно как следует подумать, непременно происходит какая-нибудь бессмысленная ерунда.

Миссис Кекс задернула шторы.

– Скажите, а Там-Один-Ведро – кто он такой?

Миссис Кекс зажгла две свечи и уселась.

– Он из какого-то племени этих дикарей-язычников в Очудноземье, – коротко ответи-

¹⁹ По легенде, именно такое событие навело Джеймса Ватта на изобретение парового двигателя – который мог бы решить Неду Симнелю проблему лошади. (Прим. перев.)

ла она.

– Какое странное имя – Там-Один-Ведро, – продолжал Пум.

– Это сокращение. Ласкательное, – ответила миссис Кекс ещё короче. – Теперь давайте-ка, возьмемся за руки.

Миссис Кекс поглядела на Вертрама с сомнением.

– Ещё кто-то нужен, – сказала она.

– Я могу позвать Шлеппеля, – предложил Пум.

– Дудки! Не хватало мне, чтобы под моим столом сидел бабай и паялился мне на чулки! Людмила! – крикнула она.

Через пару мгновений бисерная занавеска, отделявшая кухню, раздернулась, и вошла та самая молодая женщина, которая открыла Вертраму дверь.

– Что, мама?

– Садись, дочка. Нам не хватает рук для сиянса.

– Хорошо, мама.

Девушка улыбнулась Вертраму.

– Это Людмила, – лаконично представила миссис Кекс дочь.

– Очень, очень приятно, – сказал Пум.

Людмила ответила ему светлой улыбкой, какие полируют до прозрачности хрусталия люди, которые давно уже научились скрывать свои чувства.

– А мы уже встречались, – продолжил Вертрам. С полнолуния прошел уже как минимум день, подумал он. Не осталось никаких следов. Ну, почти никаких. Надо же.

– Наказание мое, – заметила миссис Кекс.

– Мама, не начинай, – попросила Людмила без выражения.

– Беритесь за руки, – скомандовала миссис Кекс.

Некоторое время они сидели в полумраке. Потом Вертрам почувствовал, как миссис Кекс убрала руку.

– Огненную воду забыла, – пояснила она.

– А я так понял, что вам не по сердцу всякие атрибуты – доски, кристаллы и... – начал было Вертрам. Его прервало бульканье со стороны серванта. Миссис Кекс поставила на скатерть полный стакан и села обратно.

– Не по сердцу, – подтвердила она.

Снова повисло молчание. Вертрам беспокойно прочистил горло.

Наконец, миссис Кекс произнесла:

– Так! Там-Один-Ведро, я знаю, что ты здесь.

Стакан пошевелился. Янтарного цвета жидкость в нем заколыхалась.

Бестелесный голос заговорил:

– привет тебе, мой бледнолицый друг, с полей счастливой охоты...

– Брось! – оборвала миссис Кекс. – Все знают, что тебя переехала телега на Паточной улице в нетверёзом состоянии!

– а что я виноват, я не виноват совсем, я, что ли, виноват, что мой прадедушка перебрался в этот город? на самом деле меня должен был растерзать горный лев или огромный мамонт или ещё какая-нибудь дрянь. несправедливо, однако. и жил-то я нехорошо, и умер, как...

– Тут вот мистер Пум хочет задать один вопрос, – не дослушала миссис Кекс.

– ей здесь хорошо, она тебя простила и ждет не дожидается встречи с тобой, – сказал Там-Один-Ведро.

– Вы это про кого? – спросил Вертрам.

Там-Один-Ведро, казалось, замялся. Обычно к этим словам не требовалось никаких уточнений.

– ну, кого-кого, сам знай, кого, – осторожно отвечал дух. *– можно уже фунфырик, однако?*

– Нельзя, – отказала миссис Кекс. – Рано ещё.

– но мне очень надо, однако! тут такая духота!

– В каком смысле духота? – немедленно спросил Вертрам.

– духов значит много, – отвечал голос Там-Одного-Ведро. *– мало-мало много сот, однако.*

Вертрам удивился:

– Несколько сотен? – спросил он. – Это разве много?

– Духом не всякий делается, – отвечала миссис Кекс. – Чтобы духом сделаться, нужно чтобы какое-нибудь дело было надо закончить. Месть какую-нибудь страшную отомстить. Ну, или, там, быть маленькой пешкой в каком-нибудь вселенском плане.

– или очень огненной воды надо если, – добавил Там-Один-Ведро.

– Кто о чем, а вшивый о бане, – заметила миссис Кекс.

– я должен был возродиться на спиритуальном плане. ну хотя бы на виножном или брагиальном... – слышались всхлипы.

– Так куда же девается жизненная сила, когда вещи перестают жить? – спросил Вертрам. – Не из-за этого ли все наши проблемы?

– Отвечай давай, человек ждет, – поторопила миссис Кекс. Там-Один-Ведро не спешил с ответом.

– это ты про какой такой проблемы, однако?

– Все развинчивается. Одежда сама собой бегаёт по улице. Все становятся какими-то необычными живчиками. Вот такого рода.

– а, вот какой проблем. этот проблем мало-мало ерунда, однако. жизненная сила, она дырочку всегда найдет. об этом твоя пускай не волнуется.

Вертрам накрыл стакан ладонью.

– Мне кажется, есть кое-что, о чем стоит волноваться, – сказал он резко. – И это связа-

но с маленькими сувенирами из стекла.

– однако, моя говорить не хочет.

– Сейчас же скажи ему! – Это был голос Людмиллы, низкий, но чем-то приятный. Волчек не сводил с нее глаз. Вертрам улыбнулся. Есть все-таки и хорошие стороны в состоянии покойника. Начинаешь замечать вещи, на которые живые не обращают внимания.

Голос Там-Одного-Ведро сделался скрипучим и сварливым:

– а зачем это его надо чтобы моя сказал? моя тут может мало-мало здорово огрести за это, однако.

– А если я сам угадаю, ты сможешь подтвердить? – спросил Вертрам.

– н-ну... может быть. наверно.

– Тебе и говорить ничего не надо, – добавила миссис Кекс. – Просто стукни два раза, если да, и один раз, если нет. Как в старые добрые времена.

– вон как. ну ладно.

– Попробуйте, мистер Пум, – сказала Людмила. Ее голос Вертраму хотелось погладить.

Вертрам прочистил горло.

– Я думаю, – начал он, – что это что-то вроде яиц. Я подумал... завтрак, что ли?.. и потом я подумал – яйца.

Стук.

– Н-да. Ну, может быть, это глупость...

– простите, однако, один раз это да или два раза это да?

– Два же! – ответила духовидица.

Стук-стук.

– Ага! – воскликнул Вертрам. – И потом из них вылупляется что-то на колесиках?

– да это два стука, да?

– Да да же!

Стук-стук.

– Я так и думал. Я точно так и думал! – воскликнул Вертрам. – Я нашел одно у себя под полом, оно пыталось вылупиться, но ему не хватило места! – Тут же он нахмурился: – Но что, что же из них вылупляется?

Хваттам Навернулли пересек свой кабинет и снял свой посох со специальной стойки над камином. Он облизнул палец и осторожно дотронулся до набалдашника.

Сверкнула маленькая октаринная искра, и запахло разогретым металлом.

Архканцлер вернулся к дверям.

У двери он медленно обернулся – его мозг только сейчас закончил анализировать увиденное в забитом разным хламом кабинете и обнаружил странное.

– А это ещё что здесь делает? – спросил он.

Он ткнул странное посохом. Странное, брэнча и позвякивая, откатилось в сторону.

Оно было похоже, хотя и не совсем, на штуки, в которые служанки складывали швабры, чистое белье и все вот это, что служанки обычно возят по этажам. Навернулли сделал себе заметку отвезти эту вещь домоправительнице. Затем он выбросил ее из головы.

– Эти чертовы проволочные хреновины прямо повсюду, – пробормотал он.

На слове “хреновины” что-то, похожее на крупную медузу с кошачьими клыками возникло в воздухе, поболталось немного, оценивая обстановку, и полетело за ничего не подозревающим архканцлером.

Слова волшебников обладают силой. Ругательства тоже обладают силой. Сейчас, когда жизненная энергия кристаллизуется прямо из воздуха, она пользуется любыми возможными путями.

– города, – сказал Там-Один-Ведро. – моя так думай, это яйца городов.

Старшие волшебники снова собрались в Главном Зале.

Даже капитаном знатоков овладел некоторый энтузиазм. Пускать в ход магию против коллег-волшебников считалось дурным тоном, а использовать ее против штатских было вообще неспортивно. Нежданно-негаданно заполучить благородный повод для боевых действий – это очень будоражило.

Архканцлер оглядел коллег.

– Декан! Зачем у вас полосы по всему лицу? – поинтересовался он.

– Камуфляж, сэр!

– Камуфляж, вот как?

– Так точно, сэр!

– Ну, пусть его. Лишь бы вам нравилось.

Волшебники принялись красться к пяточку, который был маленькой вотчиной Модо. По крайней мере, многие из них кралась. Декан продвигался перебежками, то и дело налетая на стены и хрипло шепча “Есть, сэр! Так точно, сэр!”

Он совершенно сдулся, когда обнаружилось, что остальные кучи спокойно лежат там, где Модо их соорудил. Садовник, которого прихватили в экспедицию и дважды едва не расплющили деканом, потыкал в них вилами.

– Залегли на дно, – сказал декан. – Я же говорил, мы взорвали ко всем богам...

– Даже не теплые, – подытожил Модо свои изыскания. – Та, должно быть, была самая старая.

– Ты хочешь сказать, что воевать нам не с кем? – спросил архканцлер.

Тут земля под их ногами вздрогнула, и звяканье послышалось со стороны внутренних дворов.

Навернулли нахмурился:

– Опять кто-то катает эти чертовы проволочные корзинки, – проворчал он. – Сегодня вечером я нашел одну в своем кабинете!

– Ага, – заметил капитан знатоков. – Одна была в моей спальне. Я открыл шкаф, а она там.

– В шкафу? С какой стати вы запихнули ее в шкаф? – недоуменно спросил Навернул-ли.

– Я ничего никуда не запихивал. Я же вам рассказываю. Это, наверно, студенты. Такие у них шутки. Один раз кто-то подложил мне в кровать щетку для одежды.

– Я тут давеча споткнулся об одну, чуть не упал, – поведал архканцлер, – а когда оглянулся, ее уже укатили.

Звяканье усиливалось и приближалось.

– Ну, вот что, мой юный и чрезвычайно остроумный друг, – начал Навернул-ли, грозно похлопывая набалдашником посоха по ладони. Волшебники прижались к стене.

Предполагаемый катальщик тележек почти поравнялся с ними.

Навернул-ли с ревом выскочил из засады.

– Итак, мой юный и чрезвы... Йошкин ты кот!..

– Только не надо мне крутить вола! – возмутилась миссис Кекс. – Города не живые. Я знаю, есть люди, которые говорят, что да, но это ж они просто так говорят.

Вертрам Пум вертел в руке один такой снежный шарик.

– Их намётано уже, наверно, тысячи, – сказал он. – Но вряд ли все они проклянутся, иначе мы будем в городах по колено, не так ли?

– Значит, ты говоришь, что эти маленькие шарики вылупляются в огромные пространства? – уточнила Людмила.

– не сразу же. сначала, однако, подвижная стадия.

– Это вот то, что на колесиках, – сообразил Вертрам.

– однако, верно. моя так понимай, твоя и сам все уже знает.

– Мне кажется, что знаю, – ответил Вертрам Пум, – но не понимаю. А что потом, после подвижной стадии?

– однако, не знаю.

Вертрам встал.

– Значит, надо узнать, – сказал он.

Он посмотрел по очереди на Людмиллу и Волцека. Ну, да. Почему бы нет? Если ты можешь по дороге сделать для кого-то доброе дело, подумал Вертрам, то твоя жизнь – или что у тебя там вместо нее – уже была не зря.

Вертрам чуть ссутулился и подпустил хрипотцы в голосе:

– Вот только ноги мои уже не те, что были прежде, – проговорил он. – Если бы кто-нибудь сделал одолжение и помог мне! Вот вы, девушка – не могли бы вы проводить меня до Университета?

– Людмила в последнее время не выходит на улицу, – начала было торопливо миссис Кекс, – здоровье не позволяет.

– Да запросто, – перебила Людмила. – Мама, ну, ты же знаешь, уже целый день прошел с полнолу...

– Людмила!

– Но ведь прошел же!

– Не стоит в наше время девушке шляться по улицам в одиночку, – отрезала миссис Кекс.

– А пёсик мистера Пума отпугнет самого опасного злодея, – возразила Людмила. Услышав эти слова, Волчек с готовностью гавкнул и умоляюще завилял хвостом.

Миссис Кекс критически оглядела его.

– Зверь, я вижу, уж куда как послушный, – сказала она наконец.

– Ну, вот и славно, – подытожила Людмила. – Пойду, накину шаль.

Волчек перевернулся на спину и засучил лапами от восторга. Вертрам легонько пнул его ногой:

– Веди себя прилично! – сказал он.

Из мира духов послышалось вежливое покашливание Там-Одного-Ведро.

– Да помню, помню, – согласилась миссис Кекс. Она вынула из ящика связку спичек, зажгла одну об ноготь и бросила в стакан с виски. Напиток загорелся прозрачным синим пламенем, и где-то в астральном мире возник призрак двойного псевдополиса без содовой и просуществовал недолгое, но достаточное время.

Когда Вертрам Пум выходил из дома, ему показалось, что он слышит призрачное заунывное пение мимо нот.

Тележка остановилась. Она повернулась из стороны в сторону, словно осматривая волшебников. Затем выполнила резкий разворот на три точки и покатила на большой скорости прочь.

– Поймать! – прогремел архканцлер.

Он прицелился посохом и выпустил шаровую молнию, превратившую небольшой кусок брусчатки во что-то желтое и пузырящееся. Продолжавшая ускоряться тележка подскочила, но продолжала уходить, только одно ее колесо теперь брэнчало и скрипело.

– Оно из Подпольных Измерений, – предположил декан. – Забить гадину!

Архканцлер положил ему на плечо вразумляющую десницу.

– Не порите чушь. У гостей из Подполья гораздо больше щупальцев и всяких конечностей. Они не кажутся сделанными.

Волшебники замерли, услышав другую тележку. Она, делая вид, что ничего не происходит, катила по боковому проходу, остановилась, увидев или каким-то другим образом заметив волшебников, и весьма убедительно прикинулась просто забытой кем-то тележкой.

Казначей подкрался к ней.

– Не притворяйся! – прохрипел он. – Мы знаем, что ты можешь ездить.

– Мы все видели, – подтвердил декан.

Тележка продолжала сохранять низкий профиль.

– Она не может думать, – заявил профессор новейших древностей. – Там нет места для мозгов.

– А зачем ей думать? – возразил архканцлер. – Она просто ездит. Для этого мозгов вообще не нужно. Креветки вон тоже ползают.

Он провел пальцем по поперечным металлическим прутам. Те тихо прозвенели в ответ.

– Вообще говоря, креветки обладают довольно развитым... – начал было капитан знатоков.

– Не надо, – прервал Навернулли. – Гм... Так что же она, искусственная?

– Она из проволоки, – ответил капитан знатоков. – Проволоку кто-то должен проволочь. К тому же, колёса. В дикой природе колёса, мне кажется, не встречаются.

– Просто вблизи кажется, что она...

– Вся цельная, – заключил профессор новейшей древности, который с кряхтением опустил на колени, чтобы разглядеть объект исследования получше.

– Из одного куска. Монолит. Будто машина, которая выросла на дереве. Хотя это смешно.

– Может, и смешно. Но разве в Овцепиках не водится кукушка, которая мастерит часы, чтобы устроить в них себе гнездо?

– Ну, это всего лишь сложный брачный ритуал, – отмахнулся профессор новейшей древности. – Да и ходят эти часы из рук вон плохо.

Тут тележка, заметив брешь в стене волшебников, рванулась туда и ускользнула бы, если бы брешь не заткнул собой казначей, который с воинственным воплем впрыгнул в тележку. Тележка не остановилась, а покатилась, брэнча, к воротам.

Декан взмахнул посохом. Архканцлер перехватил его:

– Вы же попадете в казначея! – воскликнул он.

– Ну одну маленькую молнию!

– Соблазнительно, но – нет. Вперед! За ней!

– Так точно, сэр!

– Если вам угодно.

Волшебники заторопились в погоню. За ними, ещё не замеченный никем, понесся целый рой архканцлерских ругательств, жужжа и звеня крыльями.

А Вертрам Пум подвел свою маленькую экспедицию к Библиотеке.

Библиотекарь Развидимого университета, помогая себе костяшками пальцев, спешил к двери, которую сотрясал громopodobный стук.

– Я знаю, что вы там, – слышался голос Вертрама Пума. – Впустите нас. Это крайне важно!

– У-ук!

– Не откроете?

– У-ук.

– Что ж. Вы не оставили мне выбора...

Древние камни кладки стены зашевелились. Посыпалась цементная крошка. Потом часть стены обвалилась, и в проеме, имеющем форму Вертрама Пума, показался Вертрам Пум. Он закашлялся от пыли.

– Мне искренне жаль, что пришлось так поступить, – извинился он. – Не могу не отметить, что это льет воду на мельницу распространенных суеверий...

Тут библиотекарь запрыгнул ему на плечи. К его изумлению, это почти не возымело действия. Обыкновенно прыжок трехсотфунтового²⁰ орангутанга сказывался на скорости движения нарушителя. Но Вертрам нес его легко, как меховой воротник.

– Я думаю, нам нужна древняя история, – говорил он. – Извините, вы не могли бы перестать пытаться открутить мне голову?

Библиотекарь в смятении огляделся по сторонам: этот прием еще ни разу его не подводил.

И тут ноздри его раздулись.

Библиотекарь не родился обезьяной. Библиотека университета магии – довольно вредное место работы, и однажды магический взрыв превратил его в орангутанга. Человеком он был тихим и незлобивым, но все уже так привыкли к его новому облику, что мало кто это помнил. Однако смена обличья открыла ему доступ к новым чувствам и новой генетической памяти. И одним из самых основных, самых глубинных, в костном мозгу сидящих воспоминаний было воспоминание о силуэте. Оно восходило к самой заре разумности. Четвероногий силуэт с мышцами и клыками неизменно означал в зарождающемся обезьяньем уме плохие новости.

Очень крупный волк вошел в пролом в стене, а за ним симпатичная молодая женщина. Противоречивые сигналы заблокировали анализатор библиотекаря.

– Кроме того, – продолжал Вертрам, – мне представляется технически возможным завязать вам руки узлом за спиной.

– И-ик!

– Это не обычный волк. Вы уж мне поверьте.

– У-ук?

Вертрам понизил голос:

– А она, строго говоря, не совсем девушка, – добавил он шепотом.

Библиотекарь оглядел Людмиллу. Ноздри его снова раздулись, и брови сдвинулись:

– У-ук?

²⁰ Ок. 140 кг. (Прим. перев.)

– Ну, может быть, я не совсем корректно объяснил... Да отпустите же меня наконец! Вот спасибо.

Библиотекарь осторожно и постепенно ослабил свою хватку и опустил на пол, держась так, чтобы Вертрам стоял между ним и Волцеком.

Вертрам отряхнул с рукавов известку:

– Нам срочно нужно что-нибудь о жизни городов, – сказал он. – Конкретно меня интересует...

Послышалось звяканье.

Проволочная тележка выкатилась из-за соседнего стеллажа с книгами. Тележка была доверху загружена книгами. Поняв, что ее заметили, тележка тут же остановилась и сделала вид, будто стояла здесь всегда.

– Подвижная стадия, – прошептал Вертрам Пум.

Тележка попыталась попятиться назад, делая вид, что не трогается с места. Волчек глухо заворчал.

– Это то, о чем говорил Там-Один-Ведро? – спросила Людмила.

Тележка дрогнула и исчезла. Библиотекарь свирепо у-укнул и помчался за ней.

– Точно! Что-нибудь исключительно полезное! – воскликнул Вертрам, охваченный радостью понимания. – Вот как это работает! Сначала это что-то, что ты захочешь оставить у себя. Ты прячешь его где-нибудь и забываешь. Тысячи из них не попадут в такие условия, но это не так важно, потому что их будут тысячи тысяч. В следующей стадии это будет что-то очень удобное и полезное, благодаря чему они будут попадать в разные места, и никто даже не подумает, что они попали туда сами собой... Только все это происходит не вовремя!

– Но как город может быть живым? – спросила Людмила. – Ведь все его части неживые.

– Точно так же, как у людей. Тут уж я знаю, о чем говорю. Но в чем-то ты, я думаю, права. Такого не должно происходить. Это все излишек жизненной силы. Он нарушает равновесие. Он превращает то, что на самом деле не настоящее, в настоящее. И все это происходит слишком скоро. Слишком быстро.

Тут раздался тарзаний вопль библиотекаря. Из-за книжных шкафов вырулила тележка и со всех колесиков устремилась к дыре в стене. Орангутанг схватил ее за ручку одной рукой, болтаясь за ней, как большой мохнатый вымпел.

Волк молча прыгнул.

– Волчек! Фу! – крикнул Вертрам. Но с того самого дня, когда первый пещерный человек вкатил в свою пещеру вниз по склону первое полено, все потомки волков и собак испытывают непреодолимый позыв бежать с лаем за всем, что катится на колесах. Зубы Волчека уже сомкнулись на проволоке.

Послышались жалобный вой, яростный вопль, скрип и визг колес, и обезьяна, волк и проволочная тележка врезались в стену и грудой полегли под ней.

– Ох, бедняжка! Вы только посмотрите! – Людмила бросилась к сбитому с ног волку и присела над ним на колени. – Она переехала ему лапу!

– Похоже, он ещё и потерял пару зубов, – добавил Вертрам. Он помог библиотекарю

подняться на лапы. Глаза орангутанга горели, как угли. Кто-то пытался украсть его книги! После такого ни один волшебник не усомнился бы в полной безмозглости этих тележек.

Вертрам быстро нагнулся и выдернул у тележки колесики.

– Так-то! – подытожил Вертрам.

– У-ук? – переспросил библиотекарь.

– Нет-нет, коллега, с вашим чувством такта все в порядке.

Голова Волцека покоилась на коленях у Людмиллы. Волцек лишился зуба, и шерсть на его боку повисла клоками. Он открыл один желтый глаз, заговорщицки подмигнул Вертраму и снова зажмурился – Людмила почесывала его между ушами. Так свезло кое-кому, так свезло, подумал Вертрам. Сейчас, небось, начнет поджимать лапу и скулить.

– Ну, что ж, – сказал Вертрам. – Библиотекарь, вы, кажется, собирались нам помочь.

– Бедный песик, – сказала Людмила. – Храбрый песик.

Волцек поджал лапу и жалобно заскулил.

Груженная громко орущим от ужаса казначеем проволочная тележка не могла догнать свою уже умчавшуюся прочь товарку. Вдобавок одно ее колесо было вывернуто. Она неистово билась то об одну стену коридора, то о другую, а выскакивая из ворот, едва не перевернулась на крутом повороте.

– Вижу цель! Навожусь! – проревел декан.

– Отставить! – скомандовал Навернулли. – Там же казначей! Порча казенного имущества...

Но декан уже ничего не слышал, захлестнутый волной гормонов. Шипящая зеленая молния ударила в накренившуюся тележку. Во все стороны разлетелись колесики.

Навернулли остановился и набрал в грудь воздуха.

– Ах ты...

Слово, которое употребил архканцлер, осталось непонятным для волшебников, не выросших, как он, в здоровой сельской местности и незнакомых с некоторыми аспектами животноводства. Но оно тут же возникло в воздухе прямо перед его носом. Оно было жирное, черное и блестящее, и у него были грозно сдвинутые мохнатые брови. Ужалив архканцлера в нос, оно присоединилось к рою ругательств, выющихся над шляпой архканцлера.

– А это ещё что за ...?!

Возле уха архканцлера появилось существо поменьше. Навернулли сдернул с себя шляпу:

– ...! – Рой вырос на ещё одно создание. – Оно меня укусило!

Эскадрилья свежематериализовавшихся проклятий взмыла с полей шляпы и отправилась на поиски лучшей доли. Архканцлер попытался сбить их шляпой, но не преуспел в этом.

– Кыш отсюда, ... – начал было он.

– Не говорите! – воскликнул капитан знатоков. – Замолчите!

Архканцлеру в жизни никто никогда не командовал замолчать. “Замолчите” – это могло случиться только с кем-то другим. Потрясенный, архканцлер онемел.

– Дело в том, что каждый раз, когда вы произносите грубое слово, оно оживает, – поспешно принялся объяснять капитан знатоков. – Вот эти маленькие летучие чудовища возникают из ничего.

– Ах ты ж ... ты ... – промолвил архканцлер. Чпок. Чпок.

Казначей наконец выпутался из обломков тележки. Он нашарил свою остроконечную шляпу, стряхнул с нее пыль, надел, поморщился, снял ее снова и вытряхнул из нее колесико. Коллеги пока что не обращали на него внимания.

Он услышал архканцлера:

– Да я всегда так разговариваю! Люблю крепкое присловье. Оно разгоняет кровь. Декан, поберегитесь, одна из этих сво...

– Может быть, можно выразаться как-нибудь по-другому? – Капитан знатоков пытался перекричать гудение и жужжание роя.

– Например, как?

– Ну, что-нибудь навроде... “черт!” например?

– “Черт”?

– Вот именно. Или “эпическая сила”.

– Позвольте! Вы хотите, чтобы я говорил “эпическая сила”?

Казначей подошел поближе. Преширяться о мелочах, когда целым измерениям угрожает опасность – это так по-волшебнически.

– Вот домоправительница миссис Герпес когда что-нибудь роняет, всегда говорит “Щука!” – внес он свою лепту.

Архканцлер развернулся к нему:

– Может быть, она и говорит “щука”, но в виду она имеет не что иное, как “су...”

Волшебники пригнулись, укрывая шляпами уши. Но Навернулли сумел вовремя остановиться.

– Да черт... – сплюнул он. Ругательства вернулись и радостно обсели поля его шляпы.

– А вы им нравитесь, – заметил декан.

– Прилетели к папочке, – добавил профессор новейшей древности.

Навернулли взвился, но осекся:

– Послушайте, вы, у... важаемые коллеги! Ну-ка прекратите вы... пичивать свое эго, а лучше разберитесь-ка со всеми этими ху... дожествами!

Волшебники выжидающе смотрели в воздух. Ничего не появилось.

– Отлично! – похвалил профессор новейшей древности. – Так держать, архканцлер!

– Блин-блин-блин, – завершил свою речь архканцлер. – Щука-щука-щука. На хутор бабочек ловить. – Он покачал головой: – Не помогает. Никакой эмоциональной разрядки.

– Зато воздух чище, – возразил казначей. Только тут его заметили.

Волшебники оглядели останки тележки.

– Всюду жизнь, – промолвил Навернулли. – Жизнь прямо кипит...

Вдруг знакомый уже скрип и лязг заставили их обернуться. Ещё две проволочные тележки катились через площадь за воротами. Одна была нагружена фруктами. Другая – наполовину фруктами, а на другую половину ревушим маленьким мальчиком.

Остолбнев, волшебники смотрели на площадь. За тележками спешила толпа людей. Возглавлявшая ее полная решимости женщина, отчаянно помогая себе локтями, пронеслась мимо раскрытых ворот университета.

Архканцлер поймал за руку плотного человечка, изо всех сил старавшегося поучаствовать в погоне.

– Что происходит?

– Слушай, дорогой, ты мне скажи, что происходит, да? Стою, персик корзинка грузу, вдруг корзинка прыг на меня прямо, и покатился, да?

– А маленький мальчик?

– Мальчик, слушай!. Вон тот женщин с тележкой подошел, персик купил, вдруг корзинка, как бешеный, слушай...

Но все повернули головы: ещё одна тележка выкатилась из выходящего на площадь переулка, оценила обстановку, лихо развернулась и бросилась наперерез через площадь.

– Но зачем вам всем эти тележки? – воскликнул Навернулли.

– Удобный, слушай! Что хочешь можно положить, – ответил продавец. – Я стал персик ложить. Персик, знаешь, какой нежный?

– Смотрите-ка, они все едут в одну сторону, – заметил профессор новейшей древности. – Вы обратили внимание?

– За ними! – громогласно скомандовал декан. Остальные волшебники, слишком изумленные, чтобы спорить, поспешили за ним.

– Отставить! – начал было Навернулли, но понял, что это бессмысленно. Он начинал терять инициативу.

Тщательно сформулировав, он издал самый безобидный боевой клич за всю историю военной цензуры:

– Ёлкин дуб! – проревел он и бросился вслед за деканом.

Весь долгий и трудный остаток дня Билл Двери косил, ведя за собой вязальщиков и скирдовщиков.

Пока не послышался вопль изумления, и все бросились к изгороди.

За изгородью раскинулось большое поле Яго Пидбери. Его работники выкатывали из ворот Всепожинатель.

Билл присоединился к наблюдателям за изгородью. Он узнал Симнеля, отдававшего указания. В оглобли запрягли оторопевшую лошадь. Кузнец забрался на маленькую железную табуретку наверху машины и взялся за поводья.

Лошадь пошла вперед. Развернулись железные лапы. Холсты начали разворачиваться, и начал, должно быть, вращаться коленчатый вал, но из этого ничего не вышло – внутри что-то дзинькнуло, и все замерло.

Из толпы за изгородью послышались возгласы: “Вылезай и подои ее!”, “У нас тоже такой был, а потом хвост отвалился!”, “Накинь пару пенсов, поднимем твоего ослика!” и другие тому подобные проверенные временем остроумные советы.

Симнель слез с табуретки и пошептался о чем-то с Пидбери и его людьми, а потом забрался внутрь машины.

– Не взлетит! Ни за что не взлетит!

– Вот завтра телятина-то подешевеет!

На этот раз Всепожинатель проехал несколько шагов, прежде чем один из вращающихся холстов порвался и намотался на ось.

Старики за изгородью начали заходиться от хохота.

– Скупаю железный лом, полшиллинга за пуд!

– Тащите следующий, этот сломался!

Симнель снова спустился. Под улюлюканье он срезал холстину и заменил ее новой, не обращая никакого внимания на зрителей.

Не сводя глаз с происходящего на соседнем поле, Билл Двери вынул из кармана точило и принялся водить им по своей косе, аккуратно и неспешно.

В воцарившейся недоброй тишине слышались только звяканья кузнечных инструментов и посвист точила по косе.

Симнель снова забрался на Всепожинатель и кивнул парню, державшему лошадь.

– Смотри-ка, да он опять за свое!

– Ставлю на Ласточку! Вихрем прокатится!

– Носок дать? Подвяжешь там...

Потом возгласы смолкли.

Полдюжины пар глаз проводили взглядом Всепожинатель вдаль по полю, внимательно отметили, как он развернулся у межи и вернулся обратно.

Машина проехала мимо, тарахтя и трясясь.

У края поля она аккуратно развернулась.

И заскрежетала дальше.

Спустя какое-то время кто-то из зрителей мрачно заметил:

– Не приживется эта штука, попомните мои слова.

– Точно. Кому нужна такая таратайка? – согласился другой.

– Ясное дело. Это же просто как большие часы. Что она может-то, кроме как ездить туда-сюда по полю?..

– ...Хотя и шустро...

– Колос срезает только так, и зерно обмолачивает...

– Смотри-ка, три полосы уже сделал!

– Эвона...

– Даже не разглядеть, как это она так быстро... А ты что скажешь, Билл? Билл?

Зрители оглянулись.

Билл сделал только половину второго ряда, но шел все быстрее и быстрее.

Мисс Флитворт приоткрыла дверь на щелочку.

– Что такое? – спросила она с подозрением.

– Да Билл ваш, Билл Двери, мисс Флитворт. Мы его принесли.

Дверь приоткрылась шире.

– А что с ним такое?

К двери неуклюже проковыляли двое, подпирая собой третьего, что был на голову выше их обоих. Высокий поднял голову и с трудом повернулся в сторону мисс Флитворт.

– Что случилось, Барон Задаст?

– В работе за ним черт не угонится, – промолвил Вильям. – Не знаю уж, что на него такое накатило. Но свои деньги он вам отобьет, мисс Флитворт, я вам говорю.

– На моей памяти он будет первый, – заметила мисс Флитворт.

– Так и носился туда-сюда, как бешеный, пытался обогнать эту штуковину, что Нед Симнель смастерил. Мы за ним вчетвером вязали! Да он почти ее и обогнал.

– Вот сюда, на диван кладите его.

– Говорили мы ему, чтобы не напрягался так на солнце...

Барон вывернул шею, чтобы оглядеть кухню и посмотреть, не разложены ли сокровища и драгоценности по полкам буфета. Мисс Флитворт заслонила ему обзор.

– Правильно говорили. Спасибо вам. А теперь, я так понимаю, вам пора по домам?

– Мисс Флитворт, если мы ещё чем-то можем помочь...

– Ага, я знаю, где вас искать. Я про вас не забуду, не волнуйтесь. Вы аренду не платите уже пятый год. Доброй ночи, мистер Затычка.

Вытолкав работников за дверь и захлопнув ее у них перед носом, мисс Флитворт развернулась к дивану.

– Итак, что же там произошло, мистер, как вас там, Билл?

– Я выбился из сил, а он не останавливался.

Билл обхватил череп руками.

– К тому же Затычка дал мне своего забавного напитка из перебродившего яблочного сока, чтобы было легче на жаре, и теперь мне нехорошо.

– Не удивляюсь. Он гонит его в лесу в горах. Яблоки там и не ночевали.

– Мне никогда раньше не было плохо. Я не знал, что такое усталость.

– Ну-у, голубчик! Это часть жизни.

– И КАК ЛЮДИ ЭТО ПЕРЕНОСЯТ?

– Кто как. Вот перебродивший яблочный сок немного помогает.

Билл Двери мрачно глядел в пол.

– И ВСЕ-ТАКИ МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО ПОЛЕ, – промолвил он с отзвуком торжества в голосе.

– ВСЕ ЗАСТОЖЕНО. ТО ЕСТЬ, ЗАСТОГНУТО. ТО ЕСТЬ... ОХ... – Билл снова стиснул ладонями череп.

Мисс Флитворт исчезла в судомойне. Оттуда послышался скрип насоса. Она вернулась с мокрой тряпицей и стаканом воды.

– ТАМ ПЛАВАЕТ ГОЛОВАСТИК!

– Значит, чистая, – отрезала мисс Флитворт²¹, выудила земноводное и швырнула его в сливное отверстие, где он тотчас же, вильнув хвостом, исчез в темноте.

Билл Двери попытался встать.

– ВОТ ТЕПЕРЬ Я, КАЖЕТСЯ, ЗНАЮ, ПОЧЕМУ НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ ИЩУТ СМЕРТИ, – сказал он. – Я ЗНАЛ ПРО МУКИ И СТРАДАНИЯ, НО ДО СИХ ПОР НЕ ДО КОНЦА ПОНИМАЛ, ЧТО ОНИ ИМЕЮТ В ВИДУ.

Мисс Флитворт выглянула в немывтое окно. Собиравшиеся весь день тучи нависли над горами, темно-серые со зловещей прожелтью. Жара угнетала, как несправедливость.

– Большая гроза надвигается, – сказала мисс Флитворт.

– Она испортит мой урожай?

– Да нет. Потом просохнет.

– КАК ТАМ ДЕВОЧКА?

Билл Двери раскрыл ладонь – брови мисс Флитворт поползли на лоб. На ладони его лежали золотые часы. Верхняя колба была почти пуста. Но часы то показывались, то исчезали.

– Как это у тебя оказалось? Они же были наверху! Она же держалась за них, как за... – мисс Флитворт запнулась, – как за самое дорогое!

– Она держится за них. Но они и здесь тоже. Они где угодно. Это ведь, в конце концов, всего лишь образ.

– Те, которые у нее в руках, выглядят совершенно всамделишными!

– Если что-то — образ, то это не значит, что его нет на самом деле.

Мисс Флитворт почудилось в его голосе едва заметное эхо, как будто говорил не один человек, а два, и не совсем одновременно.

– И сколько у тебя ещё осталось?

– НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ.

– А что коса?

²¹ Сотни лет люди верили, что если в колодце есть головастики, это означает, что вода чистая, и ее можно пить. Ни один из них ни разу не спросил себя, куда же головастики справляют нужду.

– Я дал кузнецу точные указания.

Мисс Флитворт нахмурилась:

– Не хочу сказать про Симнеля ничего дурного, но, слушай, ты уверен, что он справится? Чтобы такой человек, как он, уничтожил такую вещь, как эта – не слишком ли ты много от него хочешь?

– Другого выбора не было. Та печка, что есть у вас в мастерской, не справится.

– Жуть, какая острая это коса.

– Как бы не оказалось, что недостаточно острая.

– А раньше никто с тобой такого не пробовал?

– Знаете, есть такая поговорка: “с собой в могилу не возьмешь”?

– Знаю.

– Но многие ли люди действительно так думают?

– Помню, я когда-то читала, – сказала мисс Флитворт, – про дикарских королей где-то в пустыне, которые строили огромные пирамиды и набивали их всякой всячиной. Чуть ли не лодки. Даже девки в прозрачном белье и крышки для сковородок. Вот ты мне скажи – это как? Правильно?

– Я никогда не мог с уверенностью сказать, что правильно, – ответил Билл Двери. – Не знаю, существуют ли вообще какие-то правила. Есть только позиции.

– Да ничего подобного. Правильное – это правильно, а всякая чушь – это неправильно. Меня в детстве научили одно с другим не путать.

– Контрабандисты научили?

– Кто-кто?

– Нелегальные перевозчики запрещенных товаров.

– Будто это что-то плохое!

– Я должен заметить, что некоторые люди думают иначе.

– А кому до них какое дело?

– И все же...

Тут где-то в горах ударила молния. Гром сотряс дом – пара кирпичей из дымохода брякнулись в золу. Потом в окна ударил порыв ветра.

Билл Двери прошел через комнату и распахнул дверь.

От двери отскочило несколько градин размером с куриное яйцо. Одна залетела в кухню.

– Какие страсти.

– Страсти какие! – Мисс Флитворт пристроилась Биллу под руку. – Откуда только взялся этот ветер?

– С неба? – предположил Билл Двери, озадаченный ее неожиданным порывом.

– Пошли!

Мисс Флитворт ворвалась в кухню и стремительно нашарила на полке лампу и какие-то спички.

– ВЫ ЖЕ СКАЗАЛИ, ВСЕ ВЫСОХНЕТ?

– В обычную грозу – конечно. В эту – пропадет. К утру все жнивье разнесет по всем окрестным холмам.

Мисс Флитворт зажгла лампу и выбежала на улицу.

Билл Двери смотрел на бурю. Летящая по ветру солома просвистела мимо его лица.

– ГУБИТЬ МОЙ УРОЖАЙ? – Билл выпрямился. – ЕЩЕ ЧЕГО!

Град стучал по крыше кузницы.

Нед Симнель раздувал горнило, пока сердцевины углей не стали белыми с чуть заметной желтизной.

День удался! Всепожинатель превзошел все ожидания. Старик Пидбери потребовал, чтобы завтра машину выкатили на другое поле, и ее оставили на меже, заботливо укрыв парусиной, подвязанной снизу. Завтра Нед сможет обучить кого-нибудь из помощников водить машину, а сам начнет работать над новой, усовершенствованной моделью. Успех обеспечен. Будущее прямо-таки стучится в дверь.

Но тут вот эта коса... Нед подошел к стене, на которой она висела. Тут какая-то тайна. Самый замечательный инструмент из всех, какие он видел на своем веку. Затупить ее просто невозможно. Острота начинается раньше, чем само острие. И вдруг – он должен ее уничтожить? Какой в этом смысл? Нед Симнель очень уважал осмысленность. В им самим определенном смысле слова.

Может быть, Билл Двери просто хочет от нее избавиться? Это можно было бы понять, потому что и сейчас коса, висящая на крюке в стене, казалось, излучала остроту. Ее острие окружала тонкое, едва видимое фиолетовое свечение, образованное половинками тех невезучих молекул воздуха, которых потоки воздуха в кузнице отправляли в опасную зону.

Нед Симнель с величайшей осторожностью снял косу с крюка.

Экий странный тип этот Билл Двери. Сказал, он должен быть совершенно уверен, что коса мертва. Как будто можно убить – вещь!

Да и как можно ее уничтожить? Хотя – рукоять можно сжечь, а металл перекалить, и если потрудиться, как следует, то в какой-то момент не останется ничего, кроме горстки трухи. И это как раз то, чего хочет заказчик.

С другой стороны, может быть, чтобы уничтожить ее, достаточно снять лезвие с рукояти? Ведь это уже не будет косой. Это будут, скажем так, запчасти. Из них, конечно, можно сделать косу снова, но так ведь и из горстки трухи можно сделать косу, если только знать, как.

Этот ход мысли Неду Симнелю определенно нравился.

И вообще. Билл Двери не просил никакого доказательства, что коса, так сказать, убита.

Нед аккуратно примерился и отхватил косой уголок наковальни. Черт знает, что. Абсолютная острота.

Нед вздохнул. Нет, это просто нечестно. Нельзя просить такого человека, как он, уничтожить такую вещь, как эта. Это же произведение искусства. Да какое там! Это шедевр мастерства!

Нед пересек комнату, подошел к стеллажу с досками и запихнул косу поглубже за доски. Послышался короткий, оборванный писк.

Да ладно. Все обойдется. Утром он вернет Биллу его фартинг.

Смерть Крыс возник в кузнице за кучей мусора и шагнул к скорбной горстке меха, что была крысой, попавшей под косу.

Дух крысы стоял рядом и глядел выжидательно. Похоже, он был вовсе не рад встрече.

– Пип? Пип?

– Пип, – пояснил смерть крыс.

– Пип?

– Пип, – подтвердил смерть крыс.

Дрожащие усики. Шмыгающий носик. Смерть Крыс покачал головой.

– Пип.

Крыса поникла. Смерть Крыс положил костяную, но не лишённую сочувствия лапку ей на плечо.

– Пип... – Крыса горестно кивнула.

Жизнь в кузнице была не так уж плоха. Нед был никакой домохозяин и, должно быть, чемпион мира по забыванию недоеденных бутербродов. Крыса пожала плечами и зашагала за маленьким силуэтом в капюшоне. Выбора, похоже, все равно никакого не было.

Люди толпами валили по улицам. Большинство людей гналось за тележками. Почти все тележки были нагружены тем, для чего они показались полезными людям – дрова, дети, разные товары из лавок.

Теперь тележки уже не виляли из стороны в сторону, а слепо, но уверенно пробирались в одном и том же направлении.

Остановить тележку можно было, перевернув ее – тогда ее колесики вращались бешено и бессмысленно. Волшебники видели некоторых энтузиастов, пытавшихся разбить тележки, но те были практически неистребимы – их прутья гнулись, но не ломались, и если у них оставалось хоть одно колесико, они из последних сил пытались продолжать движение.

– Вы посмотрите-ка вот на эту, – воскликнул архканцлер. – В ней мое белье из стирки! Мое собственное! Какое неслыханное канальство!

Он протолкался через толпы и вставил свой посох ей под днище, перевернув ее навзничь.

– Невозможно целиться, – пожаловался декан, – кругом полно гражданских!

– Этих тележек тут сотни, – твердил профессор новейших древностей. – Кишат, как дурностаи²²! Отцепись от меня ко... корзинка несчастная!

Он огрел докучливую тележку своим посохом.

Волна тележек на колесиках вытекала из города. Сопrotивляющиеся люди один за другим отставали или падали под вихляющиеся колеса. Только волшебники держали позицию, не уступая волне, крича друг на друга и атакуя посохами серебряный рой. Нет, их магия действовала. Их магия действовала даже слишком хорошо. Меткий разряд мог превратить тележку в тысячу маленьких проволочных головоломок. Но что толку? Через секунду две другие перескакивали через своего поверженного собрата.

Вокруг декана тележки разлетались металлическими брызгами.

– Смотри, как приноровился! – заметил капитан знатоков после того, как они с казначеем поставили ещё одну тележку колесиками вверх.

– Да уж! “Хоба”, должно быть, так и сыплются, – добавил казначей.

Декан же никогда ещё не был так счастлив. Шестьдесят лет он подчинялся незыблемому своду правил волшебства, и вдруг – такое веселье! Он и не подозревал, что в глубине души все, чего ему хотелось в жизни – это разбрызгивать вокруг себя искры металла. С кончика его посоха то и дело срывался сполох огня. Ручки, проволочки и беспомощно крутящиеся колесики рассыпались во все стороны. То, что целей не убывало, только радовало декана.

Вторая волна тележек, загнавшая себя в узкое место, пыталась перебраться через тех, что ещё касались земли. Это им не удавалось, но они продолжали пытаться, тем отчаяннее, что третья волна уже накатывалась на них, давя и сметая. Разве что слово “пытались” тут не подходило. Это слово подразумевает некоторое усилие сознания, а также некоторую возможность состояния “не пытались”. Что-то в безостановочном движении – то, как они врезались друг в друга в могучем порыве – намекало, что у тележек выбора было столько же, сколько у капель воды в реке, текущей вниз под уклон.

– Хоба! – выкрикнул декан снова. Вихрь магии ударил в обезумевшую мешанину металла. Колесики прыснули дождем. – Отведай-ка горяченькой тауматургии, ты, п...”

– Неприличными словами не выражаться! – проревел Навернулли, покрывая гром битвы. – Неизвестно, во что они могут превратиться! – он как раз пытался отогнать растреклятую заколдобину, что кружилась с жужжанием вокруг его шляпы.

– Ты, проклятая железка, – закончил декан, сорвавшись на визг.

– Все бесполезно, – опустил руки капитан знатоков. – С тем же успехом можно пытаться остановить прилив в море. Голосуя: кто за то, чтобы вернуться в Университет и поискать по-настоящему мощные заклинания?

– Идея неплохая, – согласился Навернулли. Поглядев на надвигающуюся стену прово-

²² Дурностаи – небольшой черно-белый грызун, встречающийся в Овцепикских горах. Они – потомки шлеммингов, которые прославились тем, что бросались с обрывов в пропасть и тысячами тонули в горных озерах. Дурностаи тоже когда-то поступали так. Но дело в том, что погибшие особи не размножаются, и за тысячи лет среди дурностаев все больше и больше становилось наследников тех особей, которые, попав на край обрыва, спрашивали себя по-дурностайски “оно мне надо вообще?” Современные дурностаи спускаются с обрывов в пропасть, пользуясь веревками и карабинами, а озера переплывают на небольших лодочках. Когда же гон выводит их на берег моря, они некоторое время сидят, стараясь не глядеть друг на друга, а потом тихо уходят по одному, чтобы не создавать заторов и давки.

лочных прутьев, он добавил: – И как вы предлагаете это сделать?

– Хоба, прохвосты несчастные! – декан снова нацелился посохом. Посох издал печальный звук, который на письме можно отразить разве что как “пф-ф-ф-ф-ф-уть”. Жалкая искорка сорвалась с конца посоха и покатила по булыжникам мостовой.

Вертрам Пум захлопнул очередной том. Библиотекарь вздрогнул.

– И здесь ничего! Вулканы, цунами, гнев богов, безответственные волшебники... Меня не интересует, как погибают города! Я хочу узнать, как они кончаются.

Библиотекарь выложил на читальный стол ещё одну стопку книг.

Ещё один плюс в посмертном бытии, обнаружил Вертрам, состоял в способности к языкам. Теперь ему не нужно было знать точные значения слов, чтобы понимать их смысл. Смерть совсем не похожа на сон, думал он. Она – пробуждение.

Глянув в другой конец библиотеки, где Волцеку перевязывали лапу, он тихо позвал библиотекаря:

– Библиотекарь, скажите, пожалуйста...

– У-ук?

– Вам ведь приходилось менять видовую идентификацию... Вот скажите – чисто теоретически – предположим, вы встречаете двух людей, которые... один из них, предположим, волк, который в полнолуние превращается в человека, а другой при полной луне превращается в волчицу. Вы понимаете – это то же самое оборотничество, но они проходят его как бы с разных сторон? И вот они встретили друг друга – и что бы вы им сказали? Вы бы оставили их самих со всем этим разбираться?

– У-ук, – не раздумывая, ответил библиотекарь.

– Соблазнительно!..

– У-у-ук.

– Но миссис Кекс это не одобрила бы...

– И-ик у-ук!

– В сущности, вы правы. Я бы, может быть, сформулировал не так резко, но в сущности вы правы. Каждый должен разбираться со своей жизнью самостоятельно.

Вертрам глубоко вздохнул и перевернул страницу. Тут глаза его широко раскрылись:

– Город Кан-Ли! – воскликнул он. – Слышали вы о таком? Что это за книга? Гримуар “Хочешь-Верь-Хочешь-Нет” Роберта Влипли²³... Так что тут у нас? “Тележки... никто не знал, откуда они взялись... такие полезные, что особых людей наняли пасти их и пригнать в город... внезапно, словно порыв некоего существа... люди пошли за ними, и возник новый город за стенами, город торговых шатров, между которыми сновали тележки...”

Вертрам перевернул страницу.

²³ В *Круглом мире* «Хочешь верь, хочешь нет» называлась газетная рубрика, которую вел карикатурист, путешественник и антрополог-любитель Роберт Рипли. В ней он публиковал сообщения о всевозможных невероятных случаях, местах и вещах. Предприятие это оказалось настолько популярным, что разрослось до радиопередачи, телевизионного шоу, киножурналов и сети развлекательных музеев во всех крупных городах Америки, а затем и мира. (Прим. перев.)

– Кажется, здесь говорится...

Я до сих пор понимал это неверно, – сказал он сам себе. Там-Один-Ведро считает, что речь идет о размножении городов. Но это выглядит как-то неправильно.

Город живет своей жизнью. Если огромный и медлительный великан – например, счетная сосна – будет смотреть на город, что он увидит?

Он увидит, как растут и множатся дома; как накатываются и откатываются орды захватчиков; как загораются и тухнут пожары. Он увидит, как живет город, но людей он не увидит, потому что они ходят слишком быстро. Между тем, жизненная энергия города, то, что его оживляет, это не какая-то таинственная сила. Жизнь города – это его жители.

Вертрам перелистывал страницы, не особо вчитываясь...

Значит, у нас есть города – большие оседлые существа, разрастающиеся от центра и почти не меняющие своего места на протяжении тысяч лет. Они размножаются, отправляя людей колонизировать новые земли. Сами же они остаются там же, где были. Они живут, но живут примерно так, как живет медуза. Или красивый яркий овощ. Мы же сами называем Анк-Морпорк “Большой Койхрен²⁴”...

А там, где есть большие и малоподвижные вещи, заводятся маленькие и подвижные, которые их едят.

Тут мозговые клетки Вертрама Пума взорвались электричеством. Замкнулись цепи. Мысли понеслись по новым маршрутам. Доводилось ли ему при жизни думать по-настоящему? Наверяд ли. Всю жизнь он был лишь клубком сложных реакций, соединенным с путаницей нервных окончаний, и все, что угодно, от праздных предвкушений скорого обеда до случайных и ни с чем не связанных воспоминаний, вставало между ним и настоящей могучей мыслью.

Оно вырастает внутри города, где тепло и безопасно. А потом оно выходит из тела города и строит... ложный, фальшивый город... который вытягивает людей – жизненную силу – из тела своего бывшего хозяина...

Правильное слово тут будет: хищный паразит.

Декан глядел на свой посох с недоумением. Он потряс его, подул на него и прицелился снова.

Звук, который издал посох на этот раз, можно описать как “пф-фу-у”.

Декан огляделся. Волна тележек, достигающая уже крыш домов, грозила вот-вот обрушиться на него.

– Вот пи... кантное положение, – промолвил он и сел, обхватив голову руками.

Кто-то ухватил его за полу мантии и выдернул из-под рушащихся тележек.

– Вперед, – скомандовал Навернулли. – Мы ещё можем опережать их, если будем бежать!

²⁴ Для тех, кто не читал “Самодвижные картинки”, сообщаем: “Койхрен – плод редкого дерева, растущего в некоторых местах дикого Очудноземья, длиной достигающий семи метров и покрытый шипами цвета ушной серы, который пахнет, как муравьед объевшийся испорченных муравьев.” Большим Яблоком же называют свой любимый город жители Нью-Йорка – и городом этим, вопреки очевидности, является Нью-Йорк. (Прим. перев.)

– Моя магия! Я лишился магии! – простонал декан.

– Лишитесь ещё много чего, если не пошевелитесь прямо сейчас! – ответил архканцлер.

Стараясь держаться вместе и оттого поминутно наталкиваясь друг на друга, волшебники спешили опередить тележки. Потоки металлических созданий выходили из города, растекаясь по полям.

– Вы знаете, что мне это напоминает? – спросил Навернулли, пока они пробивались наружу.

– Что же? – отозвался капитан знатоков.

– Ход лосося, – ответил архканцлер.

– Что-о?

– Ну, конечно, не на Анке, – пояснил Навернулли. – Не думаю, что лосось может подняться по нашей реке...

– Разве что пешком, – предположил капитан знатоков.

– ...Но я видел реки, в которых их было столько, что вода казалась молоком, – продолжал Навернулли. – Они так рвутся вверх по течению... Вся река словно жидкое серебро.

– Допустим, допустим, – согласился капитан знатоков. – И зачем они это делают?

– Ну... Такое у них размножение.

– Какая гадость. А мы потом пьем эту воду, – капитана знатоков передернуло от омерзения.

– Итак, мы вышли на открытое место, теперь мы обойдем их с фланга, – скомандовал Навернулли. – Надо только нацелиться на просвет и...

– Что-то мне не кажется, – заметил профессор новейших древностей.

Все пространство вокруг них было занято надвигающейся, бурлящей, перемалывающей самое себя стеной тележек.

– Мы пропали! Они гонятся за нами! – взвыл казначей. Декан выхватил его посох.

– Эй, это же мой!

Декан оттолкнул казначея и снес колесики у ближайшей к ним тележки.

– Это мой посох!

Волшебники стояли кругом, спина к спине, окруженные все сужающимся кольцом металла.

– Какие-то они нездешние для этого города, – заметил профессор новейших древностей.

– Понимаю, что вы имеете в виду, – согласился Навернулли. – Чужаки.

– Я полагаю, ни у кого при себе случайно нету волшебства для полета? – поинтересовался капитан знатоков.

Декан прицелился и расплавил ещё одну корзинку.

– Вообще-то у вас в руках мой посох, вы в курсе?

– Казначей, прекратите, – приказал архканцлер. – А вы, декан, ничего не добьетесь, уничтожая их вот так, по одной. Итак, коллеги! Наша задача – нанести им как можно больший ущерб. Помните – безумные, неконтролируемые припадки ненависти...

Тележки пошли в наступление.

– Ах ты! Ах ты!

Мисс Флитворт брела сквозь мокрый и грохочущий мрак. Под ногами хрустели градины. Гром разносился по небу пушечной канонадой.

– Больно как жалят! – пожаловалась мисс Флитворт.

– ОНИ НЕ САМИ ПО СЕБЕ.

Билл Двери выхватил пролетающий мимо пучок соломы и добавил ее к охапке, которую нес. Мисс Флитворт спешила за ним, сгибаясь почти пополам под тяжестью колосьев.²⁵ Они вдвоем упорно и неотступно трудились, сновали туда и сюда по полю, охваченному бурей, чтобы спасти урожай, пока град и ветер не унесли его. Небо сверкало молниями. Это была не буря. Это была битва.

– Вот-вот ливанет, – мисс Флитворт перекрикивала вой ветра. – Не донесем мы все это до амбара! Сходи принеси парусины какой-нибудь, накроем до утра!

Билл Двери кивнул и побежал по чавкающей стерне к чернеющим на краю поля постройкам. Молнии били так часто, что воздух вокруг начинал трещать, как рвущаяся бумага, а на верхушках кустов изгороди заплясали огоньки.

Тут он увидел Смерть.

Огромный скелет склонился над ним, замахнувшись для решающего удара. Его плащ развевался за плечами и хлопал на ветру.

Бессилие охватило Билла, одновременно побуждая бежать со всех ног и пригвождая к месту. Оно затопило его ум и застыло там, подавив все мысли, кроме тихого голоса где-то в самой глубине, который промолвил: “ТАК ВОТ ЧТО ТАКОЕ СМЕРТНЫЙ СТРАХ...”

Отблеск на небе угас, и силуэт исчез, но появился вновь, когда новая молния ударила в дерево на соседнем холме.

Тогда тихий голос внутри спросил: “ОТЧЕГО ЖЕ ОНО НЕ ДВИГАЕТСЯ?”

Билл Двери сам чуть подался вперед. Склонившаяся над ним тень не шелохнулась.

Тут Билл понял, что стоящее по ту сторону изгороди только с одной стороны видится как одетые плащом ребра, мослы и позвонки, а стоит чуть изменить точку зрения, и оно превращается в собрание шатунов, кривошипов и шестерней, укрытых парусиной, которая вырвалась с одного края.

Перед ним высился Всепожинатель.

Билл Двери жутко ослабил. Не свойственная Биллу мысль родилась в его уме. Он решительно полез через изгородь.

²⁵ Способности сухощавых старушек к переноске тяжестей поражают воображение. Ученые знают, что муравей может справиться с грузом, в сотни раз превышающим его собственный вес, но и им неведом предел подъемной силы бабушки из испанской деревни.

Стена тележек окружала волшебников.

Последний сполох, слетевший с посоха, проделал в ней дыру, которую тут же затянули другие тележки.

Навернули оглядел своих коллег, раскрасневшихся и запыхавшихся, в рваных мантиях. Несколько неосторожных залпов опалили им бороды и прожгли дыры в шляпах.

– У кого-нибудь ещё осталось какое-нибудь волшебство? – спросил он.

Волшебники лихорадочно соображали.

– Думаю, я могу вспомнить кое-что, – предложил наконец казначей.

– Дерзайте, коллега. В такой момент все, что угодно, может стодиться.

Казначей вытянул руку. Он закрыл глаза и прошептал несколько слов.

Сверкнула маленькая октариновая вспышка, и...

– Вот как, – выдохнул архканцлер. – И это все?

– Неожиданный Букет Эрингьяса, – объявил казначей, сияя и подрагивая от возбуждения. – Не знаю, почему, но это у меня всегда хорошо получается. Талант, надо полагать.

Навернули внимательно осмотрел огромный букет цветов, зажатый в кулаке казначея.

– Не знаю, чем это нам сейчас поможет... – добавил казначей неуверенно. Он глянул на надвигающиеся стены, и улыбка сошла с его уст. – Похоже, что ничем.

– Ещё какие-нибудь идеи, кто-нибудь? – воззвал Навернули.

Ответа не было.

– Как розы были хороши, – вздохнул декан.

– Скоро же ты обернулся, – обрадовалась мисс Флитворт, когда Билл Двери появился у скирды, таща за собой парусину.

– ОДНА НОГА ЗДЕСЬ, ДРУГАЯ ТАМ, – не глядя в ее сторону, ответил Билл. Они с мисс Флитворт натянули парусину на стог и придавили ее края камнями. Ветер пытался вырвать ее из их рук – с тем же успехом он мог бы попробовать сдуть гору.

Ливень обрушился на поля из низких туч, кипевших синим электричеством.

– В жизни не было у меня такой ночки, – промолвила мисс Флитворт.

Снова прогремел гром. Ветвистая молния озарила небо. Мисс Флитворт схватила Билла Двери за руку:

– Что это? Вон там на холме? – воскликнула она. – Там как будто... кто-то есть!

– НЕТ. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ МЕХАНИЗМ.

Новая вспышка молнии.

– Механизм на коне?

Небо рассекла третья вспышка. На этот раз сомнений не осталось. На вершине сосед-

него холма высилась конная тень. В капюшоне. С косой наперевес, будто с копьём.

– КРАСУЕТСЯ! – Билл Двери повернулся к мисс Флитворт. – КРАСУЕТСЯ! Я НИКОГДА ТАК НЕ ДЕЛАЛ. ЗАЧЕМ? КАКОЙ В ЭТОМ СМЫСЛ?

Билл повернул кверху раскрытую ладонь. На ней появились золотые песочные часы.

– Сколько еще тебе осталось?

– МОЖЕТ БЫТЬ, ЧАС. МОЖЕТ БЫТЬ, НЕСКОЛЬКО МИНУТ.

– Тогда вперед!

Билл Двери не пошевелился, глядя на часы.

– Ты чего стоишь?

– НИЧЕГО НЕ ВЫЙДЕТ. Я думал, что шанс есть. Но шансов нет. Есть вещи, КОТОРЫХ НЕВОЗМОЖНО ИЗБЕЖАТЬ. НИКТО НЕ ВЕЧЕН.

– А почему, собственно?

Билл Двери изумленно оглянулся:

– Что значит “почему”?

– Почему никто не вечен?

– НЕ ЗНАЮ. ТАК УСТРОЕНО МИРОЗДАНИЕ.

– Э, да что оно в этом понимает, твое мироздание? Ну, ты идешь или нет?

Тень на вершине холма тоже стояла неподвижно.

Ливень превратил пыль в скользкую жидкую грязь. Мисс Флитворт и ее работник съехали по склону и поспешили через двор в дом.

– МНЕ НАДО БЫЛО ПОЛУЧШЕ ПОДГОТОВИТЬСЯ. Я ПЛАНИРОВАЛ...

– Но тут началась страда?

– ИМЕННО ТАК.

– Может быть, мы можем как-нибудь закрыть двери? Задвинуть их чем-нибудь?

– ВЫ САМИ ПОНИМАЕТЕ, ЧТО ВЫ ГОВОРИТЕ?

– Ну, так придумай что-нибудь получше! Неужели от тебя ничем нельзя защититься?

– НИЧЕМ, – ответил Билл Двери, и в его голосе прозвучала еле заметная нотка гордости.

Мисс Флитворт выглянула из окна и тотчас же отпрыгнула за занавеску:

– Его там нет! Он исчез!

– Оно, – поправил Билл Двери. – ЕЩЁ НЕ ОН.

– Его там нет! Оно может быть где угодно.

– СТЕНЫ ЕГО НЕ ЗАДЕРЖАТ.

Мисс Флитворт подошла к нему и заглянула в лицо.

– Ладно. ПРИНЕСИТЕ РЕБЕНКА. ДУМАЮ, НАМ НУЖНО УХОДИТЬ.

Тут ему в голову пришла одна мысль. Он немного воодушевился.

– ВОЗМОЖНО, НЕМНОГО ВРЕМЕНИ У НАС ЕСТЬ. КОТОРЫЙ СЕЙЧАС ЧАС?

– Понятия не имею! Ты же то и дело останавливаешь все часы в доме.

– Но ещё ведь не полночь?

– Я бы сказала, никак не больше четверти двенадцатого.

– Тогда у нас есть ещё три четверти часа.

– Откуда ты знаешь?

– ТЕАТРАЛЬНОСТЬ, МИСС ФЛИТВОРТ. ТО, ЧТО КРАСУЕТСЯ НА ВЕРШИНЕ ХОЛМА НА ФОНЕ НЕБА ПРИ СВЕТЕ МОЛНИЙ, – в голосе Билла Двери зазвенело презрение, – НЕ ЯВИТСЯ В ОДИННАДЦАТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ, ЕСЛИ МОЖНО ЯВИТЬСЯ РОВНО В ПОЛНОЧЬ.

Бледная мисс Флитворт кивнула и ушла наверх. Через пару минут она вернулась с Салли, завернутой в одеяло.

– Так и спит себе, – прошептала она.

– ЭТО НЕ СОН.

Ливень прекратился, но буря продолжала бушевать над холмами. Воздух потрескивал и казался перегретым, как над жаровней.

Билл Двери открыл внутреннюю дверь в курятник, где Сирил со своим немолодым гаремом силились втиснуться друг в друга на середине насеста.

Над печной трубой на крыше фермы светилось бледно-зеленое сияние.

– У нас это называют огнями Старухи Кери, – пояснила мисс Флитворт. – Это примета.

– ЧТО ОНА ПРЕДВЕЩАЕТ?

– Да откуда мне знать? Что-нибудь приметное. Куда мы теперь?

– В ГОРОД.

– Поближе к косе?

– ТОЧНО ТАК.

Билл зашел в амбар. Вышел он оттуда, ведя за повод Бинки, оседланного и взнузданного. Он сел в седло, затем нагнулся и легко поднял мисс Флитворт и спящую девочку на лошадь, посадив их перед собой.

– ЕСЛИ МОЙ РАСЧЕТ НЕ ОПРАВДАЕТСЯ, – добавил он, – ЭТА ЛОШАДЬ ПРИВЕЗЕТ ВАС, КУДА ЗАХОТИТЕ.

– Куда же мне хотеть-то, если не домой?

– КУДА ЗАХОТИТЕ.

Выйдя на дорогу, ведущую к городу, Бинки пошел рысью. Ветер обрывал листву с деревьев, спешивших им навстречу и убегавших назад. Редкие вспышки молний продолжали с шипением озарять небо.

Мисс Флитворт обернулась на холм за фермой:

– Оно...

– ЗНАЮ.

– ... снова там торчит...

– Я ЗНАЮ.

– А чего оно за нами не гонится?

– ПОКА ПЕСОК НЕ ВЫСЫПЕТСЯ, НАМ НИЧЕГО НЕ УГРОЖАЕТ.

– А когда высыпется – ты умрешь?

– НЕТ. КОГДА ПЕСОК ВЫСЫПЕТСЯ, КОНЧИТСЯ МОЯ ЖИЗНЬ. Я ПОПАДУ В ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И НЕ-ЖИЗНЬЮ.

– Билл, мне показалось, что оно едет на... Я думала, это обычная лошадь, только очень худая, но...

– ЭТО СКЕЛЕТ КОНЯ. БРОСКО, НО НЕПРАКТИЧНО. У МЕНЯ БЫЛ ТАКОЙ, НО ГОЛОВА ОТВАЛИЛАСЬ.

– А я всегда говорила – не стоит хлестать кнутом дохлую лошадь.

– ХА-ХА-ХА. ЭКАЯ ВЫ ШУТНИЦА, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Знаешь, я думаю, ты мог бы сейчас обращаться ко мне не так церемонно, – предложила мисс Флитворт.

– ТОГДА Я МОГУ ЗВАТЬ ВАС РЕНАТА?

– Откуда ты знаешь мое имя? – вскинулась мисс Флитворт. – А, ну да. Должно быть, прочитал где-то?

– ПРОЧИТАЛ.

– На одних из этих твоих часов?

– Точно.

– В которых пересыпается песок времени?

– Точно.

– У каждого такой есть?

– Есть.

– И ты точно знаешь, сколько мне...

– ЗНАЮ.

– Интересно, каково это – знать... вот все то, что ты знаешь?

– И НЕ ГОВОРИТЕ.

– Вообще-то это нечестно. Если бы мы все знали, когда умрем, люди бы жили по-другому.

– Я ДУМАЮ, ЕСЛИ БЫ ЛЮДИ ЗНАЛИ, КОГДА УМРУТ, ОНИ И НЕ НАЧИНАЛИ БЫ ЖИТЬ.

– Прямо какая мудрость. Что ты можешь знать об этом, Билл Двери?

– ВСЁ.

Бинки уже миновал немногие улочки городка и копыта его стучали по брусчатке главной площади. На улицах не было ни души. В больших городах, таких, как Анк-Морпорк, полночь считается всего лишь поздним вечером, потому что никакой официальной ночи там нет – просто вечер, затянувшийся до рассвета. Здесь же жизнью людей управляли светила и малограмотные петухи. Здесь полночь соответствовала своему названию.

Несмотря на бурю, бушевавшую на холмах, площадь была погружена в тишину. Тиканье часов на колокольне, неслышное днем, сейчас, казалось, отдавалось эхом от стен домов.

Когда Бинки вышел на площадь, что-то заскрипело в недрах часов. Со щелчком подвинулась минутная стрелка, закачавшись на цифре девять. В циферблате открылась дверка, и из нее, не теряя достоинства, выкатились два механических человечка. Сосредоточившись и прицелившись, они с видимым усилием трижды ударили молотами в небольшой колокол.

Бим-бим-бим.

Человечки выпрямились и укатились обратно в часы.

– Они тут с тех пор, как я себя помню, – промолвила миссис Флитворт. – Их смастерил пра-прадедушка мистера Симнеля. – Я ещё, когда маленькая была, думала, чем они там занимаются между выходами. Воображала себе, что у них там домик, хозяйство...

– НЕ ДУМАЮ. ЭТО ВСЕГО ЛИШЬ ПРЕДМЕТЫ. ОНИ НЕ ЖИВЫЕ.

– Ну... Они ведь там уже больше сотни лет. Может быть, жизнь такая штука, что ею можно обзавестись со временем?

– Можно.

Они ждали в полной тишине. Лишь щелкала время от времени минутная стрелка, забираясь все выше по склону ночи.

– Знаешь, Билл Двери, я рада, что мы встретились.

Он не отозвался.

– С урожаем мне помог... И вообще...

– ЭТО БЫЛО... ИНТЕРЕСНО.

– Прости, что я тебе голову заморочила этим урожаем.

– НЕТ-НЕТ! СБОР УРОЖАЯ – ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО.

Билл Двери раскрыл ладонь. На ней появились песочные часы.

– Никак не возьму в толк, как же ты это делаешь?

– О, ЭТО НЕТРУДНО.

Шелест песчинок звучал все громче, пока не заполнил всю площадь.

– Скажешь что-нибудь напоследок?

– ДА. Я НЕ ХОЧУ УХОДИТЬ.

– Ну, что ж. Во всяком случае, коротко и ясно.

Билл Двери с удивлением заметил, что мисс Флитворт крепко держит его за руку.

Высоко на колокольне стрелки часов сошлись вместе. В часах захрипело. Дверца

открылась, из нее вышли механические человечки. Сойдясь к колоколу они замерли, поклонились друг другу и подняли над ним свои молоты.

Бом-м...

Тут послышались копыта другой лошади.

На границе своего поля зрения мисс Флитворт обнаружила лиловые и синие пятна – как вспышки, которые видишь, когда посмотришь на яркий свет, только без этого яркого света. Резко повернув голову, краем глаза она видела маленькие фигурки в сером, парящие над стенами.

Акцизные, подумала она. Явились удостовериться, что все будет сделано, как надо.

– Билл, – позвала она.

Он зажал золотые часы в руке.

– Ну, вот и все.

Стук копыт становился все громче и отдавался от стен домов за их спинами.

– ПОМНИТЕ: ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, ВАМ НИЧЕГО НЕ УГРОЖАЕТ.

С этими словами Билл Двери шагнул назад и исчез в темноте.

Потом появился снова и добавил:

– Я ТАК ДУМАЮ, – и растворился во мраке окончательно.

Мисс Флитворт опустила на ступени башни, положив тельце девочки себе на колени.

– Билл? – позвала она, но ответа не было.

На площадь выехал всадник.

Он действительно сидел на костяной лошади. Голубые огоньки потрескивали на суставах лошади при ходьбе. Мисс Флитворт вдруг задумалась, настоящий ли это скелет, оживленный каким-нибудь способом, или что-то искусственное, что на самом деле никогда не находилось внутри живой лошади. Это была странная мысль, но что угодно было лучше, чем думать о том, что приближалось к ней.

Вот интересно, он ее полирует или просто протирает тряпочкой?

Наездник спешил. Он был сильно выше Билла, но черный плащ скрывал его фигуру. В руке он держал нечто – не косу, а то, что могло бы быть дальним предком косы. Как у всякого самого хитроумного медицинского инструмента дальним предком в забытом прошлом была простая палочка. До любого орудия, которое когда-либо касалось стеблей травы, этому ещё было очень далеко.

Наездник, держа свою косу на плече, подошел к мисс Флитворт на негнущихся ногах и встал над ней.

– ГДЕ ОН?

– Не знаю, о ком вы спрашиваете, молодой человек, – ответила мисс Флитворт. – Кстати, на вашем месте я бы покормила лошадь.

Силуэт в плаще, казалось, не без труда осознал сказанное ему, но в конце концов пришел к заключению. Он снял с плеча косу и склонил голову к девочке.

– Я найду его, – сказал он. – Но сначала...

И он застыл.

За его спиной негромкий голос сказал:

– Брось косу на землю и медленно подними руки.

Это должно быть что-то внутри города, думал Вертрам. Города вырастают из людей, но в них кишит и торговля, и предпринимательство, и религии, и...

Нет, это глупо, сказал он себе. Это всего лишь предметы. Они не живые.

Но может быть, жизнь – такая штука, что ею можно со временем обзавестись?

Паразиты и хищники – но не такие, как те, что нападают на животных и растения. Это что-то большое, медленное, – образ чего-то, что заводится на городах и живет с них.

И выводятся они в городах – словно эти, как их? Ихнемодные осы – пакость какая. Теперь-то он вспомнил – как помнил теперь вообще всё – что еще в студентах читал про насекомых, которые откладывают свои яйца в тела других насекомых. Прочитав это, он не один месяц избегал ометов и икры – на всякий случай.

И эти яйца будут выглядеть, как... что-то городское. Чтобы горожане сами отнесли их в свои дома. Как кукушкины яйца.

Сколько же городов уже погибло вот так? Обложенные паразитами, как коралл морскими звездами...

Эти города опустели. Из них вышел их дух.

Вертрам поднялся.

– Библиотекарь, скажите, а куда все делись?

– У-ук у-ук.

– Я так и думал. Я и сам был такой. Бежал сломя голову, и ни о чем не думал. Да хранят их боги, и да помогут им, если только найдут для этого свободную минутку в своих вечных семейных дразгах.

Потом Вертрам подумал: ну, ладно, и что теперь? Я подумал – и что я решил?

Бежать сломя голову, разумеется! Но не спеша.

Основания горы тележек уже не было видно. Внутри что-то творилось. Бледно-голубое свечение охватило гигантскую пирамиду искореженного металла, а изнутри то и дело прорывались сполохи молний. Тележки врезались в кучу, словно астероиды, создающие ядро новой планеты, но некоторые из прибывающих совершали иной трюк: они ныряли в туннели, открывающиеся для них в горе, и исчезали в ее недрах.

Затем вершина горы зашевелилась, и из проволоки и колесиков вырос сверкающий шпиль, а на нем шар метров двух в поперечнике. Минуту-другую с ним ничего не происходило, затем он подсох, раскрылся и облетел.

Из него высыпались мириады белых пушинок. Их подхватил ветер, и они дождем хлынули на Анк-Морпорк и толпы зевак.

Одна такая пушинка спланировала с карниза крыши и упала под ноги Вертраму Пуму, вышедшему вперед руками из дверей Библиотеки.

Она была ещё сырая, и на ней была надпись. Точнее, подделка под надпись. Это были корявые каракули, похожие больше на трещины в штукатурке – слова, написанные кем-то, не очень понимающим, что такое речь и письмо.

РАСМРΩΔΑΨΑ!!!
РАСМРΩΔΑΨΑ!!!
РАСМРΩΔΑΨΑ!!!
ӨТҚРbтСIE ЗАЗҒРҮ!!!

Вертрам вышел к воротам университета. Мимо шли толпы людей.

Вертрам хорошо знал своих соотечественников. Они пойдут поглазеть на что угодно. Они прочитают и поверят всему, что написано даже всего лишь с тремя восклицательными знаками.

Тут он почувствовал на себе чей-то взгляд и обернулся. Из переулка за ним следила тележка. Она тут же отпрянула и со скрипом покатила прочь.

– Что происходит, мистер Пум? – спросила Людмила.

Выражения лиц прохожих были какие-то нездешние. На них застыло непреклонное ожидание чуда.

Тут не надо было быть волшебником, чтобы понять, что что-то пошло не так. А чувства Вертрама гудели, как трансформаторная будка.

Волчек подпрыгнул, поймал зубами кувыркающийся на ветру листок бумаги и подал Вертраму.

ОСУБӨЕ ПРЭДЛОЭΣНИЕ!!!!
СКНДКН!!!!
АХЦНН!!!!

Вертрам горестно покачал головой. Пять восклицательных знаков. Это диагноз.

И тут он услышал музыку.

Волчек сел на задние лапы, задрал морду и завыл.

В подполе дома миссис Кекс бабай Шлеппель перестал дожевывать третью крысу и прислушался.

Послушав, он отложил ужин и потянулся за своей дверью.

Граф Артур фон Бурдалак Мигль обустроивал себе саркофаг.

Сам-то он прекрасно мог бы в своей жизни – нежизни, послежизни или что ему там полагалось – обойтись безо всякого саркофага. Но нет же, положено завести себе склеп и саркофаг. Дорина не принимала никаких отговорок насчет этого. Склеп задает тон всему дому, говорила она. Если у тебя нет склепа и саркофага, весь вампирский свет будет цыкать

на тебя зубом.

И ведь никто не предупреждает о таких вещах, когда ты берешься за все это вампирствование! Никто тебе не расскажет, что свой склеп тебе придется мастерить самому из того, что продаст тебе тролль Чалри в своих “Стройтоварах Оптом”.

Другие вампиры как-то обходятся без этого, давно заметил Артур. Настоящие-то вампиры. Вот того же графа Артериуса взять. Слишком важная птица – небось, держит особого человечка для таких дел. Когда к его замку пришли с факелами и вилами, сам он, небось, не побежал к воротам опускать мост. Дудки! Махнул, поди, рукою этак: “Игор или кто там? Расперытесь, путте так топры!”

Охо-хо. А в конторе по найму у мистера Кибла уже не первый месяц висит объявление. Ночлег, трехразовое питание, предоставляется могила. Зайти, спросить, что ли? Столько говорят вокруг про безработицу. Вот же пропасть!

Артур поднял доску и принялся обмерять ее складным метром, морщась от боли. Потянул спину, пока копал этот чертов ров. Тоже ведь – ни один нормальный вампир наверняка в жизни этим не занимался. У них крепостной ров – это само собой разумеется, прилагается к должности. Чтобы, значит, фасон держать. И рвы у них нормальные, вокруг дома, как положено, потому что у них же не живет через дорогу старая миссис Вопли, а за забором – семейство троллей, с которыми Дорина уже сто лет как не разговаривает. Нормальные вампиры, небось, не копают ров через свой собственный сад. Вчера опять в него упал, будь он не ладен.

Или вот насчет кусать в шею юных девиц. Где оно, я вас спрашиваю? Артур всегда был готов внять разумным доводам, но, хоть ты что с ним делай, он был уверен, что где-то там во всем этом вампирствовании должны быть юные девицы. Что бы там Дорина ни плела. В этих... пенниарах с барабанскими кружевами. Как выглядят пенниары с барабанскими кружевами, Артур не представлял себе, но он читал про них и хотел хотя бы раз поглядеть на такое дело, прежде чем помрет... ну, или что там...

Кстати, вот жены других вампиров не начинают ни с того ни с сего шепелявить и каргавить. Почему? Да потому, что нормальные вампиры сразу так разговаривают!

Артур глубоко вздохнул.

Нет, ребята. Это не жизнь, и не как вы это там ни называйте – оказаться мещанином во вампирстве.

И вот тут музыка просочилась в дыру, которую Артур пробил в своей собственной стене, чтобы вставить решетку и сделать зарешеченное окно.

– Ах ты... – взвыл Артур и схватился за щеки, чтобы унять зубную боль. – Дорина-а!

Редж Башмачкинс постучал кулаком по своей переносной трибуне:

– Таким образом, мы не собираемся лежать на спине ровно и обрастать мхом. Нет, товарищи! Этого они от нас не дождутся! Кто назовет мне семь составных частей и этапов плана по достижению равноправия с живыми? Кто, я спрашиваю?

В сухой траве кладбища шелестел ветер.

Единственным, кто обращал на Реджа внимание, был одинокий ворон.

Редж передернул плечами и перестал ораторствовать.

– Могли бы хоть попробовать, – тихо сказал он по секрету всему – скорее, тому – свету. – Я тут пальцы до костей стираю... – он продемонстрировал свои культи, – и что я слышу в ответ?

Здесь он сделал паузу – на всякий случай.

Ворон – из тех исключительно крупных и откормленных, что роились над крышами Университета – склонил голову и оглядел Реджа Башмачкинса не без интереса.

– Знаете, – промолвил Редж, – иногда просто руки опускаются...

Ворон прочистил горло. Редж резко повернулся к нему:

– Только попробуй! – крикнул он. – Только скажи это слово!

И тут он услышал музыку.

Людмила осторожно отняла ладони от ушей.

– Какой ужас! Что это, мистер Пум?

Вертрам попытался натянуть на свои уши останки шляпы.

– Не могу сказать точно, – ответил он. – Это можно было бы назвать музыкой. Если никогда не слышал музыки раньше.

В этой музыке не было нот. В ней были сколочены вместе звуки, которые изображали ноты. Как если бы кто-то рисовал карту местности, которой никогда не видел.

Хрип-шлёп. Хляпсь.

– Это где-то за городом, – определила Людмила. – Там, куда все... идут... Не может же быть, что они идут на это?

– Представить себе такое не могу, – согласился Вертрам.

– С другой стороны... Помните нашествие крыс в прошлом году? Того крысолова – он говорил, что у него есть дудочка, которую слышат только крысы?

– Помню, но только это была неправда. Это с самого начала была афера, это был Изумительный Мориц и его Ученые Грызуны.

– А если бы это была правда?

Вертрам с сомнением покачал головой:

– Музыка, чтобы приманивать людей? Ты на это намекаешь? Нет, не может быть. Нас же она не приманивает. Совсем наоборот, уверяю тебя.

– Да, но вы и не человек, строго говоря, – возразила Людмила. – А я... ой... – добавила она и и густо покраснела.

Вертрам похлопал ее по плечу:

– Насчет меня – это ты точно подметила, – ободрял ее он.

– А насчет меня – вы и сами догадались, – промолвила она, не поднимая глаз.

– Догадался. И не вижу в этом ничего такого. Если тебе это важно.

– Мама говорит, если кто узнает, будет ужаси что.

– Ну, это смотря кто узнает, – Вертрам бросил косой взгляд на Волцека.

– А чего это ваш пес на меня так смотрит? – спросила Людмила.

– Умный очень, – ответил Вертрам.

Вертрам порылся в кармане, выбросил из него пару пригоршней земли и выкопал свой ежедневник. До полнолуния ещё двадцать дней. Есть ради чего их прожить.

Куча изломанного металла начала опадать. Вокруг нее кружились тележки, а ещё дальше стояли кругом граждане Анк-Морпорка, пытаясь разглядеть, что творится в центре круга. Отвратительное подобие музыки плыло по воздуху.

– О, там и мистер Грызли, – сказала Людмила, когда они пробились сквозь толпу безвольных людей.

– Вот как? И что же он там продает?

– Кажется, ничего, мистер Пум.

– Правда? Тогда, надо понимать, дела и вправду плохи.

Из одной дыры в горе выбился сполох синего света. Обломки тележек падали на землю со стуком, словно металлические листья.

Вертрам согнулся и поднял с земли остроконечную шляпу. Она была сильно потрепана, по ней проехала целая армия тележек, но в ней ещё можно было опознать то, что предназначено служить головным убором.

– Тут были волшебники, – заметил он.

Серебристый отсвет скользил по металлу, как масло. Вертрам протянул палец, и на кончик пальца вскочила яркая жирная искра.

– Ого! – удивился он. – Какое напряжение!

Тут он услышал призывные оклики:

– Мистер Пу-ум! Мистер Пум!

Вертрам обернулся. На него надвигались Бурдалаки.

– А мы вообще-то... Я хотел сказать, ми уше тафно пи пришли нах пляц, абер...

– Да запонки эти куда-то запропастились, – пробормотал, извиняясь, Артур, красный и расстроенный. На голове его красовался оперный складной цилиндр, который прекрасно демонстрировал свои способности к складыванию, но цилиндричность ему не очень удавалась – казалось, Артур Мигль напялил себе на голову гармошку-концертину.

– Здравствуйте-здравствуйте, – приветствовал их Вертрам. Верность Миглей вампирскому кодексу чести внушала ему боязливое уважение.

– А кто есть этот прелестный фройляйн? – спросила Дорина, улыбаясь Людмиле.

– Прошу прощения? – переспросил Вертрам.

– Вас? – переспросила его Дорина.

– Меня?

– Дорина... в смысле, графиня спрашивает, кто вот она такая, – со вздохом пояснил

Артур.

– Я прекрасно понимаю, что говорю! – вспыхнула Дорина, переходя на язык, более приличествующий тому, кто родился и вырос на улицах Анк-Морпорка, а не в какой-нибудь транс-ильванской глуши. – Боги правые, если бы всем заправляли такие, как ты, у нас бы вообще никакого порядка не было!

– Меня зовут Людмила, – ответила Людмила.

– Аншанте, – любезно просипела графиня фон Бурдалак, грациозно протягивая руку, которая была бы тонкой и бледной, когда не была бы красной и крепкой. – Фсекда рат фстречайт молотой крофф. Если любишь сахарные косточки – наш тфер тля фас есть фсегда раскрыт.

Людмила повернулась к Вертраму Пуму:

– У меня это что, на лбу написано? – спросила она.

– Это особенные люди, – тихо ответил Вертрам.

– Да, должно быть, – согласилась Людмила. – Я тоже не знаю никого, кто выходит на улицу в плаще, как из оперы.

– Приходится, знаете ли, – ответил граф Артур. – Это для крыльев. Как вот, например...

Он театральным жестом закутался в плащ. Послышался хлопок, и в воздухе повисла небольшая летучая мышь. Она посмотрела на землю, злобно пискнула и спикировала в дорожную пыль. Дорина подняла летучую мышь за ногу и отряхнула от пыли.

– Что меня больше всего бесит, так это спать всю ночь с открытым окном, – промолвила она. – Может, хватит уже этой музыки? Голова начинает болеть.

Раздался ещё один хлопок. Вместо летучей мыши возник вверх ногами Артур, тотчас же воткнувшийся в землю головой.

– Все дело в стартовой высоте, – пояснила Дорина. – Нужен запас высоты, чтобы разогнаться. Если нет хотя бы одного этажа, полет у него не выходит.

– Не выходит полет, – подтвердил Артур, не без труда вставая на ноги.

– Извините за личный вопрос, – спросил Вертрам, – на вас эта музыка не действует?

– Да прямо зубы ноют, – ответил Артур. – Что для вампира, как вы сами, должно быть, понимаете...

– Мистер Пум считает, что эта музыка как-то влияет на людей, – сказала Людмила.

– У них тоже зубы ноют? – спросил Артур.

Вертрам оглядел толпы людей. Никто не обращал на членов клуба “Начни сначала” никакого внимания.

– Они будто ждут чего-то, – заметила Дорина. – Тшто-то штут, я хотель сказать.

– Ужас какой-то, – призналась Людмила.

– Ну, конечно, ужас, – согласилась Дорина. – Но мы и сами, в сущности, ужас.

– Мистер Пум хочет пробраться внутрь этой горы, – сказала Людмила.

– Отличная мысль, – согласился Артур. – И заставим их прекратить эту чертову музы-

ку.

– Но вы же можете погибнуть! – воскликнула Людмила.

Вертрам выпростал ладони и грозно потер их друг об друга:

– Вот тут, – сказал он, – возможны сюрпризы.

И он вошел в сияние.

Такого яркого света он ещё никогда не видел. Свет, казалось, лился отовсюду, он находил мельчайшую тень и безжалостно уничтожал ее. Этот свет был гораздо ярче дневного, да и не имел с ним ничего общего – в нем был голубой оттенок, который резал глаза, как ножом.

– Граф, вы в порядке? – спросил Вертрам.

– В полном, – ответил Артур.

Волчек глухо ворчал. Людмила разобрала кучу плетеного металла.

– Тут что-то есть! Похоже на... на мрамор. Оранжевый такой. – Она потрогала его. – Только он теплый. Если это мрамор, почему он теплый?

– Какой же это мрамор! Столько мрамора нет на всем свете... сфете, – поправилась Дорина. – Мы пытались достать мрамора для нашего склепа... склеп, яволль. Гномов этих удавить мало, какие цены они заряжают. Безобразия, да и только!

– Не думаю, что это дело рук гномов, – с сомнением заметил Вертрам. Он неловко опустил на колени, чтобы рассмотреть пол.

– Да, уж как-то непохоже на этих колдырей. За наш склеп они запросили семьдесят долларов! Верно, Артур?

– Почти семьдесят, – подтвердил Артур.

– Не думаю, что это вообще дело чьих-то рук, – тихо промолвил Вертрам.

Трещины. Должны быть трещины, думал он. Края, стыки, где один камень примыкает к другому. Пол не может быть таким сплошным. И таким чуть липким на ощупь.

– Так что Артур взял и построил сам...

– Да уж. Сам построил. Что уж там...

Ага, вот и стык. Хотя не совсем...

Мрамор тут был прозрачнее, словно окно – окно в другое, тоже залитое ярким светом, пространство. В нем виднелись какие-то предметы, нечеткие, словно оплавленные, но возможности проникнуть туда не было.

Он пробирался вперед, а болтовня Миглей следовала за ним.

– ...Ну, скорее склепик. Но там и крипта есть, только вот дверь как следует не закрывается, нужно выйти и припереть снаружи...

Благородство – понятие о нем у каждого свое, думал Вертрам. Для одних оно означает не быть кровососом. Для других – это гипсовые летучие мыши на стенах.

Вертрам провел пальцем по прозрачному полу. Здесь все было из прямоугольников. Везде прямые углы, и прозрачные панели по обеим стенам коридора. И адская недомызыка играет, не переставая.

Оно не живое, ведь так? Жизнь – она более... округлая.

– Что вы думаете, Волцек? – спросил Вертрам.

Волцек с готовностью гавкнул.

– Ах да. Простите.

Людмила нагнулась и положила руку Вертраму на плечо.

– А что вы имели в виду, когда сказали, что это ничьих рук дело? – спросила она.

Вертрам почесал в затылке.

– Не знаю точно. Но мне кажется, это... выделения.

– Выделения? Из чего? Чьи?

Они подняли головы: из ответвления коридора выкатилась тележка и укатилась в ответвление на другой его стороне.

– Их? – спросила Людмила.

– Не думаю. Мне кажется, они скорее рабочие. Как муравьи. Или, может быть, как пчелы в улье.

– Что же тогда у них мед?

– Не знаю. Но только он ещё не готов. Мне кажется, тут все как-то недоделано. Давайте-ка ничего тут не трогать.

Они пошли дальше. Коридор вывел их в огромное яркое пространство под куполом. Лестницы вели на другие этажи, а посередине бил фонтан и раскинулась рошица пальм в кадках, слишком красивых и здоровых, чтобы быть настоящими.

– Экая красота! – восхитилась Дорина.

– Вам не кажется, что здесь должны быть люди? – спросила Людмила. – Много-много людей?

– Во всяком случае, здесь где-то должны быть волшебники, – промолвил Вертрам Пум. – Полдюжины волшебников не могут просто взять и исчезнуть без следа.

Пятеро первопроходцев прошли ещё немного. В коридоре, из которого они только что вышли, могли бы свободно разойтись два слона.

– А вам не кажется, что нам стоило бы вернуться наружу? – спросила Дорина.

– Что это нам даст? – спросил Вертрам.

– Ну, мы бы тогда не были больше внутри.

Вертрам обернулся и сосчитал. Из центрального зала вели пять равноудаленных друг от друга проходов.

– Надо думать, что внизу и наверху все устроено точно так же, – сказал он вслух.

– Как тут чисто, – заметила Дорина несколько тревожно. – Чисто же, верно, Артур?

– Чисто очень.

– Что это за звук? – спросила Людмила.

– Какой звук?

– Вот этот. Как будто кто-то что-то сосет.

Артур огляделся не без любопытства:

– Это не я, точно.

– Это лестницы, – объявил Вертрам.

– Не говорите глупостей, мистер Пум. – Что это за сосущие лестницы?

Вертрам показал вниз:

– Вот эти вот.

Лестницы были черные и похожи на горную реку. Черная материя вытекала из-под пола, горбилась как будто ступенями, эти ступени поднимались вверх по склону и исчезали в полу верхнего этажа. Появляясь, ступени производили хлюпающий звук, как если бы кто-то исследовал исключительно зудящую дырку в зубе.

– Знаете, – сказала Людмила, – я, наверно, в жизни не видела ничего более гадкого.

– Я видел, – отозвался Вертрам. – Но это тоже вполне гадко. Отправимся вверх или вниз?

– Вы что, хотите – на них?

– Не хочу. Но волшебников на этом этаже нет, а на другой этаж можно попасть либо так, либо ехать по перилам. А вы видели эти перила?

Они присмотрелись к перилам.

– Думаю, вниз – это как-то больше по-нашему, – сказала наконец Дорина.

Они спустились в напряженной тишине. Там, где движущаяся лестница утекала обратно в пол, Артур споткнулся и упал:

– Мне вдруг показалось, что сейчас оно и меня засосет, – виновато объяснил он и огляделся вокруг.

– Просторно, – отметил он. – Масштабно. Сюда бы обои под камень, я бы тут такое устроил – заглядение!..

Людмила подошла к ближайшей стене.

– Знаете, что? – сказала она. – Тут стекла больше, чем я видела за свою жизнь, но вот эти прозрачные стены – они похожи на окна лавок. Может такое быть? Огромная большая лавка, набитая другими лавками?

– И все оно ещё не готово... Не вызрело, – добавил Вертрам.

– Что, простите?

– Да ничего, просто думаю вслух. Тебе не видно, что там продается?

Людмила заслонила глаза ладонью:

– Что-то разноцветное и блестящее, точнее не скажу.

– И скажи мне, если увидишь волшебника.

Невдалеке раздался яростный вопль.

– Ну, или если услышишь, – добавил Вертрам.

Волцек побежал в один из коридоров. Вертрам быстро потащился за ним. В конце коридора кто-то пытался отбиться от пары тележек. Эти были крупнее тех, которые Вертрам уже видел, и они поблескивали золотистым блеском.

– Эй, там! – крикнул Вертрам. Тележки перестали утюжить лежащего на полу человека, сделали задний разворот и покатали на него.

– Ох, – Вертрам передумал, но тележки уже набирали ход.

Первая отбила челюсти Волцека и со всего разгона въехала Вертраму в ноги, уронив его на пол. Когда на него наскочила вторая, он, дико изогнувшись, ухватился, не глядя, за железки и потянул на себя со всей силы. Колесико оторвалось, и тележка врезалась в стену.

Вертрам поднялся на ноги и увидел перед собой, как Артур с мрачной решимостью вцепился в ручку другой тележки, и они кружатся в бешеном центробежном вальсе.

– Отпусти ее! Отпусти! – кричала ему Дорина.

– Не могу! Не могу!

– Ну, сделай же что-нибудь!

Послышался хлопок воздуха, занимающего пустоту. Тележка внезапно оказалась в равновесной системе не со средних лет оптовым торговцем зеленью и фруктами, а с небольшой и очень перепуганной летучей мышью. Тележка врезалась в мраморную колонну, отскочила от нее, ударилась об стену и перевернулась, яростно вращая колесиками.

– Колеса! – крикнула Людмила. – Оторвите ей колеса!

– Я это сделаю, – отозвался Вертрам. – Ты помоги Реджу.

– Там что, Редж? – удивилась Дорина.

Вертрам пальцем указал на одну из стен. Слова “Лучше поздно, чем никог...” обрывались кривой полосой краски.

– Этому только дай стену и банку краски, и он уже не помнит, на каком он свете, – съязвила Дорина.

– Выбор у него не велик – тот да этот, – вздохнул Вертрам, зашвырнув колесики тележки далеко в коридор. – Волцек, поглядывайте по сторонам, вдруг их тут много.

Колесики были острые, словно коньки. В ногах что-то болталось, явно порезанное. Интересно, а как вообще заживляют раны?

Реджу Башмачкинсу помогли сесть.

– Что здесь происходит? – спросил он. – Никто не хотел зайти внутрь, пришлось мне пойти искать, откуда идет музыка. Потом появились тележки...

Граф Артур тем временем вернул себе свое более-менее человеческое обличье, горделиво огляделся, понял, что никто не смотрит на него, и снова поник.

– Эти были гораздо крепче обычных, – заметила Людмила. – Крупнее и злее. Ещё у них везде торчат шипы.

– Солдаты, – пояснил Вертрам. – До сих пор мы имели дело с рабочими. А это солдаты. Как у муравьев.

– А вот у меня в детстве была муравьиная ферма, – промолвил Артур, который ударился об пол сильнее обычного и воспринимал окружающее не без труда.

– Погодите-ка, – заволновалась Людмила. – Про муравьев я все знаю. У нас в саду их полно. Если есть рабочие и солдаты, то где-то должна быть и...

– Верно, верно, – подтвердил Вертрам.

– ... И что-то я не видел, чтобы они там пахали, а почему тогда она называется ферма?..

Людмила устало оперлась о стену.

– И она должна быть где-то неподалеку, – сказала она.

– Должна быть, – согласился Вертрам.

– И как вы думаете, на что она похожа?

– ... Проще простого, берешь два стекла да сколько-то муравьев...

– Чего не знаю, того не знаю. Но волшебники наверняка где-то рядом с ней.

– На мой фсклят, ви слишком много тумайт о них, – сказала Дорина. – А они фас шифьем хотель закопайт, стоиль фам только айнмоль умирайт.

Скрип колесиков заставил Вертрама обернуться. Ещё с десятков тележек-солдат выехали из-за угла и выстроились боевым строем.

– Они мне добра хотели, – ответил Вертрам. – Это уж так обычно бывает. Чего только люди не натворят иной раз из благих побуждений.

Услышав это, новый Смерть выпрямился:

– *ИНАЧЕ ЧТО?*

– Э-э... *ИНАЧЕ...*

Билл Двери сделал шаг назад, развернулся и бросился наутек.

Никто на свете лучше него не знал, что нельзя убежать от неизбежного. Но разве не в этом заключается вся жизнь?

До сих пор ни один мертвец не убегал от него уже после смерти. Многие пытались убежать до – иногда проявляя немалую изобретательность. Дух же, внезапно попавший с этого света на тот, обыкновенно оставался на месте. Чего уж теперь? Да и куда бежать? Если б он только знал, куда...

Призрачный Билл Двери хорошо знал, куда ему бежать.

Кузница Неда Симнеля была заперта на ночь, но это не имело значения. Не живой и не мертвый дух Билла Двери проскользнул сквозь стену.

Почти догоревший огонь в горниле освещал кузницу еле различимым светом. В кузнице было темно и тепло.

Чего в кузнице не было – так это призрака косы.

Билл озирался в отчаянии.

– Пип!

На потолочной балке прямо над ним сидела тень в капюшоне. Тень обеими лапками указывала на дальний угол.

Там из дров и палок торчала черная рукоять. Билл попытался вытащить ее руками, ставшими теперь не плотнее тумана.

– Он же обещал, что убьет ее!

Смерть Крыс сокрушенно покачал головой.

Тут новый Смерть шагнул сквозь стену, держа свою косу обеими руками. Он приблизился к Биллу Двери.

Послышалось шуршание. Кузница начала заполняться серыми халатами.

Билл Двери ослабил в ужасе.

Новый Смерть поднял косу и застыл в отблеске света от горнила.

Затем он нанес удар.

И чуть не упал, потеряв равновесие:

– *УКЛОНЯТЬСЯ? ЭТО НЕЧЕСТНО!*

Билл Двери прыжком прошел стену и побежал через площадь, набывшись черепом вперед. Призрачные ноги отталкивались от брусчатки мостовой, не издавая никакого звука. Он подбежал к паре, сидевшей под часами.

– На коня! Быстро!

– А что случилось? Что происходит?

– Ничего не вышло!

Мисс Флитворт глянула на него с ужасом, но примостила бесчувственное тельце девочки на спину Бинки, а следом забралась на лошадь сама. Тогда Билл Двери с силой хлестнул по крупу коня рукой. Это у него вполне получилось: Бинки существовал в обоих мирах.

– ВПЕРЕД!

Даже не проводив их взглядом, Билл Двери бросился по дороге в сторону фермы.

Оружие! Что-нибудь, что можно держать в руках! Единственное оружие в мире мертвых сейчас в руках новой Смерти.

На бегу Биллу Двери послышалось еле различимое скрежетание коготков и пощелкивание крошечных суставов. Глянув себе под ноги, он увидел, что Смерть Крыс не отстает от него.

Смерть Крыс пискнул что-то воодушевляющее.

Билл притормозил на повороте, схватившись за калитку фермы, и метнулся к стене амбара.

Где-то вдалеке бабахнул гром. Кроме этого, других звуков не было.

Билл чуть перевел дух и начал пробираться вдоль стены к дому.

Тут что-то блеснуло ему в глаза металлом. У стены, прислоненная поселянами, что принесли Билла с поля, стояла его коса. Не та, которую он так тщательно наточил, а другая, которой он собирал урожай. Ее лезвия касались лишь точильный камень да скупые на ласку стебли злаков, но руки Билла прекрасно знали ее рукоять.

Билл протянул руку – и его пальцы прошли сквозь нее.

– *ЧЕМ ДАЛЬШЕ УБЕГАЕШЬ, ТЕМ БЛИЖЕ ОКАЗЫВАЕШЬСЯ.*

Новый Смерть неспешно вышел из мрака.

– *Я ДУМАЛ, ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ,* – добавил он.

Билл Двери выпрямился.

– *МЫ ПОЛУЧИМ ОГРОМНОЕ УДОВОЛЬСТВИЕ.*

– *УДОВОЛЬСТВИЕ???*

Новый Смерть сделал шаг вперед. Билл Двери отступил назад.

– *О, ДА. УСТРАНИТЬ ОДНУ СМЕРТЬ ТАК ЖЕ ПРИЯТНО, КАК СКОНЧАТЬ МИЛЛИАРД МЕЛКИХ ЖИЗНЕЙ.*

– *ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ – “МЕЛКИХ ЖИЗНЕЙ”? ЭТО ТЕБЕ ЧТО, ИГРА?*

Новый Смерть подумал и спросил:

– *ЧТО ТАКОЕ ИГРА?*

Биллу Двери забрезжила искорка надежды.

– *Я МОГ БЫ ПОКАЗАТЬ, ЕСЛИ...*

Тут рукоять косы сильно ткнула его под подбородок и прижала к стене. Билл Двери сполз по стене на пол.

– *МЫ РАСПОЗНАЛИ ОБМАН. МЫ НЕ БУДЕМ СЛУШАТЬ. ЖНЕЦ НЕ ДОЛЖЕН СЛУШАТЬ СВОЮ ЖАТВУ.*

Билл Двери сделал движение, чтобы подняться. Рукоять косы ткнула его в горло с прежней силой.

– *МЫ НЕ ПОВТОРЯЕМ СВОИ ОШИБКИ.*

Билл поднял глаза. В руке новой Смерти были золотые песочные часы. Верхняя колба опустела. Вокруг них все начало меняться – краснело, тускнело, выглядело нереальным – как реальность выглядит, когда смотришь на нее с другой стороны.

– *ВАШЕ ВРЕМЯ КОНЧИЛОСЬ, МИСТЕР БИЛЛ ДВЕРИ.*

Новый Смерть откинул капюшон. Лица под ним не было. Не было даже черепа. Бесформенный черный дым клубился между мантией и золотой короной.

Билл Двери поднялся на локтях:

– *КОРОНА?* – Голос его задрожал от возмущения. – *Я НИКОГДА НЕ НАДЕВАЛ КОРОНУ!*

– *ТЫ НИКОГДА НЕ СОБИРАЛСЯ ЦАРСТВОВАТЬ.*

Смерть высоко занес косу.

И тут старый Смерть – а вместе с ним и новый Смерть – заметили, что шелест уходящего времени слышен им, как раньше.

Новый Смерть опустил косу и внимательно осмотрел золотые часы. Он потряс их.

Билл Двери увидел, как на пустоте под короной отразилось удивление, хотя выразить

его и было решительно нечем. Изумление висело в воздухе само по себе.

Корона обернулась.

Сзади стояла мисс Флитворт, закрыв глаза и протянув вперед руки. Между ее ладонями в воздухе мерцали призрачные песочные часы. Песок струился вниз рекой.

Обе Смерти прочитали едва различимое имя, выписанное зазубренными буквами на стекле: “Рената Флитворт”.

На безликом лице новой Смерти отразилось бесконечное непонимание. Он медленно повернулся к Биллу Двери:

– *Это... Это она – тебе?..*

Но Билл Двери уже поднимался, расправляя крылья, словно гнев богов. Оживленный подаренным ему чужим временем, он с рыком протянул руку себе за спину, и его пальцы сомкнулись на рукояти крестьянской косы.

Смерть в короне понял, что сейчас будет, и поднял свое оружие над головой, но в мире, пожалуй, не было такой силы, чтобы остановить несущееся сквозь воздух выщербленное лезвие, которое праведное негодование и ярость сделали острее самой остроты. Оно рассекло металл, даже не заметив.

– **НИКАКИХ КОРОН,** – отчеканил Билл Двери, глядя прямо в дым. – **НИКАКИХ КОРОН! ТОЛЬКО ЖАТВА.**

Рассеченная надвое мантия опала на пол. Раздался высокий жалобный вопль, поднявшийся за пределы слышимости. Столб черноты, словно луч отрицательного света, ударил с земли и исчез в тучах.

Смерть подождал немного и пнул мантию носком сапога. Корона, чуть погнутая, выкатилась из-под нее и почти тотчас же испарилась.

– **КАКОЙ ДЕШЕВЫЙ ТЕАТР,** – вздохнул Билл.

Затем он подошел к мисс Флитворт и нежно взял ее руки в свои.

Призрак часов исчез. Иссиня-фиолетовый туман по краям окоема таял – возвращалась надежная действительность.

В городе на башне часы закончили бить полночь.

Старушка дрожала крупной дрожью. Смерть щелкнул пальцами перед ее глазами.

– **МИСС ФЛИТВОРТ? РЕНАТА?**

– Я... я, понимаешь, не знала что делать, а ты же сказал, что это легко, ну, я и...

Смерть зашел в амбар. Вышел он оттуда, облаченный в свой черный плащ.

Мисс Флитворт стояла все там же.

– Я не знала, что делать, – повторила она, обращаясь, должно быть, не к нему. – Так что произошло? Все кончено?

Смерть огляделся. Серые халаты заполняли двор.

– **НЕ ПОХОЖЕ,** – сказал он.

За первым рядом солдат виднелись другие тележки. В основном это были мелкие серебряные рабочие, но то тут, то там поблескивал бледным золотом военный.

– Надо вернуться к лестнице, – посоветовала Дорина.

– Мне кажется, они именно этого и ждут от нас, – возразил Вертрам.

– Ну и пусть. Я не думаю, тшто их колесиики могут взбираться по лестницам. Не могут ведь?

– И забить вас до смерти им не удастся, – добавила Людмила. Волцек держался возле ее ноги, не сводя желтых глаз с медленно надвигающихся цепей врага.

– Могли бы хоть попробовать, – вздохнул Вертрам.

Члены клуба добрались до самодвижущихся лестниц. Вертрам поглядел наверх. Верхняя площадка лестницы была забита тележками, но путь вниз выглядел открытым.

– Может быть, где-нибудь есть другой выход наверх? – с надеждой предположила Людмила.

Все кое-как зашли на самодвижущуюся лестницу. Тележки тут же сомкнулись за ними, отрезая им путь к отступлению.

Этажом ниже обнаружили волшебники. Они стояли посреди кадок с растениями и фонтанов так неподвижно, что Вертрам чуть было не прошел мимо, решив, что это какие-то статуи или предметы чужеродной утвари.

Архканцлер нацепил на себя поддельный красный нос и держал в руке воздушные шарики. Возле него казначей жонглировал разноцветными шариками, но делал это совершенно машинально, глядя пустыми глазами в никуда. Чуть поодаль стоял капитан знатоков, влезший в две огромные сцепленные ремнями картонки. Буквы на них ещё не вполне созрели, но Вертрам готов был биться об заклад на свою нежизнь, что в конце концов на них будет написано “ФАЪП@ДАЖА!!!”

Другие волшебники сгрудились в кучу, похожие на заводных кукол, у которых кончился завод. На мантии каждого был нацеплен прямоугольник, на котором знакомые уже самописные буквы срастались в слова, выглядевшие как

**ОХРАННОЕ
ПРЕДПРИЯТИЕ**

хотя значение его оставалось покрытым тайной. Волшебники явно не выглядели, как люди, способные что-то предпринять для своей охраны.

Вертрам щелкнул пальцами перед выкаченными на лоб глазами декана. Никакого отзыва не было.

– Он не мертв, – уверенно сказал Редж.

– Ну, да. Просто отдыхает, – ответил Вертрам. – Он выключен.

Редж легонько толкнул декана. Волшебник покачнулся, да так и остался качаться, неловко и неуверенно.

– Этак мы их отсюда не вытащим, – покачал головой Артур. – Таких – точно не вытащим. Вы не можете их разбудить?

– Давайте покурим перьями у них под носом, – предложила Дорина.

– Не думаю, что это поможет, – возразил Вертрам. Редж Башмачкинс и так уже был у них почти под носом, а тот, чья носовая оснастка не отреагировала на мистера Башмачкинса, навряд ли обратит внимание на какое-то горящее перышко. Или, с тем же успехом, на кувалду, сброшенную с большой высоты.

– Мистер Пум, – позвала Людмила.

– Я знавал когда-то голема, вот точно такого, как этот, – заговорил Редж Башмачкинс. – Вылитый он. Здоровенный такой, глиняный. Ну, голем, одним словом. Так его, чтобы включить, надо было написать на нем специальное священное слово.

– Например, “охранное предприятие”?

– Почему бы и нет.

Вертрам посмотрел на декана.

– Да нет, не может быть, – сказал он наконец. – Кому не жалко столько глины?

Вертрам оглядел своих спутников:

– Нужно найти, откуда идет эта проклятая музыка.

– В смысле, где сидят музыканты?

– Не думаю, что там есть какие-то музыканты.

– Музыканты, товарищ, обязательно должны быть, – объяснил Редж. – Иначе какая это музыка?

– Ну, во-первых, это никакая музыка. А, во-вторых, вот я всегда думал, что для света нужна масляная лампа или свечи, а тут нет ни того, ни другого, а света все равно полно, – ответил на это Вертрам.

– Мистер Пум, – снова позвала Людмила, на этот раз подергав его за рукав.

– Что такое?

– Там опять тележки.

Тележки заняли все пять проходов, ведущих из центрального зала.

– И лестницы вниз нет... – промолвил Вертрам.

– Может быть, она... ну, Она – в одном из этих стеклянных ящиков? – спросила Людмила. – В одной из лавок?

– Не думаю. Они все какие-то недоделанные. Да и вообще это как-то неправильно...

Его прервало рычание Волцека. Шипы передних тележек грозно сверкали, но тележки не атаковали.

– Должно быть, они видели, как мы расправились с теми, – сказал Артур.

– Может быть, но как? Это было выше этажом, – усомнился Вертрам.

– Ну, может быть, те рассказали этим.

– Как они могут разговаривать? Как они могут думать? – воскликнула Людмила. – Какие мозги могут быть в куче проволоки?

– Вообще говоря, ни муравьи, ни пчелы не думают, – объяснил Вертрам. – Ими управляет... – тут он посмотрел на потолок.

И все посмотрели на потолок.

– Музыка играет откуда-то из потолка, – сказал Вертрам. – Надо найти, откуда! Срочно!

– Там только эти светящиеся доски, – посмотрела Людмила.

– Должно быть что-то еще! Ищи, откуда идет музыка!

– Да отовсюду же!

– Не знаю, что вы там задумали, – Дорина взялась за пальму в горшке и держала ее, как дубинку, – но только делайте это побыстрее!

– А что это за черная круглая штука надо мной? – спросил Артур.

– Где?

– Да вот же, – Артур ткнул пальцем.

– Великолепно, граф! Мы с Реджем поднимем вас, а вы...

– А почему я? Я высоты боюсь!

– Но вы же превращаетесь в летучую мышь!

– Да-а! А знаете, как ей страшно?!

– Граф, возьмите себя в руки. Ставьте ногу сюда. Теперь руку сюда. Теперь другую ногу на плечо Реджа...

– Не провалитесь только, – попросил Редж.

– Не нравится мне всё это! – взвыл Артур, поднимаемый к потолку. Дорина, отвернувшись от медленно крадущихся к ней тележек, прикрикнула на него:

– Артюр! Ноблесе облизь!

– Ух ты! Это по-вампи́рски? – шепотом спросил Редж.

– Это означает примерно “если ты граф, веди себя по-графски”, – перевел Вертрам.

– Граф, как же! – ныл Артур, опасно раскачиваясь. – Какого рожна я вообще слушал этого нотариуса? Не знал я, что ли, что хорошие вещи не вручают в длинных желтых конвертах? И, главное, все равно мне до этой чертовой штуковины не достать!

– Вы могли бы до нее допрыгнуть? – спросил Вертрам.

– Не буду я прыгать!

– Тогда долететь? Превратитесь в летучую мышь и долетите!

– Запаса высоты же не хватит!

– Вы можете его метнуть в воздух, – предложила Людмила. – Как бумажный голубок.

– Ещё чего! Я граф вообще-то!

– Мне показалось, вы были не очень этому рады, – мягко напомнил Вертрам.

– На полу это одно дело! А когда тебя швыряют в воздух, как какую-нибудь...

– Артур! Делай, что мистер Пум говорит!

– Но не могу же я...

– Артю-ур!!!

Для летучей мыши Артур весил неожиданно много. Вертрам держал его за уши, как странной формы мяч для баскетбола и целился.

– Я, между прочим, редкий вид, не забывайте! – пропищал граф, но Вертрам уже занес руки.

Бросок оказался очень точным. Артур подлетел к диску в потолке и обхватил его когтями.

– Не вынимается?

– Нет!

– Тогда держите его крепко и превращайтесь обратно!

– Ни за что!

– Мы вас поймаем!

– Ни за что!

– Артюр!! – снова прикрикнула Дорина, отбиваясь от наступающих тележек своей пальмовой палицей.

– Ладно, ладно! Будь по-вашему!

Одно мгновение внезапно появившийся на потолке Артур Мигль отчаянно пытался удержаться в воздухе, но тотчас же рухнул на Вертрама и Реджа, прижимая к груди черный диск.

Музыка прекратилась. Из дыры в потолке повалили розовые трубки – Артур, оплетенный ими, стал похож на макароны с котлетой по-столятски в очень дешевом трактире. Фонтаны, казалось, заработали в обратную сторону, но тут же остановились. Тележки застыли в растерянности. Задние налетели на передние, и все потонуло в громком жалобном звяканье.

Из дыры в потолке продолжали вываливаться розовые трубки. Вертрам потрогал одну. Она была пакостного телесного цвета и немного липкая на ощупь.

– Как вы думаете, – спросила Людмила, – что это такое?

– Я думаю так, – ответил Вертрам, – что нам надо бы срочно выбираться отсюда.

Тут пол сильно вздрогнул. Из фонтана повалил густой пар.

– Даже ещё быстрее, – добавил Вертрам.

Тут громко икнул архканцлер. Декан повалился вперед лицом. Остальные волшебники остались на ногах, но продолжали стоять лишь чудом.

– Они просыпаются. Но лестницу им, пожалуй, не осилить, – с сомнением сказала Людмила.

– Я бы не советовал никому даже думать о том, чтобы попробовать осилить эти лестницы, – ответил Вертрам. – Вы только посмотрите на них.

Самодвижущиеся лестницы больше не являлись таковыми. Черные их ступени хищно поблескивали в здешнем освещении, не оставляющем теней.

– Понимаю вас, – согласилась Людмила. – Я бы скорее попробовала пройти по зыбу-

чему песку.

– Да, это, пожалуй, было бы не так опасно, – кивнул Вертрам.

– Может быть, где-нибудь ещё можно подняться, без лестниц? Тележки же должны были как-то сюда попасть.

– Отличная мысль!

Людмила оглядела тележки, бессмысленно катавшиеся вокруг:

– Кажется, у меня есть ещё одна, – сказала она и схватила одну за ручку. Тележка взбрыкнула, но, не получив никаких других указаний, послушно остановилась. – Те, что могут идти, пусть идут, а тех, кто не может, мы повезем. Ну-ка, дедушка, – обратилась она к казначею, пытаясь убедить его улечься поперек тележки.

Казначей прошептал “Так точно, сэр!” и снова сомкнул свои очи. Сверху на него закатали декана²⁶.

– Теперь куда? – спросила Дорина.

Несколько плиток пола вскоробились. Плотный серый туман пополз по полу.

– Выезд, наверно, где-то в конце коридора, – ответила Людмила. – Пойдемте скорей!

Артур стоял и смотрел, как клубы тумана опутывают его ноги:

– Ну вот как, как они это делают? – говорил он. – Знаете, это невероятно трудно устроить. Мы хотели, чтобы наш склеп выглядел более, ну, склепично – но дым просто забирает все помещение, а потом ещё занавески обгорели...

– Артю-ур! Шнеллер!

– Послушайте, а как вы думаете, мы тут ничего серьезного не сломали? Может быть, надо оставить записку?..

– Я могу написать на стене все, что хотите! – воскликнул Редж. Он взял слабо трещащую тележку за ручку и с плохо скрываемым удовольствием трахнул ее об колонну так, что колесики полетели во все стороны.

Вертрам проводил в дальний конец коридора членов клуба “Начни сначала”, толкающих перед собой свежешупакованных волшебников в ассортименте.

– Вот, значит, как, – промолвил он. – Как все просто получается. И на этом все? Не впечатляет.

Вертрам попытался сделать еще один шаг, но не смог.

Розовые трубки, выбивающиеся из-под пола, плотно оплели его ноги. То тут, то там от пола отскакивали новые и новые плитки. Лестницы тряслись, то и дело обнажая темную, жилистую и несомненно живую материю, которая приводила их в движение. Стены пульсировали и изгибались, и под отвалившимися кусками ложного мрамора мелькало розовое и иссиня-красное.

Нет-нет, думал островок спокойствия в глубине ума Вертрама, это все не настоящее. Строения не бывают живыми. Это не более, чем образ. Только вот нужен этот образ сейчас примерно так же, как свечка на пороховом складе.

И все-таки, что же она такое, эта королева? Как пчеломатка, только она сама ещё и

²⁶ По традиции, согласно которой при загрузке тележки самые хрупкие предметы всегда кладут на самое дно.

улей. Или как ручейник, который, если я ничего не путаю, строит себе панцирь из камешков и всякого подводного мусора, чтобы прятаться в нем. Или как наутилус, раковина которого растет вместе с ним. А ещё она, конечно – судя по тому, как изгибаются полы – очень разъяренная морская звезда.

Как же города защищаются от таких штук? Живые существа всегда заводят себе что-то для защиты от хищников. Яд, жало, шипы – что-нибудь этакое.

Здесь и сейчас это, пожалуй, я. Старая колючка Вертрам Пум.

Что я точно мог бы сделать – это помочь остальным выбраться отсюда. А ну-ка, покажем, на что мы способны...

Вертрам нагнулся, схватил пригоршню пульсирующих трубок и потянул со всей силы.

Вопль королевы было слышно, наверно, даже в Университете.

Грозовые тучи собирались к холму. Там они с огромной скоростью громоздились в башню. Где-то в недрах этой башни сверкнула молния.

– ВОКРУГ СЛИШКОМ МНОГО ЖИЗНИ, – промолвил смерть. – НЕТ, РАЗУМЕЕТСЯ, Я НЕ ЖАЛЮЮСЬ. ГДЕ ДЕВОЧКА?

– В кровати. Спит. Спит обычным сном.

В холм ударила молния. Вслед за вспышкой раздалось кляцанье и скрежет, которые донеслись не с небес, а откуда-то поближе.

Смерть вздохнул:

– ОХ. ТЕАТР НЕ ЗАКРЫВАЕТСЯ.

Он зашел за угол амбара оглядеть скрытые ночной тьмой поля. Мисс Флитворт не отходила от него ни на шаг, закрываясь им, как щитом, от неведомых ужасов, таящихся во мраке.

За дальними изгородями показался синий свет. Он приближался.

– Это что такое?

– Это? Это был **ВСЕПОЖИНАТЕЛЬ**.

– Что значит “был”? А что же он теперь?

Смерть глянул искоса на висящих в воздухе поодаль наблюдателей.

– ТЕПЕРЬ ЭТО ЖЕЛЕЗНЫЙ ЛОМ.

Всепожигатель рассекал вымокшие поля, махая парусиновыми руками. Рычаги ходили ходуном в синем электрическом нимбе. Оглобли для лошади торчали перед ним безо всякого смысла.

– Как это он едет сам, без лошади? Вчера его везла лошадь!

– Лошадь ему ни к чему.

Билл снова оглядел серых зрителей. Они уже нависали сплошными рядами.

– Бинки все ещё ждет во дворе. Бежим!

– НЕ НУЖНО.

Всепожинатель направлялся прямо на них. Клацанье его лезвий слилось в сплошной вой.

– Это он так разозлился, что ты украл у него парусину?

– НЕ ТОЛЬКО ПАРУСИНУ.

Смерть одарил наблюдателей широкой ухмылкой. Он поднял косу, перекинул ее из руки в руку и, убедившись, что все взоры прикованы к ней, уронил косу на землю.

И сложил руки на груди.

Мисс Флитворт потянула его за плащ:

– Что ты такое творишь?

– ТЕАТР.

Пожинатель въехал через ворота во двор и несся к ним в туче опилок.

– Ты уверен, что все получится?

Смерть кивнул.

– Ну... Ну, ладно тогда.

Спицы в колесах Пожинателя стали неразличимы.

– Почти.

И тут...

... в недрах машины что-то шелкнуло.

Пожинатель продолжал движение, но уже в разные стороны. Передаточные валы его отчаянно сыпали искрами. Какие-то штыри и рычаги ещё держались заодно, бешено дергаясь и постепенно замедляя вращение. Колесо с лезвиями отлетело, вырвалось из внутренностей машины и укатилось в поля.

Послышалось бряканье, звяканье и последний одинокий звоночек – звуковой эквивалент знаменитой пары дымящихся ботинок.

Потом упала тишина.

Смерть спокойно нагнулся и подобрал подкатившуюся к нему железку сложной формы. Она была согнута под прямым углом.

Мисс Флитворт огляделась вокруг.

– Что это было?

– Я думаю, ЭЛЛИПТИЧЕСКИЙ КУЛАЧОК СОСКОЧИЛ С БАЛАНСИРА И ПОПАЛ В ЖЕЛОБ ФЛАНЦА. ПОСЛЕДСТВИЯ БЫЛИ САМЫЕ УЖАСНЫЕ.

Смерть победно смотрел на серых наблюдателей. Те исчезали один за другим.

Смерть поднял косу.

– А ТЕПЕРЬ МНЕ ПОРА, – сказал он.

– Как? Вот так просто берешь и уходишь? – ошарашенно спросила мисс Флитворт.

– ДА, ТАК. ОЧЕНЬ МНОГО РАБОТЫ.

– И что же, мы больше не увидимся? В смысле, до...

– ОБЯЗАТЕЛЬНО УВИДИМСЯ. СКОРО. – Смерть искал нужные слова, но не нашел. – Я ОБЕЩАЮ.

Затем он сунул руку под плащ и пошарил в кармане штанов Билла Двери, которые так и не снял.

– УТРОМ МИСТЕР СИМНЕЛЬ ПРИДЕТ СОБИРАТЬ ОБЛОМКИ. ОН СКОРЕЕ ВСЕГО БУДЕТ ИСКАТЬ ВОТ ЭТО, – сказал он и положил в ладонь мисс флитворт что-то маленькое и заостренное с одного конца.

– Это что такое?

– ШПЛИНТ НА ТРИ ВОСЬМЫХ.

Смерть шагнул к Бинки, но тут вспомнил:

– И ЕЩЁ ОН ДОЛЖЕН МНЕ ФАРТИНГ.

Навернули открыл один глаз. Вокруг суетились какие-то люди. Огни, суматоха и множество людей, говорящих одновременно.

Себя он обнаружил сидящим в очень неудобной коляске, и вокруг него жужжали какие-то престранные насекомые.

Он слышал оханье декана и стоны, издавать которые мог только казначей, а также молодой женский голос. Судя по всему, кому-то оказывали первую помощь. А на него отчего-то никто не обращал никакого внимания. Но когда оказывают первую помощь, ее в первую очередь должны были оказать ему!

Архканцлер громко кашлянул:

– Вы могли бы, – предложил он окружающим, – попробовать влить в меня немного бренди.

Над ним склонился кто-то, держащий над головой лампу. Лицо у него было пятого размера, а голова тринадцатого²⁷. Склонившись, он заботливо спросил:

– У-ук?

– А, это вы... – промолвил Навернули и поспешил сесть, на случай, если библиотекарю вздумается сделать ему искусственное дыхание рот в рот.

В голове бродили обрывки воспоминаний. Он вспоминал стену гремучего металла, что-то розовое, а потом – музыку... бесконечную музыку, превращавшую живые мозги в творог.

Архканцлер обернулся. Сзади стояло строение, окруженное толпами людей. Строение было невысокое и жалось к земле так, будто было каким-то существом, могло поднять в воздух один из корпусов, и слышалось бы чпоканье отрывающихся присосок.

Из строения лился свет, а из его дверей клубами стелился густой пар.

– Навернули пришел в себя!

²⁷ Что соответствует 33 и 43 в более привычным нам мерках. (Прим. перев.)

Перед его глазами поплыли новые лица. Так, думал архканцлер, сегодня не Ночь Всех Свитых, так что вряд они все в масках. Это ж надо...

За спиной он услышал декана:

– Я предлагаю материализовать сейсмический переустроитель Змейса и загнать его в главный вход. Легко и просто!

– Так близко к городским стенам? Ни в коем случае! Все, что нам нужно – это сбросить в нужной точке аттрактор Устарелло и...

– А может быть, Зажигательный Сюрприз Нужникова-Прыгуна? – предложил голос казначея. – Выжечь его изнутри, это же лучше всего...

– Да? Что вы говорите! А что вы понимаете в тактических вооружениях? Вы даже “так точно” без ошибки сказать не можете!

Навернулли взялся за борта тележки:

– Кто-нибудь возьмет уже на себя труд объяснить мне, – потребовал он, – что за... чепуха здесь происходит?

Из-за спин членов клуба “Начни сначала” к нему выбралась Людмила.

– Остановите их, архканцлер! – воскликнула она. – Они собираются уничтожить эту большую лавку!

Ещё несколько весьма неприятных воспоминаний вернулись к архканцлеру.

– Отличная мысль, – отозвался он.

– Но там же мистер Пум!

Навернулли глазел на светящееся строение.

– Вертрам Пум? Он же умер!

– Мы заметили, что его нет с нами, и тогда Артур полетел обратно, а потом вернулся и рассказал, что он там сражается с какими-то штуками, которые выходят из стены. Мы видели сотни тележек, но им было явно не до нас. Это он нас выпустил!

– Вертрам Пум? Он же умер!

– Вы не можете применять магию – там внутри один из ваших же волшебников!

– Вертрам Пум? Он же умер!

– Ну да!

– Но он же умер! – непонимающе повторил Навернулли. – Он же сам так сказал.

– Вот оно! – воскликнул на это некто, у которого кожи было сильно меньше, чем Навернулли хотелось бы. – Вот вам образ мысли виталиста! Живого они спасали бы любой ценой!

– Но он же сам хотел... ему было не так уж... он вообще... – слабо защищался Навернулли.

Все это было слишком непонятно, но такие люди, как архканцлер, не умели озадачиваться непонятными вещами слишком долго. Навернулли был человек простой. Это совсем не значит глупый. Это значит, что он мог думать о каком-либо предмете, только сгладив как следует напильником все его шероховатости и замысловатые мелкие детали. Архканцлер со-

средоточился на главном: кто-то, по факту являющийся волшебником, терпит бедствие. Вот здесь все просто и ясно. С этим можно работать. А кто там живой, кто мертвый – разберемся после.

Но оставалось прояснить ещё кое-что:

– Погодите, вы сказали, Артур – полетел?

– Вечер добрый!

Навернулли обернулся и вытаращил глаза:

– Вот это зубы! – только и выговорил он.

– Спасибо на добром слове, – поблагодарил Артур Мигль.

– И все ваши?

– А то чьи же!

– Великолепные зубы. Вы их, конечно, чистите регулярно?

– А как иначе-то?

– Это хорошо. Это гигиенично. Это очень важно.

– Так что вы собираетесь делать? – спросила Людмила.

– Ну, что-что? Залезем туда и вытащим его оттуда, – ответил Навернулли.

Что за чудная девушка? Почему так нестерпимо хочется почесать ее за ухом?

– Наколдую что-нибудь и вытащим его. Вот именно. Декан!

– Так точно! Присутствует!

– Мы отправляемся за Вертрамом. Надо вытащить его оттуда.

– Так точно!

– Что? Да вы с ума сошли! – запротестовал капитан знатоков.

Навернулли постарался принять максимально авторитетный вид, возможный в его положении.

– Я вообще-то пока еще ваш архканцлер!

– Значит, вы сошли с ума, мой архканцлер! – Капитан знатоков понизил голос. – Он же нежить. Я вообще не понимаю, как это возможно – спасти жизнь нежити? Тут противоречие в определениях.

– В смысле, дихотомия? – попытался помочь казначей.

– Ну уж нет, обойдемся без хирургического вмешательства.

– И вообще, мы ведь, кажется, его похоронили? – напомнил профессор новейших древностей.

– А теперь вернем его обратно на свет божий, – ответил архканцлер. – Это будет что-то вроде чуда природы.

– Точно! Как корнишоны! – обрадованно воскликнул казначей.

Тут лица озадаченно вытянулись даже у членов клуба “Начни сначала”.

– Так делают туземцы в одной стране в Очудноземье, – принялся объяснять казначей.

– Они сколачивают такие большие-большие бочки, кладут в них особые овощи и закапывают в землю, чтобы те там настоялись, а потом выкапывают прелестные маринованные...

– Скажите, – прошептала Людмила на ухо Навернулли, – волшебники, они всегда такие?

– Наш капитан знатоков – образцовый волшебник, – кивнул Навернулли. – Всегда начеку, внимательный, отзывчивый – как фарфоровый клоун в серванте. Горжусь, что он в нашей команде. – Архканцлер потер ладошки: – Итак, добровольцы – шаг вперед!

– Так точно! Слушаюсь! – отчеканил декан, снова ушедший в свой внутренний мир.

– Я стал бы предателем нашего великого дела, если бы не помог товарищу! – сказал Редж Башмачкин.

– У-у-ук!

– Вы? Ни в коем случае, – декан замахал руками на библиотекаря. – Что вы вообще понимаете в тактике герильи?

– У-ук! – ответил библиотекарь и на удивление понятным жестом объяснил, что если тактика гориллы ему до конца и не ясна, то все, чего он не знает о тактике орангутанга, без труда поместится на хорошо утопанных останках, например, того же декана.

– Вчетвером справимся, – подытожил архканцлер.

– Даже “так точно!” толком сказать не сможет... – пробормотал вполголоса декан.

Затем он снял свою шляпу – чего волшебник обыкновенно не делает, если только не собирается вынуть что-то из нее – и протянул ее казначею. Оторвав тонкую полоску от полы своей мантии, он театрально подержал ее двумя руками и обвязал вокруг лба.

– Такой обычай, – ответил он на слишком явно не прозвучавший вопрос. – Так делают воины Противовесного континента перед последней битвой. Ещё положено кричать... – Декан попытался вспомнить что-то, прочитанное очень давно, – ага, “бонсай”. Точно. Бонсай!

– По-моему, это означает особую декоративную стрижку деревьев, чтобы они оставались маленькими, – сообщил капитан знатоков.

Декан задумался. Если вдуматься, он не был особенно уверен в том, что прав. Но настоящий волшебник не должен подвергать себя сомнениям.

– Да нет. Именно “бонсай”, – возразил он. Подумав ещё немного, он добавил: – Это ведь часть буси-до. Декоративные деревья, ну, конечно! А бусы они делают из косточек. Бусы – до. Деревья – после. Стоит поразмыслить, и все становится ясно.

– Но зачем кричать “бонсай” тут, у нас? – недоумевал профессор новейших древностей. – У нас совершенно другой менталитет. Какой смысл? Никто даже не поймет, о чем это вы.

– Это вы уж предоставьте мне, – ответил с достоинством декан.

Тут он заметил Людмиллу, стоящую рядом с открытым ртом.

– Вы нас извините, сударыня, это мы о своем, – сказал он, – о волшебном.

– Не может быть, – отозвалась Людмила. – Ни за что бы не догадалась.

Архканцлер тем временем выбрался из тележки и задумчиво пробовал катать ее легонько вперед и назад. Обычно новой идее требовалось немало времени, чтобы обосноваться

в уме Навернулли, но он уже начинал подозревать, что тележке на четырех колесиках можно найти множество самых разнообразных применений.

– Ну, что, мы идем или будем стоять тут и перевязывать себе головы? – позвал он.

– Так точно! – рявкнул декан.

– Так? Точно? – переспросил Редж Башмачкинс.

– У-ук!

– Надо понимать, это значит “так точно”? – спросил декан не без яда.

– У-ук!

– Ну-ну.

Смерть сидел на вершине горы. Это была самая обыкновенная гора – не лысая, не одинокая, не роковая. Голые ведьмы не справляли на ней своих шабашей. Ведьмы Плоского мира вообще предпочитают не снимать с себя больше одежды, чем позарез необходимо для того, чем они занимаются в данный момент. Здесь не водилось привидений. На вершине ее не сидел нагой старец и не делился мудростью с пришедшими к нему богатырями, потому что первое, что узнал бы по-настоящему мудрый старец, сидя нагишом на вершине горы – это то, что, сидя нагишом на вершине горы, можно не только заработать почечуй, но ещё и отморозить себе важное.

Иногда люди восходили сюда и добавили по камешку в кучу, высившуюся на вершине – просто, чтобы доказать, что в мире нет такой невероятной бессмыслицы, которую люди не могли бы совершить.

Смерть сидел на вершине кучи камней и водил камешком по лезвию своей косы длинными, хорошо выверенными движениями.

Воздух пошевелился. Из воздуха появились трое служащих в сером.

Думаешь, ты победил? – сказал один.

Думаешь, ты выиграл? – сказал один.

Смерть повертел камешек в пальцах, чтобы выбрать подходящий угол, и провел им по лезвию от пятки до самого острия.

Мы все сообщим Азраилу, – сказал один.

Кем ты себя возомнил? – сказал один. – Ты всего лишь одна маленькая Смерть.

Смерть поднял лезвие к луне, повернул его так и сяк, разглядывая игру лучей лунного света на мельчайших частичках металла, примагнитившихся к лезвию.

Потом он встал – одним стремительным движением. Служащие поспешно отпрянули.

С грациозностью броска змеи он потянулся и надвинул капюшон своего плаща на самые глазницы.

– А ВЫ ЗНАЕТЕ, ЗАЧЕМ УЗНИК В БАШНЕ СЛЕДИТ ЗА ПОЛЕТОМ ПТИЦ? – спросил он.

Убери руки! – сказал один, – Отпусти меня! ой...

Сверкнуло синее пламя.

Смерть опустил руки и глянул на оставшихся двух.

Ничего ещё не кончено, – сказал один.

Серые тени исчезли.

Смерть смахнул пушинку пепла со своего плаща и расставил ноги на вершине горы. Обеими руками он поднял косу над головой и призвал к себе все частные Смерти, что появились в мире в его отсутствие.

Вскоре они затопили весь склон горы, поднимаясь к вершине призрачной черной волной.

Они текли, как черная ртуть.

Это движение продолжалось довольно долго, а потом прекратилось.

Смерть опустил косу и оглядел себя. Да, все здесь. Он снова стал Смертью, сосредоточив в себе все смерти мира. За исключением...

Он замер, задумавшись. Где-то внутри таилась маленькая пустота – какая-то недостающая частичка его души. Что-то, что он упустил из внимания...

Что это было, он никак не мог понять.

Смерть пожал плечами. Разберусь потом. Непременно. Сейчас предстоит столько работы...

Он поскакал прочь.

Где-то далеко-далеко, в своей норе под амбаром Смерть Крыс наконец чуть ослабил хватку, которой держался за балку.

Вертрам Пум со всей силы наступил обеими ногами на щупальце, змеившееся под плитками пола и потащился сквозь пар. Мраморная плита рухнула, осыпав его осколками. Он яростно ударил плечом в стену.

Выхода, должно быть, больше нет, понял он, а если и есть, то ему его не найти. Но, как бы там ни было, он забрался в самое чрево этой штуки. Оно обрушивало собственные стены, пытаясь завалить его. По крайней мере он сумеет устроить ему свирепое расстройство желудка.

Вертрам пробрался к проему, служившему когда-то входом в широкий коридор, и успел нырнуть в него, прежде, чем проем захлопнулся. Серебряное пламя с треском пробежало по стенам. Здесь было столько жизни, что сдерживать ее не было никакой возможности.

По трясущимся полам все еще бегало несколько тележек, таких же потерянных, как и сам Вертрам.

Он свернул в другой коридор, показавшийся ему знакомым, хотя почти ни один из коридоров, с которыми он познакомился в последние сто тридцать лет, не пульсировал и не истекал таким обильным соком.

Из стены вырвалось щупальце и обхватило его.

Убить его оно, конечно, не могло. Но оно могло сделать его бестелесным. Духом, как Там-Один-Ведро. Это, пожалуй, даже хуже смерти.

Вертрам вырвался. На него обрушился потолок, прижав его к полу.

Вертрам сосчитал до десяти и рванулся вперед. Его окутал густой пар. Он рванулся ещё раз и вытянул перед собой руки.

Он чувствовал, как слабеет. Слишком многим приходилось управлять. Какая там селезенка! Простое сердцебиение и дыхание отнимало слишком много сил...

– Да здравствует пасынкование!

– Что вы такое несете?

– Пасынкование! Ясно вам? Хоба!

– У-у-ук!

Вертрам широко раскрыл свои затуманившиеся глаза.

Вот оно что. Похоже, мозг тоже перестает его слушаться.

Сбоку из клубов пара выкатилась тележка, за бока которой держались какие-то люди. Волосатая рука и рука, отдаленно напоминающая руку, протянулись к нему, вытащили его и взвалили на тележку. Четыре колесика заскрежетали по полу, тележка стукнулась об стену, но выровнялась и заковыляла прочь.

Здесь Вертрам начал различать голоса.

– Декан, ваш выход. Вы этого давно ждали, – это был голос архканцлера.

– Так точно!

– А вы его убьете насовсем? Не хотелось бы потом встретиться с этим в нашем клубе. Я считаю, нам с такими уклонистами не по пути. – Это был Редж Башмачкинс.

– У-ук! – Это библиотекарь.

– Не волнуйтесь, Вертрам. Сейчас декан покажет нам, в какой он боевой форме, – обратился к Вертраму Навернулли.

– Так точно! Ура!

– Экий бравый! Кто бы мог подумать!

Мимо Вертрама пронеслись руки декана, держащие что-то блестящее.

– И что же вы пустите в ход? – спросил Навернулли, убегая в пар вслед за тележкой. – Сейсмический переустроитель, аттрактор или Зажигательный Сюрприз?

– Так точно! – ответил декан с гордостью.

– Что, все три сразу?

– Так точно!

– А не слишком ли это круто? И, кстати, декан: ещё один воинственный клич, и я лично вышвырну вас из университета и отправлю на самый край света в сопровождении самых злобных демонов, каких только может вызвать тауматургия, разорванного на мельчайшие кусочки, размолотого, превращенного в соус наподобие горчицы и вылитого в собачью миску.

– Хо... – но тут декан поймал взгляд Навернулли. – Но почему? Нет, в самом деле, архканцлер? Какой смысл в том, чтобы овладеть космическим равновесием и познать все тайны судьбы, если ты потом не можешь что-нибудь расхреначить? Какой, я спрашиваю? И вообще, я уже все приготовил. Знаете, как трудно потом разбираться с хозчастью, когда уже

все приготовишь?

Тележка накренилась и пошла дальше на двух колесах.

– Ох, ну, ладно, – смягчился Навернулли. – Если вам это так важно...

– Так точ... простите.

Декан принялся шептать что-то себе под руку, но вдруг вскрикнул:

– Я ослеп! Я ничего не вижу!

– Ваша бонсайная повязка сползла вам на глаза, декан, – простонал Вертрам.

– Как вы себя чувствуете, товарищ Пум? – Весь мир Вертраму заслонила изможденная физиономия Реджа Башмачкинса.

– Да как вам сказать, – ответил Вертрам. – Могло быть лучше. Но могло быть и хуже.

Тележка стукнулась об стену и отскочила в другую сторону.

– Как там поживают ваши заклинания, декан? – прорычал Навернулли сквозь зубы. – Довольно трудно становится управлять этой штуковиной.

Декан торопливо пробормотал ещё несколько слов и драматическим жестом вскинул руки. Октариновое пламя слетело с его пальцев и унеслось куда-то в туман.

– Йо-хо-хо! – проревел он.

– Декан!

– Слушаю, архканцлер?

– Вот то, что я сказал насчет слова на букву “х”...

– Ну, что?! Что еще?!

– Относится и к “йо-хо-хо” в той же степени.

Декан поник.

– Хорошо, архканцлер. Будь по-вашему, архканцлер.

– И, кстати, где же “бада-бум”?

– Архканцлер, я поставил небольшую задержку. Я подумал, может быть, нам стоит выбраться отсюда прежде, чем все случится.

– Отличная мысль! Хвалю!

– Скоро будем дома, Вертрам, – утешил Редж Башмачкинс. – Мы своих не бросаем! Что ни говори, а это...

Тут пол перед ними вздыбился стоймя.

А потом и за ними.

То, что возникло из каменного лома, было не то бесформенным, не то имело сразу множество форм. Оно бешено извивалось и раскачивалось, грозно размахивая своими трубами.

Тележка уперлась в обломки и остановилась.

– Декан, у вас осталась еще какая-нибудь магия?

– Э-э... Нет, архканцлер.

- А через сколько времени сработает...?
- В любой момент, архканцлер.
- Выходит... Чему быть... тому, значит, не миновать?
- Так точно, мой архканцлер.

Навернули положил руку Вертраму на плечо:

- Что ж. Простите великодушно, – сказал он. – И на всякий случай прощайте.

Вертрам с трудом обернулся, чтобы посмотреть, что там сзади в коридоре.

А там за королевой появилось нечто. И выглядело оно совершенно, как обыкновенная дверь спальни. Она приближалась короткими перебежками, как если бы кто-то толкал ее перед собой.

- Это что такое? – спросил Редж.

Вертрам приподнялся, насколько только мог:

- Шлеппель!

- Только этого не хватало, – пробормотал Редж.

- Это Шлеппель! – закричал Вертрам. – Шлеппель! Это мы! Помогите нам!

Дверь остановилась. Потом она отлетела в сторону.

Шлеппель выпрямился во весь свой рост.

- Мистер Пум! Редж! Я вас нашел! – воскликнул он.

Все уставились на огромное волосатое чудище, закрывшее почти весь просвет коридора.

- Шлеппель, миленький! Не могли бы вы вытащить нас отсюда? – взмолился Вертрам.

- Конечно, мистер Пум! Для друга – все, что угодно!

Рука толщиной с тележную ось протянулась через пар и расчистила проход с невообразимой легкостью.

- Ну, как я вам? – прогремел Шлеппель. – А вы были правы! Дверь бабаю нужна, как рыбе велосипед! Скажем вместе, скажем дружно, дверь бабаю...

- А теперь не могли бы вы отойти? Чтобы мы прошли мимо?

- Да конечно! Конечно! Ах ты, дрянь!.. – Шлеппель нанес королеве ещё один удар.

Тележка рванулась вперед.

- Вам лучше бы пойти с нами, – прокричал Вертрам, но Шлеппель уже исчез в клубах пара.

- Вот уж нет, – возразил архканцлер уже на бегу. – Поверьте мне, лучше не надо. Что это было?

- Он бабай, – объяснил Вертрам.

- Я думал, они водятся только в шкафах да чуланах, – пыхтел Навернули.

- Он вышел из шкафа, – с гордостью ответил Редж Башмачкинс. – Он нашел себя.

– Хорошо бы он теперь ещё и нас не нашел.

– Но мы же не можем бросить его...

– Можем! Можем! – отрезал Навернулли.

Сзади послышался звук, похожий на выход из трясины болотного газа. Мимо них полетели зеленые огоньки.

– Заработало! – воскликнул декан. – Бежим!

Тележка выкатилась из главного входа и вылетела на ночную прохладу, визжа всеми четырьмя колесиками.

– Х-хоба! – прогремел Навернулли, и толпа расступилась перед ними.

– Ах, так, значит, и мне можно? – спросил декан.

– Да будет вам. Я всего один раз. Один раз, как говорят, не...

– Хоба!

– Хоба! – подхватил Редж Башмачкинс.

– У-ук!

– Хоба! – вымолвил Вертрам Пум.

– Хоба! – добавил Шлеппель.

(А в темноте, там, где людей было меньше всего, высокий и тощий мистер Иксолит, последний банши на свете, прокрался к трясущемуся строению и опасно бросил в дверь записку. На ней было написано “УУУиииУУУиииУУУиии”).

Тележка пропахала землю и остановилась насовсем. Никто не обернулся. Редж тихо спросил:

– Вы ведь у нас за спиной, верно?

– Верно, мистер Башмачкинс, – ответил ему счастливый голос Шлеппеля.

– А нам надо бояться, когда он перед нами? – спросил Навернулли. – Или, когда он сзади, то это ещё хуже?

– Дудки! Этот бабай больше не вернется в шкафы и подвалы! – ответил Шлеппель.

– Жаль. У нас в университете такие огромные подземелья! – быстро сказал Вертрам.

Шлеппель помолчал. Потом он спросил, стараясь не выдать волнения:

– Какие огромные?

– Колоссальные!

– Правда? И с крысами?

– Что крысы! Там беглые демоны. Да кого там только нет. Кишмя кишат.

– Что вы делаете? – прошипел Навернулли. – Это же наши подземелья!

– А вы предпочитаете держать его у себя под кроватью? – так же тихо ответил Вертрам. – Или обнаружить его за своей спиной в темном коридоре?

Навернулли коротко кивнул.

– Вообще-то да, крысы эти в последнее время расшалились, – сказал он громко. – Там

некоторые... с полметра уже ростом, не правда ли, декан?

– Метровые, – отозвался декан. – Не меньше.

– И жирные, как каплуны, – добавил Вертрам.

Шлеппель задумался.

– Что ж, – сказал он наконец. – Надо будет взглянуть.

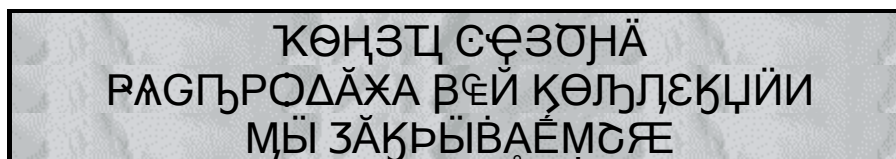
Гигантская лавка одновременно взорвалась и обрушилась внутрь себя – для такого фокуса просто необходимо либо потратить состояние на спецэффекты, либо применить три противоборствующих заклинания. Это было похоже на то, как если бы огромное облако разлетелось во все стороны и в то же время с огромной скоростью улетело прочь, так, чтобы выглядеть стремительно уменьшающимся в точку. Стены сложились и всосались под землю. С растоптанных окрестных полей сорвало почву и по спирали затянуло внутрь. Раздался безумный всхлип антимузыки, но тотчас же умолк.

На полном грязи поле воцарилась тишина.

Тогда откуда-то с рассветного неба посыпались, словно снег, тысячи белых листков. Они беззвучно кружились в воздухе и ложились на землю и стоящих на ней людей.

– Надеюсь, это не семена? – спросил Редж Башмачкинс.

Вертрам поймал один листок. Он был приблизительно прямоугольной формы, но кривой и мятый. С трудом и известной долей воображения на нем можно было разобрать слова:

КӨҢЗЦ СҒЗОНÄ
РАГПҮРОДÄЖА ВҒЙ ҚӨҢЛҒҚҒҒИИ
МҮІ ЗÄҚҮЫВАӘМСҒЕ

– Нет, не похоже, – сказал он.

Он улыбнулся и закинул голову в небо. Никогда не поздно начать новую, лучшую жизнь.

Убедившись, что никто не смотрит, последняя тележка Плоского мира, одинокая и никому не нужная, печально укатила в ночную тьму.²⁸

– Ха-га-ку-ре!

Мисс Флитворт сидела в кухне.

Снаружи до нее доносилось звяканье железок – Нед Симнель и его подмастерье собирали разлетевшиеся останки Всепожинателя. Ещё несколько человек делали вид, что помогают им, воспользовавшись этой возможностью, чтобы пробраться во двор и как следует осмотреться в нем. Мисс Флитворт вынесла им чаю на подносе и ушла в дом.

Теперь она сидела, подперев голову, и смотрела в никуда.

В дверь постучали, и просунулась красная рожа Затычки:

²⁸ Повсеместно считается, что в тех мирах, где зародилась универмагическая форма жизни, люди похищают из универмагов тележки и бросают их в разных труднообразимых местах, так что приходится содержать специальных работников, чтобы собирать их и отвозить обратно. В действительности дело обстоит противоположным образом. На самом деле люди охотятся на тележки, гонят свою дребезжащую добычу по стогнам земли, укромно их и сбивают в стада, чтобы эксплуатировать, как скот. Так это видится нам.

– Простите, мисс Флитворт...

– Что такое?

– Извините, мисс Флитворт, но только там вокруг амбара гуляет конский скелет! И сено щиплет!

– Это как?

– Ну, как – оно проваливается, конечно.

– Надо же! Оставим себе. Кормить такую лошадь – сплошная выгода.

Затычка, однако, не уходил, а мялся в дверях, крутя в руках свою шляпу.

– С вами все хорошо, мисс Флитворт?

– С вами все хорошо, мистер Пум?

Пум смотрел в никуда.

– Вертрам? – повторил Редж Башмачкин.

– А?

– Архканцлер спрашивает, не налить ли вам чего-нибудь?

– Стакан кипяченой воды, – ответила миссис Кекс.

– Воды, без ничего? – не понял Навернулли.

– Да, ему бы просто стакан воды, – подтвердила миссис Кекс.

– Мне бы просто стакан кипяченой воды, если можно, – ответил наконец Вертрам.

Миссис Кекс была при полном параде и выглядела победоносно – во всяком случае, то, что было открыто взору, а именно часть миссис Кекс, что между Шляпкой и Сумочкой. Сумочка уравновешивала Шляпку – она была такой большой, что когда миссис Кекс сидела, поставив Сумочку на колени, то ей приходилось привставать, чтобы взять Сумочку за ее ручки. Услышав, что Людмиллу пригласили в Университет, она отправилась вместе с Людмиллой. Миссис Кекс считала, что приглашение, адресованное ее дочери, естественным образом относится и к ней. Такие мамы существуют во всех мирах, и навряд ли можно что-то с этим сделать.

Волшебники устроили прием в честь клуба “Начни сначала” и теперь изо всех сил старались показать, как они рады гостям. Это была вечеринка из тех, на которых часто повисает тишина, прерываемая лишь чьим-то натужным покашливанием и возгласами “А все-таки как здорово, что все мы здесь сегодня собрались”.

– Мне показалось, что вы не с нами, Вертрам, – сказал Навернулли.

– Нет, архканцлер. Просто немного устал.

– А я думал, зомби не нужно спать.

– Я все равно чувствую себя немного усталым, – вздохнул Вертрам.

– А хотите, попробуем ещё раз – похороны и все, что полагается? На этот раз устроим все, как следует.

– Большое спасибо, но не стоит. Думаю, я просто не создан для такой жизни. – Вер-

трам виновато улыбнулся Реджу. – Не сердитесь. Я искренне не понимаю, как вам это удастся.

– Вы имеете полное право быть живым или мертвым. Это ваш личный выбор! – провозгласил Редж.

– Там-Один-Ведро говорит, люди снова начали умирать нормально, – сообщила миссис Кекс. – Так что, в скором времени, может быть, и вам назначат.

Вертрам поглядел по сторонам.

– Пошла выгулять вашего песика, – ответила миссис Кекс.

– А где Людмила? – спросил он.

Вертрам неловко улыбнулся: презнание миссис Кекс порой бывало весьма утомительно.

– Хотелось бы оставить Волцека в надежных руках, если меня... вдруг не станет, – сказал он. – Я тут подумал, может, вы его возьмете?

– Хм-м... – задумалась миссис Кекс.

– Но ведь он же... – начал было Редж, но осекся, поймав взгляд Вертрама.

– Честно говоря, собака в доме нам бы не помешала, – сказала миссис Кекс. – Я так волнуюсь за Людмилу. Столько шантрапы вокруг ошивается...

– Но ваша дочь ведь... – начал было Редж снова.

– Редж, не надо, – попросила Дорина.

– Вот и славно, – подытожил Вертрам. – А штаны у вас какие-нибудь найдутся?

– Что?

– Ну, какие-нибудь штаны у вас найдутся в доме?

– Да, я думаю, должны были остаться от покойного мистера Кекса, но причем тут...

– Прошу прощения, – извинился Вертрам. – Задумался. Со мной бывает такое, несу, сам не знаю, что.

– Ах, вот оно что! – воскликнул Редж. – Вы имеете в виду, что когда он...

Дорина изо всех сил ткнула его в бок локтем.

– Ой! Простите. Не обращайтесь внимания. Столько всего, голова кругом идет. Хорошо, что она у меня крепко пришита.

Вертрам откинулся в кресле и закрыл глаза. Он слушал обрывки разговоров. Слышал он, как Артур Мигль спрашивает архканцлера, кто делал лепнину на потолке, а также где Университет закупает овощи и зелень. Слышал, как причитает казначей о том, во сколько встанет выкурить из университета ожившие и поселившиеся на темном чердаке под крышами ругательства, которым все происшедшее оказалось ничем. Напрягая свой ставший совершенным теперь слух, он мог услышать даже уханье Шлеппеля в каком-то из дальних подземелий.

Он был здесь больше не нужен. Наконец-то. Мир может теперь обойтись без Вертрама Пума.

Вертрам тихо встал и потащился к двери.

– Я ненадолго, – сказал он. – А может быть, надолго.²⁹

Навернули кивнул ему вслед и вернулся к Артуру, рассказывавшему, как можно совершенно преобразить Главный зал при помощи обоев под сосну.

Вертрам закрыл за собой двери и прислонился к холодной, прочной стене.

Ах, да. Оставался ещё один вопрос.

– Там-Один-Ведро, ты здесь? – тихо спросил он.

– *твоя откуда знал, однако?*

– Да ты ведь всегда где-то рядом.

– *хе-хе-хе! наделал твоя делов! что будет на первый полный луна, знаешь, однако?*

– Знаю, конечно. Я думаю, и они тоже знают.

– *но его же будет человек-волк!*

– Верно. А она станет волчицей.

– *это моя мало-мало понимаю. только что это за жизнь у них будет – неделя через три?*

– Знаешь, многим и такого везения не выпадает. Жизнь – не пикник на поляне, Там-Один-Ведро.

– *твоя моя можешь не рассказывай, однако.*

– А можно задать личный вопрос? – спросил Вертрам. – Ведь весь астральный план снова безраздельно твой. Никто не толкается. А я давно хотел спросить одну вещь.

– *какой, однако, вопрос?*

– Что это за имя такое – Там-Один-Ведро?

– *тоже мне вопрос, однако! моя думай, такой умный бледнолицый сам догадайся. у нас в племени имена дают в честь первое, что мать увидит, когда выйдет из вигвама после родов. там-один-ведро – это, однако, сокращение. полное имя будет: там-один-ведро-воды-на-двух-собак-вылил.*

– Да уж, не повезло, – сочувственно сказал Вертрам.

– *моя-то ладно, – отозвался Там-Один-Ведро. – вот мой брат-близнец – тому мало-мало совсем не повезло. мать на полминуты раньше вышла, чтоб ему имя дать.*

Вертрам задумался:

– Погоди, не говори, я попробую угадать. Две-Собаки-Дерутся?

– *дерутся? дерутся? две собаки дерутся? – захрюкал Там-Один-Ведро. – да он бы правую руку отдал, чтобы его назвали две-собаки-дерутся!*

Но по-настоящему история Вертрама Пума закончилась некоторое время спустя – если историей называть все то, что он сделал, что затеял и что запустил в ход. К примеру, в той деревушке на Овцепиках, где танцуют правильный моррис, верят, что никто не умирает

²⁹ Именно с такими словами капитан Лоренс Оутс по прозвищу Титус вышел в пургу из палатки злополучной антарктической экспедиции Роберта Скотта, чтобы сберечь немного еды для остальных участников. Большие его никто не видел. (Прим. перев.)

окончательно, пока расходятся по миру круги от его дел – пока не остановятся часы, которые он завел, пока не добродит вино, которое он поставил, пока не соберут урожай, который он засеял. А жизнь как таковая, говорят там, это лишь сердцевина настоящего бытия.

По дороге сквозь затянутый туманом город к месту встречи, которую он ждал с самого своего рождения, Вертрам думал, что он, наверно, может предугадать, каким будет этот окончательный его конец.

Это случится через пару-тройку недель, когда луна снова станет круглой. Это будет что-то вроде приложения к жизни Вертрама Пума (род. в г. Многозначительного Треугольника в. Трех Гнид (Вертрам всегда предпочитал старый календарь с его древними и почтенными названиями новомодным цифрам, которыми обозначали год и век в нынешние времена); ум. в г. Изобретательного Змея в. Летучей Мыши... Ну, как-то так).

Это будут двое, бегущие под полной луной по пустошам в предгорьях. Не совсем волки и не совсем люди. Если повезет, они возьмут лучшее от обоих миров. И будут не только чувствовать. Но и понимать.

А два мира всегда больше, чем один.

Смерть сидел в кресле в своем темном кабинете, положив руки на стол перед собой. Время от времени он покачивался в кресле – вперед-назад..

Альберт принес чай и дипломатично вышел, не издав ни звука.

На столе Смерти стояли одни-единственные песочные часы. Смерть смотрел на них.

Вперед-назад. Вперед-назад.

За дверью кабинета в зале тикали большие ходики, секунду за секундой убивая время.

Смерть побарабанил костяными пальцами по выдавшей виды столешнице. На столе, заложенные там и сям закладками, громоздились жизнеописания величайших любовников Плоского мира³⁰. Истории их, повторяющие одна другую, ничем не могли ему помочь.

Смерть поднялся, подошел к окну и оглядел свое мрачное царство, сжимая и разжимая кулаки за спиной.

Наконец, он поднял часы со стола и вышел из комнаты.

Бинки стоял в теплых и попахивающих навозом яслях. Смерть быстро оседлал его, вывел во двор, вскочил в седло и поскакал к сверкающему вдали драгоценным камнем Плоскому миру.

Он коснулся земли во дворе фермы на закате.

Прошел сквозь стену.

Поставил ногу на ступеньку лестницы.

Поднял песочные часы и поглядел, как утекает время.

И остановился. Оставался еще один вопрос. Билл Двери был любознателен, а он ещё помнил о Билле Двери все. Он мог разглядывать чувства и мысли, которые лежали перед ним, как бабочки на булавках под стеклом витрины в музее.

³⁰ Самым выдающимся из которых по праву называют отличающегося не ростом и статью, но непреклонно-стью нрава, и награжденного за это невероятной удачливостью гнома по имени Казанплова – имя, которое произносят с придыханием повсюду, где встречаются друг с другом носители приставных лестниц.

Билл Двери умер. Во всяком случае, прекратил свое краткое существование. Но – как же это было там? – жизнь как таковая это лишь сердцевина твоего бытия. Билл Двери ушел из мира, но он оставил отзвуки. Память о нем сама по себе кое-чего стоила.

Смерть давно задумывался, для чего люди кладут цветы на могилы? Он не находил в этом смысла. Тот, кого туда положили, теперь слишком далеко, чтобы обонять аромат роз. Теперь же... Нет, не то, чтобы он начал понимать. Но, по крайней мере, ему казалось, что в нем зародилось что-то, что могло бы это понять.

В темноте наглухо занавешенной гостиной мисс Флитворт ещё более темная тень направилась к трем ящикам комода.

Смерть открыл один из ящиков поменьше. Он был полон золотыми монетами. К монетам, похоже, ни разу не притрагивались. Смерть открыл второй маленький ящик – в нем тоже до самого верха было золото.

Он ожидал от мисс Флитворт большего – хотя и сам Билл Двери навряд ли об этом догадывался.

Смерть открыл большой ящик.

Там лежал широкий лист папиросной бумаги. Под бумагой – что-то белое и шелковое, похожее на вуаль, пожелтевшее от времени и ставшее хрупким. Смерть оглядел его непонимающим взглядом и отложил в сторону. Ещё там нашлись белые туфли. Не очень подходящая обувь для работы на ферме, Должно быть, потому и убраны в ящик.

Под другим листом бумаги хранилась связка писем.

Ее он положил в сторону, на вуаль. Попытаться что-то понять из того, что люди говорят друг другу, бессмысленно. Язык служит им лишь для того, чтобы скрывать свои мысли.

На самом дне хранилась маленькая коробочка.

Он вынул ее и повертел в пальцах. Затем нажал на язычок и поднял крышку.

Зазвонили тихие колокольчики.

Мелодия была не слишком удачная. Смерть слышал всю музыку, сочиненную в этом мире, и почти вся она была лучше, чем эта мелодия. В ней был какой-то ломаный, подпрыгивающий ритм: раз-два-три, раз-два-три.

Над крутящимися колесиками и движущимися рычажками музыкальной шкатулки два деревянных танцора дергались друг вокруг друга, изображая вальс.

Смерть смотрел на их танец, пока не кончился завод.

Тогда он заметил и прочитал надпись. Это был подарок.

За его спиной песочные часы пересыпали песчинки в нижнюю колбу. Смерть забыл про них.

Когда кончился завод, он завел шкатулку ещё раз.

Два танцора кружатся и кружатся друг вокруг друга сквозь текущее мимо время. А когда музыка кончается, нужно просто повернуть ключик.

Заведя шкатулку снова, Смерть сел в тишине и в темноте и принял решение.

Оставались считанные секунды. Секунды имели смысл для Билла Двери, потому что у него их было ограниченное количество. Для Смерти, у которого их никогда не было, они не

значили ничего.

Он вышел из спящего дома, вскочил в седло и пустился вскачь.

Он проскакал столько, сколько сам свет покрыл бы лишь за триста миллионов лет, но Смерть ведь путешествует в пространстве, для которого время не имеет значения. Свет думает, что он движется быстрее всего на свете, но он ошибается. Как бы быстро ни летел свет, прилетев, он всегда обнаруживает, что тьма уже поджидает его там.

По пути ему встречались галактики, звезды, ленты сверкающей материи, устремленные спиралями к своим далеким целям.

Смерть на своем бледном коне плыл по космической тьме, как пузырик по реке.

А у всякой реки есть устье.

И вот внизу раскинулась равнина. Расстояние здесь было так же лишено смысла, как и время, но ощущение огромности этой равнины все же было. Равнина могла простираться на милю или на миллион миль. Ее размечали сухие русла речек или ручьев, стекающих в разные стороны от водоразделов. Они стали видны, когда он подъехал поближе.

Копыта коснулись земли.

Смерть спешился и постоял молча. Затем встал на колени.

А теперь изменим масштаб. Иссеченный пейзаж проваливается в невообразимую даль, закругляется на горизонте, становится кончиком пальца.

Азраил поднес палец к освещенному слабым отсветом умирающих галактик лицу, заслонившему все небо.

Есть мириады Смертей, но все они лишь отражения одной Смерти – Азраила, Великого Центра Тяготения, Завершителя Вселенных, начала и конца времени.

Почти все, из чего состоит вселенная – это темная материя, и один лишь Азраил знает, кто она.

Глаза, такие огромные, что сверхновая звезда лишь блеснула бы мелкой искоркой на радужке зрачка, медленно повернулись к крошечной фигурке посреди волнистой равнины кончика его пальца. За спиной Азраила гигантские Часы висели в центре всей паутины измерений и тикали без остановки. Звезды поблескивали в зрачках Азраила.

Смерть Плоского мира поднялся с колена.

– Владыка, я прошу...

Три служащих забвению возникли рядом с ним.

Не слушайте его, сказал один. Он обвиняется в конфликте интересов.

А также в смертоубийстве, сказал один.

А также в превышении полномочий, сказал один. А также в уклонении от смерти с целью жизни.

А также в выступлениях против порядка на стороне хаоса, сказал один.

Азраил поднял бровь.

Служащие благоразумно отделились от Смерти и выжидательно встали в сторонке.

– Владыка, ведь мы знаем, что нет никакого порядка, кроме того, который мы

САМИ СОЗДАЕМ.

Выражение глаз Азраила не менялось.

– НЕТ НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ, КРОМЕ КАК НА НАС. НЕТ МИЛОСЕРДИЯ, КРОМЕ НАШЕГО. НЕТ СПРАВЕДЛИВОСТИ. ЕСТЬ ТОЛЬКО МЫ.

Темный и печальный лик заполнил все небо.

– ВСЕ, ЧТО ЕСТЬ, ПРИНАДЛЕЖИТ НАМ. НО МЫ ДОЛЖНЫ ЛЮБИТЬ. ИБО ЕСЛИ МЫ НЕ ЛЮБИМ, МЫ НЕ СУЩЕСТВУЕМ. А ЕСЛИ МЫ НЕ СУЩЕСТВУЕМ, ТО НЕТ НИЧЕГО, ТОЛЬКО ПУСТОЕ НЕБЫТИЕ. И ДАЖЕ НЕБЫТИЕ ДОЛЖНО ОДНАЖДЫ КОНЧИТЬСЯ. ВЛАДЫКА, ДАРУЙ МНЕ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ! Я ДОЛЖЕН ВЕРНУТЬ ВСЕ В ДОЛЖНОЕ РАВНОВЕСИЕ. ВЕРНУТЬ ТО, ЧТО БЫЛО ПОДАРЕНО МНЕ. ВО ИМЯ УЗНИКОВ И ПОЛЕТА ПТИЦ...

Смерть отступил на шаг и опустил голову.

Выражение лица Азраила было невозможно прочитать.

Смерть бросил косой взгляд на служащих.

– ВЛАДЫКА, НА ЧТО МОЖЕТ НАДЕЯТЬСЯ УРОЖАЙ, ЕСЛИ НЕ НА ЛЮБОВЬ ЖНЕЦА?

Смерть ждал ответа.

– ВЛАДЫКА?

Прежде, чем Азраил ответил, галактики зародились, покружились вокруг Азраила, словно волчки, столкнулись и рассыпались в пыль.

Потом Азраил ответил:

– СОГЛАСЕН.

И другой палец протянулся сквозь мрак к Часам.

Раздались еле слышные возгласы негодования, потом вскрики восуществления и три короткие вспышки синего пламени.

Все часы, даже часы Смерти, на которых не было стрелок – лишь отражения этих Часов. Все часы сообщают вселенной время, эти же Часы сообщают Времени, как оно идет. Они – источник, из которого вытекает все время.

Устроены же Часы так, что самая большая стрелка совершает лишь один оборот.

Вторая стрелка вращается по кругу, обойти который у самого света заняло бы не один день; за ней следуют минуты, часы, дни, месяцы, годы, века и эры.

Но стрелка Вселенной совершает лишь один оборот.

Пока кто-нибудь не заведет часы снова.

И Смерть вернулся домой, имея в запасе немного Времени.

Звякнул колокольчик на двери лавки.

Цветочник Друто Стволл раздвинул огромный букет, который готовил для миссис Шуер. Между вазами и ведрами стоял покупатель. Разглядеть его было отчего-то нелегко. Собственно, впоследствии Друто даже не мог уверенно сказать, кто заходил в его лавку, и как звучал его голос.

Продавец двинулся к покупателю, потирая руки:

– Что угодно...

– ЦВЕТОВ.

Друто растерялся лишь на мгновение:

– Прекрасно, а кто ваш...

– ДАМА.

– Что предпочитает ваша...

– ГВОЗДИКИ.

– Прекрасный выбор! Но дело в том, что гвоздики чаще...

– МНЕ НРАВЯТСЯ ГВОЗДИКИ.

– Гвоздики — прекрасные цветы... но их обычно приносят по случаю траура...

– МНЕ НРАВИТСЯ ТРА... – покупатель не договорил. – А ЧТО ВЫ ПОСОВЕТУЕТЕ?

Друто принялся за работу:

– Наверняка вашей даме понравятся розы, – заговорил он. – Или орхидеи. Джентльмены в последнее время часто сообщают мне, что дамы больше ценят одну-единственную орхидею редкого сорта, чем целую охапку роз...

– ДАЙТЕ ПОБОЛЬШЕ.

– Простите, орхидеи или розы?

– И ТЕХ, И ДРУГИХ.

Пальцы Друто невольно задвигались, словно угри в масле.

– Быть может, вас заинтересует вот эта великолепная ветка нервозы популярис?..

– И ПОБОЛЬШЕ.

– А если ваш бюджет позволяет, не могу ли я предложить вам экземпляр уникального в своем роде...

– ДАВАЙТЕ.

– А тогда, может быть, добавить...

– ОБЯЗАТЕЛЬНО. Я БЕРУ ВСЕ. И ПЕРЕВЯЖИТЕ ПОДАРОЧНОЙ ЛЕНТОЙ.

Когда колокольчик на двери звякнул, выпустив покупателя, Друто оглядел монеты в своей руке. Некоторые из них были с пятнами окислов, все какие-то незнакомые, одна или две – даже золотые.

– Прекрасно, – проговорил он. – Этого хватит даже на...

Тут он услышал легкий шелест.

Вокруг него по всей лавке опадали дождем лепестки цветов.

– А здесь что?

– Это из нашей новой коллекции ассортимента класса люкс, – отвечала хозяйка шоколадной мастерской. Это было такое солидное заведение, что продавались здесь не сладости, а кондитерские изделия – ручной работы завитушки, каждая своей собственной, неповторимой формы, все завернуты в золотую бумагу и наносят банковским счетам клиентов урон даже больший, чем их зубам.

Высокий посетитель в черном указал на коробку размером с пол-столешницы. На крышке в виде бархатной подушечки была изображена пара безнадежно окосевших котят, выглядывающих из ботинка.

– ПОЧЕМУ ЭТА КОРОБКА МЯГКАЯ? НА НЕЙ СИДЯТ? ЭТО ЧТО, СО ВКУСОМ КОТЕНКА? – Голос его прозвучал грозно – точнее, ещё более грозно.

– Что вы! Это ассортимент высшего класса!

Посетитель положил коробку обратно.

– НЕ ГОДИТСЯ.

Хозяйка выглянула из-за прилавка, поглядела по сторонам и открыла один из ящиков прилавка, понизив голос до заговорщицкого шепота.

– В таком случае... - проворковала она. – Для такого особого случая...

Эта коробочка была совсем небольшая. Она была также совершенно черная – за исключением выписанного серебряными буквами названия. Котят, даже в розовых ленточках, не подпустили бы к такой коробочке на арбалетный выстрел. Такие коробочки должны доставлять незнакомцы в черном трико, забирающиеся на балкон по веревочной лестнице, а доставив, прыгать солдатиком в окно.

Незнакомец в черном капюшоне разглядывал буквы.

– “ЧЕРНОЕ ЧАРОДЕЙСТВО”, – прочитал он. – ЭТО МНЕ НРАВИТСЯ.

– Подходит именно для такого особенного случая, – подмигнула хозяйка.

Посетитель, казалось, обдумывал, насколько это подходит для его случая.

– ДА. ВПОЛНЕ УМЕСТНО.

Хозяйка шоколадницы просияла:

– Так вам завернуть?

– ЗАВЕРНУТЬ. С ПОДАРОЧНОЙ ЛЕНТОЙ.

– Ещё что-нибудь?

Казалось, посетителя охватил панический испуг:

– ЕЩЁ ЧТО-НИБУДЬ? ДОЛЖНО БЫТЬ ЕЩЁ ЧТО-НИБУДЬ? А ЧТО ЕЩЁ БЫВАЕТ?

– Простите, что вы имеете в виду?

– ЭТО ПОДАРОК ДЛЯ ДАМЫ!

Неожиданная вспышка эмоций обескуражила хозяйку. Она прибегла к спасительной банальности:

– Женщины говорят, бриллианты – наши лучшие друзья, – пропела она.

– БРИЛЛИАНТЫ? ЗНАЧИТ, БРИЛЛИАНТЫ... ВЫ УВЕРЕНЫ В ЭТОМ?

Их сверкание было подобно свету звезд на черном бархате ночного неба.

– Например, вот этот, – говорил ювелир. – Исключительно превосходный камень, вы не находите? Обратите внимание на искристость, на изумительную игру...

– Он хороший друг?

Ювелир задумался. Он знал все про караты, про чистоту воды, блеск и нацвет, но до сих пор ему не приходилось оценивать камень по шкале дружелюбности.

– Хм-м... Я бы сказал, он очень славный приятель.

– НЕ ГОДИТСЯ.

В пальцах ювелира засверкал другой осколок застывшего света.

– А как вам вот этот? – спросил он, и голос его снова зазвучал с профессиональной уверенностью. – Это из прославленных копей Голоконды. Вы только поглядите на эти восхитительные...

Ювелир затылком почувствовал тяжелый взгляд посетителя.

– Но, насколько я помню, дружбой и верностью он тоже не знаменит, – пробормотал он.

Посетитель в черном неодобрительно огляделся вокруг. В полумраке подвала драгоценные камни поблескивали из-за тролленепробиваемых решеток, как драконьи глаза в темной пещере.

– У ВАС ЗДЕСЬ ВООБЩЕ ЕСТЬ ХОРОШИЕ, ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ? – спросил он.

– Сэр! Наверно, я должен вам прямо сказать, что мы до сих пор не инструктировали наших агентов по закупкам принимать во внимание способность камней к любви и дружбе, – выдохнул ювелир.

Он понимал со всей очевидностью, что происходит что-то ненормальное, и что где-то в глубине души он даже понимает, что именно, но что-то в глубине его души не позволяет ему осознать это. И все это тревожило его до крайности.

– КАКОЙ САМЫЙ БОЛЬШОЙ БРИЛЛИАНТ НА СВЕТЕ?

– Самый большой? О, это легко сказать. Самый большой бриллиант на свете – Слеза Оффлера – хранится в Затерянном Драгоценном Храме Рока Оффлера, Бога-Крокодила в самой глуши Очудноземья, и он весит восемьсот пятьдесят карат. И, сэр, предвосхищая ваш следующий вопрос: лично я бы с ним спал.

В служении жрецом Затерянного Драгоценного Храма Рока Оффлера, Бога-Крокодила был тот плюс, что почти каждый день можно было смело уходить домой до конца смены. Храм был затерянный. Богомольцы почти не могли его найти – на свое счастье.

Канон позволял заходить в святая святых лишь двум жрецам – Блаженному и Благочинному. Они охраняли его уже много лет, а блаженными делались по очереди. Служба не отнимала много сил, учитывая, что почти все возможные осквернители святых бывали проткнуты кольями, раздавлены стенами, отравлены ядами или нарезаны на кусочки в потайных ловушках на очень дальних подходах к залу с маленькой коробочкой и изображением веселого градусника на дверях³¹.

Жрецы коротали время за игрой в горе луковое на главном жертвеннике под тенью инкрустированного изумрудами идола Самого Оффлера, как вдруг услышали скрип входной двери.

Блаженный не поднял головы от карт:

– Ишь ты! – произнес он. – Еще один клиент у большого каменного шара.

По храму прокатился рокот, завершившийся вскоре громким ударом.

– Так какая у нас ставка? – спросил Блаженный.

– Два камешка, – отвечал ему Благочинный.

– Отлично. – Блаженный поглядел в свои карты. – А мы на ваши два...

Послышались отдаленные тихие шаги.

– На прошлой неделе тот с хлыстом и в шляпе дошел до заточенных кольев³², – напомнил Благочинный.

Раздался звук, похожий на спуск воды в старинном ватерклозете. Шагов больше не было.

Блаженный улыбнулся:

– Итак, – продолжил он. – На ваши два камешка мы отвечаем... нашими двумя.

³¹ "Сбор средств на восстановление крыши Затерянного Драгоценного Храма. Не хватает всего 6000 золотых! Маленькое пожертвование – огромная ценность! Спасибо за вашу щедрость!"

³² Читателю немедленно вспомнились фильмы про Индиану Джонса, я угадал? (Прим. перев.)

Благочинный раскрыл свои карты:

– Двойная луковица, – объявил он.

Блаженный недоверчиво посмотрел на карты. Благочинный поводит пальцем по бумаге:

– Так что теперь ты мне должен четыре тысячи девятьсот шестьдесят четыре камешка.

Снова слышались шаги. Жрецы переглянулись:

– Давненько никто не навещал коридор с отравленными дротиками, – заметил Блаженный.

– Ставлю пять, что этот пройдет! – предложил Благочинный.

– Принято.

Дождавшись звяканья металла о камень, Блаженный вздохнул:

– Прямо рука не поднимается забирать твои камешки...

Но снова слышались шаги.

– Хорошо, что есть ещё... – скрип половицы, плеск воды, – ров с крокодилами.

Снова шаги.

– Ужасного стража врат не проходил еще никто!

Жрецы испуганно переглянулись:

– Погоди-ка, – сказал Благочинный. – А что, если это...

– Здесь? Да ладно! Мы в самом сердце богами забытых джунглей. – Блаженный натянуто улыбнулся. – Откуда здесь возьмется...

Шаги приближались.

Жрецы в ужасе схватили друг друга за руки:

– Миссис Кекс!

Двери распахнулись. Ворвавшийся в зал ветер задул свечи и разметал по полу карты.

В темноте жрецы услышали звонкий щелчок: очень большой бриллиант вынули из оправы.

– БЛАГОДАРИЮ ВАС.

Просидев немало времени в темноте без движения, жрец, который сегодня не был Блаженным, нашарил коробку спичек и после нескольких неудачных попыток сумел засветить свечку.

Двое жрецов, окруженных танцующими тенями, пораженно глядели на статую с огромной дырой на том месте, где должен был быть огромный бриллиант.

Помолчав, Блаженный вздохнул и промолвил:

– Вот что. Посмотрим на это с такой стороны: кто, кроме нас, об этом узнает?

– Надо же... Никогда об этом не думал. Слушай, а можно завтра я буду Блаженный?

– Твоя очередь только в четверг!

– Ну, пожалуйста!

– Ну, ладно.

Блаженный пожал плечами и снял с себя фюфудью Блаженного жреца.

– Как все-таки низко пала культура, – вздохнул он, глядя на оскверненного идола. – Совершенно люди разучились вести себя в храме.

Смерть пересек полмира и снова въехал во двор фермы. Солнце коснулось горизонта, когда он постучал в дверь кухни.

Мисс Флитворт открыла, вытирая руки о передник. Близоруко прищурившись, она глянула на гостя и отпрянула:

– Билл Двери! Как ты меня напугал! Прямо душа в пятки ушла.

– Я ПРИНЕС ВАМ ЦВЕТЫ.

Мисс Флитворт удивленно посмотрела на мертвые сухие стебли.

– И ШОКОЛАД, КОТОРЫЙ НРАВИТСЯ ДАМАМ.

Мисс Флитворт перевела взгляд на черную коробку.

– А ЭТОТ БРИЛЛИАНТ БУДЕТ ВАМ ЛУЧШИМ ДРУГОМ.

Драгоценный камень поймал последние лучи заходящего солнца.

Мисс Флитворт обрела дар речи:

– Что с тобой, Билл Двери? Что это ты забрал себе в голову?

– Я ПРИШЕЛ ЗАБРАТЬ ВАС ОТСЮДА.

– Забрать? Меня? Это куда же?

Об этом Смерть не подумал заранее.

– А КУДА БЫ ВАМ ХОТЕЛОСЬ?

– Сегодня – никуда, кроме как на танцы, – отчеканила мисс Флитворт.

Этого Смерть тоже не ожидал.

– КАКИЕ ТАНЦЫ?

– В честь окончания жатвы. Ты что, не знаешь? Традиция такая. Праздник сбора урожая. В знак благодарности.

– БЛАГОДАРНОСТИ КОМУ?

– Даже не знаю. Наверно, никому в особенности. Просто благодарности.

– Я СОБИРАЛСЯ ПОКАЗАТЬ ВАМ ЧУДЕСА. ГОРОДА, СТРАНЫ. ВСЕ, ЧТО ЗАХОТИТЕ.

– Всё, что захочу?

– ВСЁ.

– Тогда мы идем на танцы, Билл Двери. Я хожу туда каждый год. На меня там рассчитывают. Меня будут ждать. Ты же знаешь, что это такое.

– ЗНАЮ, МИСС ФЛИТВОРТ.

Он протянул руку и взял ее за ладонь.

– Как, прямо сейчас? – воскликнула она. – Я не одета!

– ТАК ЛУЧШЕ?

Мисс Флитворт опустила взгляд и оглядела себя:

– Это не мое платье. На нем какие-то блески везде.

Смерть вздохнул. Похоже, прославленные влюбленные былых времен не встречали мисс Флитворт. Тут сам Казанплова в отчаянии отшвырнул бы свою стремянку.

– ЭТО АЛМАЗЫ, МИСС ФЛИТВОРТ. НА НИХ МОЖНО КУПИТЬ ПОЛЦАРСТВА.

– Пол какого царства?

– Любого.

– Не может быть!

Бинки шел легкой рысью по дороге к городку. После просторов бесконечности приятно было скакать по обыкновенной пыльной сельской дороге.

Сидя по-амазонски позади Смерти, мисс Флитворт исследовала шуршащее содержимое коробки “Черного чародейства”.

– Ну, точно! – сказала она. – Трюфели с ромом кто-то вытащил. – Снова зашуршала оберточная бумага. – И в нижнем ряду тоже. Вот как я этого не люблю, когда залезают в нижний ряд, когда ещё верхний не выбрали полностью! И я точно знаю, что ты это сделал, потому что тут на крышке все надписано, и по надписи тут должны быть трюфели с ромом. А, Билл Двери?

– ПРОСТИТЕ МЕНЯ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Брильянт этот такой тяжелый. Хотя, конечно, красивый, – добавила она. – Где ты его взял?

– ТЕ, У КОГО Я ЕГО ВЗЯЛ, СЧИТАЛИ, ЧТО ОН – СЛЕЗА БОГА.

– Это правда, что ли?

– НЕТ. БОГИ НЕ ПЛАЧУТ. ЭТО ОБЫЧНЫЙ УГЛЕРОД, КОТОРЫЙ ПОДВЕРГСЯ ВОЗДЕЙСТВИЮ ВЫСОКИХ ТЕМПЕРАТУР И ДАВЛЕНИЯ. ТОЛЬКО И ВСЕГО.

– В каждом куске угля таится алмаз, и его только нужно раскрыть, ты это хочешь сказать?

– КОНЕЧНО, МИСС ФЛИТВОРТ.

Некоторое время стояла тишина, нарушаемая только копытами Бинки. Потом мисс Флитворт заговорила снова:

– А я ведь знаю, что дальше будет. Я видела, сколько там оставалось песка. Ты решил: устрою старой карге красивой жизни на оставшиеся несколько часов, а когда она раздухарится, размякнет – тут ее и подкосить. Я угадала?

Смерть не отвечал.

– Я угадала, верно?

– ОТ ВАС НИЧЕГО НЕЛЬЗЯ СКРЫТЬ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Хех. Мне, наверно, нужно этим гордиться? Так ведь? У тебя ведь полно вызовов, надо понимать.

– БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ МОЖЕТЕ СЕБЕ ПРЕДСТАВИТЬ, МИСС ФЛИТВОРТ.

– Ну, если так, то можешь снова называть меня Ренатой.

На лугу, где когда-то упражнялись в стрельбе из лука, горел большой костер. Смерть уже мог разглядеть людей, ходящих вокруг него. Доносившиеся время от времени страдальческие стоны сообщали, что кто-то настраивает скрипку.

– Я всегда прихожу на танцы после жатвы, – рассказала мисс Флитворт. – Не танцевать, ясное дело. Так, присматриваю за едой, все такое.

– ПОЧЕМУ?

– Ну, кто-то же должен позаботиться о еде.

– Я ХОТЕЛ СПРОСИТЬ, ПОЧЕМУ ВЫ НЕ ТАНЦУЕТЕ?

– Да старая я уже для этого, вот почему!

– ВАМ СТОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ВЫ САМИ СЕБЕ ДАДИТЕ.

– Да что ты говоришь! Одна из вот этих людских несносных глупостей. Все говорят: надо же, как вы прекрасно выглядите. Говорят: о, в вашем почтенном возрасте! Старая скрипка громче играет, говорят. Вот это всё. Чушь какая! Как будто старость – это что-то, чему надо радоваться! Как будто если относиться к этому по-философски, можно заслужить какие-то очки. Голова-то у меня, как новенькая, а вот колени уже не те. Да и спина. Да и зубы. Поди-ка расскажи моим коленкам, что им столько лет, сколько они сами себе дадут. Посмотрим, как это им поможет. Или тебе.

– МОЖЕТ БЫТЬ, ВСЕ-ТАКИ СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ?

Людей вокруг костра становилось все больше. Смерть разглядел полосатые столбы, украшенные гирляндами флажков.

– Парни приносят несколько створок от ворот и сбивают их вместе, чтобы сделать ровный пол для танца, – рассказала мисс Флитворт. – Вот тогда и начинается.

– СТИХИЯ НАРОДНОЙ ПЛЯСКИ? – спросил Смерть мрачно.

– Вот ещё! Мы люди простые, но и у нас, знаешь ли, есть гордость.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ.

– Эй, да это же Билл Двери! – воскликнул кто-то в сумерках.

– Старина Билл!

– Привет, Билл!

Смерть оглядел круг бесхитростных лиц.

– ДОБРЫЙ ВЕЧЕР, ДРУЗЬЯ.

– А мы слышали, ты уехал, – сказал Барон Задаст.

Он оглядел мисс Флитворт. Смерть помог ей спешиться, и голос Барона чуть дрогнул, пока он пытался осознать то, что видел.

– Вы сегодня прямо... сияете, мисс Флитворт, – закончил он галантно.

В воздухе стоял дух теплой сырой травы. Любительский оркестр все еще настраивал инструменты под навесом.

Неподалеку стояли длинные столы на козлах, уставленные тем, что обычно называется словом “яства” – мясные кулебяки со свининой, похожие на фортификационные укрепления, миски с демоническими маринованными луковицами, картошка в мундире, плавающая в холестериновом море топленого масла. Некоторые пожилые селяне уже устроились на услужливо подставленных лавках и героически упражняли немногие оставшиеся при них зубы с видом людей, твердо намеревающихся провести здесь всю ночь до утра, если потребуется.

– Приятно поглядеть на стариков в хорошем настроении, – заметила мисс Флитворт.

Смерть посмотрел на едоков. Почти все они были моложе мисс Флитворт.

Откуда-то из душистой темноты за костром донесся визг и взрыв хохота.

– Да и молодежь не отстает, – добавила мисс Флитворт тем же голосом. – Была у нас поговорка про это время. Как же там было-то... Кажется, “кончена жатва, созрел орех, юбку задрать...” Не помню дальше. – Мисс Флитворт вздохнула. – Как времечко летит-то, а?

– ВЕРНО.

– Ты знаешь, Билл Двери, а ты как будто был прав про то, что все беды, они в голове. Я себя сегодня чувствую гораздо лучше.

– ПРАВДА?

Мисс Флитворт задумчиво глядела на площадку для танцев.

– В девчонках я знатно плясала. Кого угодно могла переплясать. Луну могла с неба свести танцем. Солнце поднять.

Она потянулась, распустила ленту, стягивающую ее волосы, и взмахнула водопадом серебра.

– А ты-то сам хороший танцор, мистер Билл Двери?

– ЛУЧШИЙ ТАНЦОР ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ, МИСС ФЛИТВОРТ.

Под навесом скрипач кивнул своим коллегам, вскинул скрипку себе под подбородок и громко топнул ногой:

– И раз! И два! И раз и два и три и четыре!

Представьте себе эту картину: рыжий свет молодой луны плывет над пейзажем. А внизу – круг отсветов от костра в ночной тьме.

Сперва звучали любимые и хорошо знакомые мелодии – кадрили с фигурами сложными настолько, что, если бы танцоры держали светильники, то ими можно было бы начертить такие затейливые топологии, до каких ещё расти и расти ученым физикам; а вместе с ними и танцы, заставляющие совершенно нормальных людей заливисто визжать или выкрикивать слова навроде “гоп-гоп-казачок” и не испытывать при этом ни малейших угрызений совести.

Когда выбывшие из строя танцоры покинули площадку, выжившие перешли на польки, мазурки, танец голубков, танец маленьких утят и танцы разных других представителей животного и растительного царства, а затем к таким танцам, в которых одни пары, взявшись за руки, поднимают их, а другие проходят под ними – танцы, навеянные коллективной памятью о массовых казнях, – и к таким, в которых танцоры ходят друг за другом по кругу – навеянные коллективной памятью о моровой язве.

Изо всех танцующих двое отплясывали самозабвенно и отчаянно, как в последний раз.

Остановившись на минутку перевести дух, скрипач сквозь пот и марево в глазах увидел лихо вращающегося танцора, который едва не расколотил в щепки пол своей чечеткой и услышал возле самого своего уха голос:

– ЭТА МУЗЫКА БУДЕТ ВЕЧНОЙ! Я ОБЕЩАЮ!

Когда же скрипач опустил смычок во второй раз, бриллиант размером с его кулак стукнулся об пол прямо перед ним. От танцоров отделилась фигурка поменьше и крикнула:

– Вильям Затычка, если твои парни не продолжат играть, я лично устрою тебе такое веселье, что никому мало не покажется! – и растворилась в вихре танца.

Скрипач поглядел на бриллиант. На него можно было бы купить половину любого царства, которое только нашлось бы на свете. Скрипач ногой откатил его за спину.

– Что, прямо второе дыхание открылось? – спросил насмешливо парень с барабаном.

– Закрой рот и играй давай!

Скрипач чувствовал, что с кончиков его пальцев срываются мелодии, которых никогда прежде не было в его голове. То же чувствовали и барабанщик с флейтистом. Музыка приходила к ним откуда-то издалека. Не они играли музыку – музыка играла ими.

– ПРИШЛО ВРЕМЯ ДЛЯ НОВОГО ТАНЦА!

– Тр-р-рам-пам-пам-пам, – прохрипел скрипач, схваченный новой мелодией. Пот рекой стекал с его подбородка.

Танцоры остановились, не зная, как танцевать дальше. Но одна пара рассекла их строй кошачьим шагом хищника, сцепив руки перед собой, словно бушприт пиратского галеона. У края площадки они выкинули руки и ноги под углами, насмевающимися над человеческой анатомией, и, развернувшись и снова сцепившись, пошли в новое наступление.

– Это как называется?

– ТАНГО!

– И за это не сажают в тюрьму?

– НЕ ДУМАЮ.

– Безобразие!

Музыка сменилась вновь.

– О, а это я знаю! Звучит непривычно, но так-то – это же щепотанский танец боя быков!

– ДА, ЭТО ЕГО ТАКТЫ.

Этот танец сопровождали очереди звонких щелчков в такт музыке.

– А кто играет на кастаньетах?

Череп ухмыльнулся:

– КАКИЕ КАСТАНЬЕТЫ? КАСТАНЬЕТЫ МНЕ НЕ НУЖНЫ!

А потом настало потом.

Бледный призрак луны уходил за горизонт. С другой стороны небо уже озарял надвигающийся издалека день.

Танцоры по одному и парами покидали танцевальную площадку.

То, что заставляло музыкантов играть всю ночь напролет, постепенно оставляло их. Музыканты переглянулись. Затычка-скрипач бросил взгляд на алмаз.

Алмаз никуда не делся.

Барабанщик пытался размять свои онемевшие запястья.

Затычка беспомощно оглядел изнеможенных танцоров.

– Ну, что ж... – сказал он и снова поднял смычок.

Мисс Флитворт и ее спутник слышали музыку сквозь предутренние туманы, заткавшие луг на рассвете.

Смерть вспомнил этот плавный, но настойчивый ритм. Ему вспомнились деревянные фигурки, кружащиеся сквозь само Время, пока не закончится завод пружины.

– ЭТОГО ТАНЦА Я НЕ ЗНАЮ.

– Это последний вальс.

– ТАКОГО ТАНЦА, ПО-МОЕМУ, БЫТЬ НЕ МОЖЕТ.

– Знаешь, – промолвила мисс Флитворт, – а я всю ночь думала: как же это будет? Как ты это сделаешь? Умереть ведь можно только от чего-то, не так ли? Я думала – может быть, от усталости? Но я никогда не чувствовала себя так хорошо. Повеселилась, как никогда в жизни, и даже не запыхалась. Надо же, как ты на меня пользительно действуешь, Билл Двери! Никакой одышки!..

Тут она умолкла.

– А я ведь и вовсе не дышу...

Это не прозвучало вопросом. Мисс Флитворт поднесла к губам руку.

– ВЕРНО.

– Ну, да, я и вижу. Повеселилась, как никогда в жизни, вот уж лучше не скажешь. Так все-таки – когда же?

– ПОМНИТЕ, УВИДЕВ МЕНЯ, ВЫ СКАЗАЛИ, ЧТО У ВАС ДУША УШЛА В ПЯТКИ?

– Припоминаю, а что?

– НЕ В ПЯТКИ.

Мисс Флитворт, казалось, не слышала его. Она поворачивала перед глазами свою

руку, будто видела ее в первый раз.

– Вижу, ты кое-что поменял, Билл Двери, – произнесла она.

– Не я. Это жизнь ВСЁ МЕНЯЕТ.

– Я про то, что я будто моложе сделалась.

– Я ПРО ТО ЖЕ.

Он щелкнул пальцами. Бинки поднял голову от сочной травы возле изгороди и подошел к хозяину.

– Знаешь, – говорила мисс Флитворт, – я часто думала... думала, что у каждого есть свой, ну, как бы так сказать, естественный возраст. Бывают десятилетние дети, которые ведут себя так, будто им за тридцать. Некоторые вообще сразу рождаются стариками. Приятно было бы считать, что я всегда была... – она оглядела себя, – ну, скажем, восемнадцатилетней. В душе.

Смерть не ответил ничего. Он подсадил ее в седло.

– Знаешь, как поглядишь на то, что жизнь делает с иными, так и к тебе начнешь относиться по-другому... – добавила она несколько натянуто.

Смерть по-особому щелкнул зубом. Бинки затрусил вперед.

– А Жизни, я так понимаю, ты никогда не видел?

– Со ВСЕЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТЬЮ ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ, ЧТО НЕТ.

– Наверно, он такой большой, белый и ходит ходуном. Такое облако в штанах, – предположила мисс Флитворт.

– СОМНЕВАЮСЬ.

Бинки поднимался в рассветное небо.

– Ну, да уж как бы там ни было. Двум смертям не бывать, а одной – не миновать, – выдохнула мисс Флитворт.

– ВОТ ЭТО ВЕРНО.

– И куда мы едем?

Бинки шел галопом, но пейзаж вокруг не менялся.

– Какой у тебя конь хороший, – отметила мисс Флитворт, но голос ее предательски дрогнул.

– ХОРОШИЙ.

– А чем это он занят?

– РАЗГОНЯЕТСЯ.

– Но мы же остаемся на том же самом...

И они исчезли.

И возникли вновь.

Вокруг громоздились скалы, покрытые снегом и зеленым льдом. Не старые горы,

стертые временем и ветрами, со склонов которых так приятно кататься на лыжах, а молодые, отчаянные и резкие, как подростки. Они таили в себе бездонные пропасти и беспощадные обрывы. Неосторожный йодль здесь рождал не веселый отзыв одинокого козопаса с другого конца долины, а пять десятков тонн снега, доставленные точно по адресу.

Конь встал на снеговой гребень, который по всем законам не должен был его выдерживать.

Смерть спешил и помог спуститься мисс Флитворт.

Они пошли по снегу, следуя тропинке из замерзшей грязи, которая огибала гору.

– Зачем мы здесь? – спросила душа мисс Флитворт.

– НА ФИЛОСОФСКИЕ ТЕМЫ Я ПРЕДПОЧИТАЮ НЕ РАССУЖДАТЬ.

– Я хотела спросить, зачем мы здесь, на этой горе, – терпеливо пояснила мисс Флитворт. – И где это мы вообще?

– ЭТО НЕ ГДЕ.

– А что же это?

– ЭТО КОГДА.

Они завернули за поворот тропинки. Там стоял и ощипывал куст навьюченный пони. След кончался у стены подозрительно белого снега.

Смерть вынул из складок своего плаща жизнемер.

– ПРИБЫЛИ, – сказал он и вошел в снег.

Мисс Флитворт постояла немного, не решаясь сделать то же. Телесность – привычка, от которой так трудно избавиться.

А потом ей уже не нужно было входить.

Человек шагнул из снега к ней навстречу.

Смерть поправил Бинки уздечку и вскочил в седло. Но на мгновение он задержался посмотреть на двоих возле сошедшей лавины.

Они уже стали почти совсем прозрачными, их голоса едва колыхали воздух.

– он сказал только, “Куда бы вы ни отправились, вы отправитесь вдвоем”. Я спросил, а куда это? Он сказал, что сам не знает. Что это было?

– Руфус, милый! Ты, наверно, мне неверишь, но только...

– Кто вообще такой этот тип в маске?

Они одновременно оглянулись. На снегу, кроме них, не было никого.

В той деревне в Овцепиках, где знают, про что на самом деле танец моррис, его танцуют только один раз – на рассвете первого дня весны. После этого все долгое лето его не танцуют ни разу. Какой смысл? Какая от этого была бы польза?

Но однажды, когда ночи становятся все длиннее, танцоры заканчивают свои дневные труды пораньше и достают из шкафов и с чердаков другие – черные – костюмы и другие ко-

локольчики. Разными дорогами, не встречаясь, они приходят в лощину, поросшую голыми деревьями. Они не разговаривают друг с другом. Музыка тоже нет. Очень трудно представить себе, что это могла бы быть за музыка.

И колокольчики у них не звенят. Они выкованы из октирона – металла с магическими свойствами. Но они не немые. Тишина – это просто отсутствие звука. Эти колокольчики издают сочное, звонкое молчание.

И там, в морозных сумерках, под темнеющим небом, на прихваченной инеем опавшей листве, выдыхая клубы пара в сыром воздухе долины, они танцуют второй моррис. Для равновесия.

Надо танцевать оба, говорят там. Иначе не станцевать ни одного.

Вертрам Пум брел по Медному мосту. Час стоял такой, когда ночные жители Анк-Морпорка уже ложатся спать, а дневные еще только просыпаются. Поэтому ни тех, ни других на улицах города в этот час не было слишком много.

Что-то влекло Вертрама сюда в эту ночь, что-то заставило его оказаться здесь и сейчас. Это было, пожалуй, не предчувствие, какое было у него, когда он в прошлый раз собирался помирать. Скорее, это было ощущение шестеренки в часах: стрелки вращаются, пружина раскручивается, и вот сейчас ты должен быть вот здесь.

Вертрам остановился и глянул вниз через перила. Темная вода – или, по крайней мере, весьма жидкая грязь – бурлила у опор моста.

А было ведь такое старое поверье... как же там было? Если с Медного моста бросить в Анк монетку, то обязательно вернешься, так? Или это если бросить что-то деревянное? Наверно, так. Если настоящий анк-моркпорец бросит в реку монетку, то он и так непременно вернется туда – попробовать достать ее обратно.

Из тумана к нему приближался кто-то. Вертрам напрягся.

– Утро доброе, мистер Пум!

Пум облегченно выдохнул:

– А, сержант Отточий! А я вас принял было за другого.

– А это как раз я, вашеество, – усмехнулся страж порядка. – Легко, извините за каламбур, на помине.

– Я вижу, сержант, мост сегодня снова не украли? Отличная работа!

– Всегда начеку. Служба такая.

– Да, пока вы на посту, жители города могут спокойно спать в чужих постелях и знать, что утром все пять тысяч тонн этого моста будут там, где они их оставили накануне, – согласился Вертрам.

В отличие от гнома Модо сержант Отточий знал значение слова “ирония”. Он считал, что это означает какой-то сверхтвердый сплав. Он сдержанно кивнул Вертраму в знак признательности:

– В наш век международной организованной преступности расслабляться нельзя. Нужно быть на шаг впереди всех, мистер Пум.

– Вы совершенно правы. Скажите-ка, а больше вам никто здесь не встречался?

– Ни одной живой души, – ответил сержант и, спохватившись, добавил: – Не хотел вас обидеть.

– Ничего, ничего.

– Ну, я пойду, пожалуй, – сказал сержант.

– Да-да, конечно.

– С вами все в порядке, мистер Пум?

– Да-да, конечно.

– В реку больше бросаться не будете?

– Нет-нет, что вы.

– Точно?

– Совершенно точно.

– Ну, что ж. Тогда доброй ночи.

Сержант уже сделал шаг, но обернулся:

– Так скоро голову дома забуду! Там один господин просил передать вам вот это, – и протянул Вертраму мятый и сложенный лист бумаги.

Вертрам взгляделся в туман:

– Какой господин?

– Да вон тот... а, его уже там нету. Длинный такой. Малость странноватый.

Вертрам развернул лист и прочитал: “УУууЫЫЫУууЫЫЫУУУЫЫЫ”.

– Вон оно что, – промолвил он.

– Плохие новости? – спросил сержант.

– Смотря, как на это посмотреть, – ответил Вертрам.

– Понятно. Ну, ладно. По-любому – доброй ночи вам.

– Прощайте!

Сержант Отточий собирался сказать ещё что-то, но махнул рукой и зашагал по мосту.

Когда он скрылся из виду, фигура, стоявшая за спиной Вертрама, пошевелилась, блеснув зубами.

– ВЕРТРАМ ПУМ?

– Да? – ответил Вертрам, не обернувшись.

Краем глаза Вертрам увидел две костяные руки, опершиеся на парапет моста. Послышалось шуршание плаща, как если бы кто-то пытался устроиться поудобнее, и снова тишина.

– Так что, мне пора? – спросил Вертрам.

– СПЕШИТЬ НЕКУДА.

– Я всегда считал вас исключительно пунктуальным.

– В НАШЕМ СЛУЧАЕ ПЯТЬ МИНУТ НИЧЕГО СУЩЕСТВЕННО НЕ ИЗМЕНЯТ.

Вертрам кивнул. Они постояли ещё, храня молчание, а вокруг них уже слышался растущий гул просыпающегося города.

– Должен признать, – сказал Вертрам, – это было прекрасное послезитие. Где же вас носило?

– Я БЫЛ ЗАНЯТ.

Но Вертрам не слушал.

– С кем только мне не довелось встретиться! Чем только не довелось заниматься! Пожалуй, теперь я на самом деле знаю, кто такой Вертрам Пум.

– И КТО ЖЕ ОН?

– Вертрам Пум.

– ЭТО ОТКРЫТИЕ, ДОЛЖНО БЫТЬ, СЕРЬЕЗНО ВАС ИЗМЕНИЛО.

– Что да, то да.

– СТОЛЬКО ЛЕТ ВЫ ДАЖЕ НЕ ДОГАДЫВАЛИСЬ, И ВДРУГ...

Вертрам Пум прекрасно знал, что такое ирония, и умел распознавать сарказм.

– Легко вам говорить, – ответил он.

– ВОЗМОЖНО.

Вертрам отвернулся и снова стал смотреть на воду.

– Да, это было великолепно, – добавил он. – Очень важно быть кому-то нужным. Хорошо, что я наконец это узнал.

– ЭТО ТАК. НО ПОЧЕМУ ЭТО ТАК?

Вертрам удивленно повернулся:

– Вот этого я не знаю. Откуда мне это знать? Может быть, потому что мы тут все в одной лодке? Потому что мы не бросаем своих? Потому что смерть это очень надолго? Потому что все, что угодно, лучше одиночества? Просто потому, что люди – это люди?

– А ШЕСТЬ ПЕНСОВ – ЭТО ШЕСТЬ ПЕНСОВ. НО ЗЕРНО – ЭТО НЕ ПРОСТО ЗЕРНО.

– Разве нет?

– НЕТ.

Вертрам выпрямился. Камни моста ещё сохраняли тепло вчерашнего дня.

К его удивлению, Смерть тоже выпрямился.

– ПОТОМУ ЧТО ВСЕ, ЧТО У ТЕБЯ ЕСТЬ, ЭТО ТОЛЬКО ТЫ САМ, – сказал Смерть.

– Как? А, ну, да. И поэтому тоже. А вокруг только огромный холодный космос.

– О, ВЫ ДАЖЕ СЕБЕ НЕ ПРЕДСТАВЛЯЕТЕ.

– И, видимо, одной жизни мало, чтобы все это понять.

– ЧЕГО НЕ ЗНАЮ, ТОГО НЕ ЗНАЮ.

– Это как же?

– ВЕРТРАМ ПУМ!

– Да?

– ЭТО БЫЛА ВАША ЖИЗНЬ.

И тогда, с чувством облегчения, общим основополагающим оптимизмом и с мыслью о том, что все могло бы выйти гораздо, гораздо хуже, Вертрам Пум умер.

Где-то на ночной улице Редж Башмачкинс поглядел налево, потом направо, достал из нагрудного кармана пальто растрепанную кисточку и баночку краски и написал на достаточно ровной стене: “Внутри каждого живого есть мертвец, который хочет выйти на волю...”

И тут все кончилось. Это был конец.

Смерть стоял у окна своего черного кабинета и глядел в сад. В этом царстве неподвижности не трепетал ни один листик. Черные лилии цвели возле пруда, на берегу которого был усажен гипсовый скелетик гномика с удочкой. Вдали высились горы.

Это был его мир. Мир, который нельзя найти ни на одной карте.

И в нем чего-то не хватало.

Смерть выбрал косу из стоявших на стойке в огромном зале. Он прошел мимо больших часов без стрелок и вышел за дверь. В черном саду Альберт возился с ульями. Смерть миновал его и поднялся на холмик у самой ограды сада.

За оградой до самых гор простиралось пространство безвидное и пустое. Нет, оно существовало в определенном смысле, оно могло вмещать тела и массы. Просто поводов делать из нее что-то не было.

До сих пор – не было.

Сзади подошел Альберт. Несколько черных пчел ещё кружились над его головой.

– Чем занимаетесь, хозяин? – спросил он.

– ВСПОМИНАЮ.

– Что именно?

– Я ПОМНЮ, КАК ЗДЕСЬ БЫЛИ ОДНИ ТОЛЬКО ЗВЕЗДЫ.

Что же это было такое? О чем же... Ах, да!

Смерть щелкнул пальцами. Появились поля, следовавшие плавным изгибам почвы.

– Золотые! – восхитился Альберт. – Вот это здорово. Я всегда считал, что нам стоило бы добавить вокруг немного красок.

Смерть покачал головой. Чего-то по-прежнему не хватало.

Но тут он понял, чего же именно. Песочные часы, огромный зал, наполненный ревом утекающих жизней – это было удобно и правильно. Чтобы сохранять порядок, это было необходимо. И все же...

Смерть щелкнул пальцами еще раз, и подул ветер. Поля задышали, широкие волны потекли по склонам.

– АЛЬБЕРТ!

– Да, хозяин?

– У ТЕБЯ НЕТ КАКОЙ-НИБУДЬ РАБОТЫ? КАКИХ-НИБУДЬ ДЕЛ?

– Да вроде нет, – ответил Альберт.

– Я ХОЧУ СКАЗАТЬ: ОСТАВЬ МЕНЯ.

– А, вот оно что! Вы хотите побыть один, – догадался Альберт.

– Я ВСЕГДА ОДИН. А СЕЙЧАС Я ХОЧУ ПОБЫТЬ НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ.

– Ну, хорошо. Пойду тогда, поделаю какие-нибудь дела в доме, – предложил Альберт.

– БУДЬ ТАК ДОБР.

Смерть остался стоять, глядя, как танцуют на ветру колосья. Разумеется, это был всего лишь образ. Люди – не колосья. Они крутятся в своих маленьких тесных жизнишках вот именно, что как заведенные, и их дни от края до края наполнены исполнением простого желания жить. А все их жизни – одинаковой длины. И самые долгие, и самые короткие. С точки зрения вечности, во всяком случае.

Но еле слышный голос Билла Двери возразил откуда-то изнутри: с точки зрения владельца, те, что длиннее – лучше.

– Пип!

Смерть глянул вниз. У самых его ног стояло маленькое нечто.

Смерть опустил руку, поднял его и поднес к своей изучающей глазнице.

– Я ЧУВСТВОВАЛ, ЧТО КОГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ.

Смерть Крыс кивнул:

– Пип?

Смерть покачал головой:

– НЕТ. Я НЕ МОГУ ТЕБЯ ОСТАВИТЬ, – сказал он. – ЭТО НЕ СУБПОДРЯД, И Я ТЕБЯ НЕ НАНИМАЮ.

– Пип?!..

– Ты один тут остался, или есть ещё кто-нибудь?

Смерть Крыс разжал маленькую костяную лапку. Малюсенький Смерть Блох выпрямился и посмотрел вверх с тревогой, но и с надеждой.

– НЕТ. ЭТОГО НЕ БУДЕТ. Я НЕ ПОДДАЮСЬ НА УГОВОРЫ. Я СМЕРТЬ. ОДИН ЛИШЬ Я.

Смерть глядел на Смерть Крыс.

И вспоминал Азраила в его одиночном заточении, в его башне.

– Я ОДИН...

Смерть Крыс глянул ему в глазницы:

– Пип?

Представьте себе высокую черную фигуру в полях бесконечных колосьев.

– Нет. Ты не можешь ездить на кошке. Где это слыхано, чтобы Смерть Крыс ездил на кошке? Смерть Крыс должен ездить на какой-нибудь собаке.

Представьте себе ещё поля, поля до самого горизонта, по которым проходят от края до края плавные волны.

– Не спрашивай. Откуда мне знать? Какой-нибудь терьер, наверно.

...Поля, поля колосьев, шепчущихся на ветру...

– Кстати, и Смерть Блох может тоже на нем ездить. Убьем одним выстрелом двух зайцев.

... и ждущих смены времен в космических часах.

– Нет, это только такой образ...

А в конце всех историй Азраил, который знал, в чем тайна, подумал:

Я помню, как все это повторится вновь.